Б 65-42
86

В. И. МАРКОВИН

В УЩЕЛЬЯХ АРГУНА и ФОРТАНГИ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

Серия «Из истории мировой культуры»

Б 65-42
86

В. И. Марковин

В УЩЕЛЬЯХ АРГУНА И ФОРТАНГИ

0514346

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
Москва 1965

1965/415

Государственная
библиотека СССР
им. В. И. ЛЕНИНА
1985 г.
50076

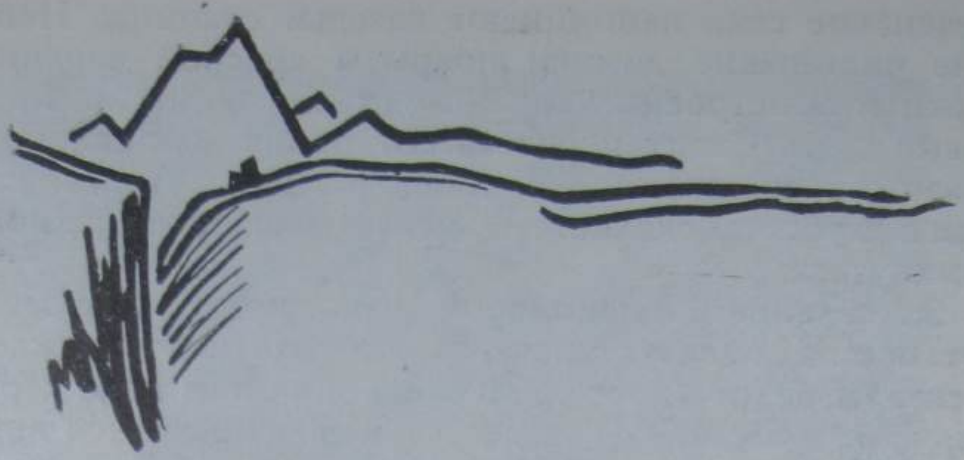
579420

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР

Н. Я. МЕРПЕРТ

Білецький Д.В.

Этот небольшой труд посвящаю своим экспедиционным друзьям — русским, украинцам, белорусам, чеченцам, ингушам, дагестанцам, грекам.

О реках и ущельях

Широко разметалась р. Аргун по Чеченской равнине. Не спеша катит она свои серо-стальные воды среди песчаных отмелей к Сунже — притоку Терека. Но если подняться вверх по течению, то русло ее постепенно сузится, вода станет холоднее, а бешеный поток может унести человека.

Выше чеченских селений Дуба-Юрт и Чишки, что расположены вдоль лесистых невысоких гор, р. Аргун разветвляется на два потока — Шаро-Аргун и Чанты-Аргун. Оба Аргуна — типичные горные реки, овеянные романтикой прошлого.

Ущелье р. Чанты-Аргун (Аргунское ущелье) — узкий и скалистый каньон, поросший густым лиственным лесом. Огромные буки и чинары взбираются по склонам гор. Тихо и мрачно в таких лесах, лишь журчанье ручейка и шорох листвы нарушают молчаливую настороженность горного леса. Сейчас вдоль р. Аргун проходит хорошая дорога, она ведет в сел. Советское, бывшую крепость Шатой.

Аргунское ущелье прерывается несколькими обширными котловинами. В каждой котловине — села.

Чеченские села напоминают казачьи станицы. Небольшие чистенькие домики покрыты красной черепицей, к окнам пристроены наружные ставни. У домиков фруктовые сады. Стоит пересечь котловину, как склоны гор сразу же сближаются, и лишь р. Чанты-Аргун, шумящая в глубоком скалистом ущелье, мешает им полностью сомкнуться.

За селением Вашиндорой (на краю Шатоевской котловины) леса уступают место травянистым склонам и скалам белого мергеля. Теперь дорога в виде карниза вырублена в скалах и резко отвесно обрывается вниз, к реке, на глубину до 150—200 м. У селений Башин-Кале, Ушкалой, Итум-Кале склоны гор разбегаются в стороны, и глаз снова радуют солнечные блики и зелень деревьев. Самой крупной в верховьях Аргунского ущелья является Итум-Калинская котловина, отороченная скалистыми горами. У висячего моста, сохранившегося со времен существования Евдокимовского укрепления (вторая половина XIX в.), в р. Чанты-Аргун справа впадает речка Дёре-ахк, образующая ущелье Тазбичи. Она течет среди белоснежных валунов кварца, уходя вдаль к Дагестану. В районе Итум-Кале кончаются все дороги и исчезают густо населенные поселки. Люди покидают горы: равнина и предгорья более гостеприимны.

Но именно в глубине гор еще и сейчас можно увидеть памятники старой чеченской архитектуры. К руинам ведут головоломные тропы. Иногда приходится идти по воде. В таких случаях надо быть осторожным: Аргун — коварная река, она чуть ли не каждый день меняет глубину у берегов. Тропа то поднимается вверх и лепится по рыхлым сланцевым выступам над рекой, то проходит через пойменный влажный и очень душный лес. Сырая почва колеблется под ногами. А над деревьями высятся скалистые горы с белыми пятнами снежников. Большую трудность представляют речки, с обеих сторон впадающие в р. Аргун. Прозрачные воды их, то желто-топазовые, то голубоватые, очень холодны; мостов здесь нет, и все речки путники переходят вброд.

Много руин. Это остатки боевых, стройных башен, домики-склепы.

Теперь вода р. Аргун напоминает сине-зеленый аквамарин. Река течет величественно медленно в узком

В верховьях р. Чанты-Аргун

Лощина р. Ансалта у сел. Хархарой в Макажойской котловине

каньоне, выточенном ею в твердых известняках. Справа от р. Аргун ответвляется ущелье Майсты — наиболее труднодоступный район высокогорной Чечни, а слева — участок сланцевых гор — покинутое людьми Малхистинское ущелье. Здесь находятся склеповые постройки города мертвых «Цой-Педе». Дальше тропа ведет в Грузию, в страны хевсур, пшавов и тушин.

Ущелье р. Шаро-Аргун (Шаройское ущелье) не менее живописно. Начиная от сел. Шаро-Аргун, ложе реки — это глубокий скалистый каньон. Дорога здесь также высечена в скалах, а мостики через высохшие потоки — каскады устроены на распорках и словно висят в воздухе.

Через сел. Дай, что на левом берегу р. Шаро-Аргун, можно пройти на Макажой с его многочисленными оврагами. Среди них зияет ущелье р. Ансалта, обрывающееся в скалистом Дагестане у селений Ансалта и Ботлих.

Макажой — название главного из селений в этой гигантской горной чаще. Макажоем называют и всю ме-

стность с мелкими хуторками и аулами. Их здесь много: Буни, Джалкх, Тундук, Харкарой и др. В районе Макажоя на высоте 1870 м находится озеро Кезеной-Ам. В ясную спокойную погоду в его глади отражаются зеленые склоны гор, и только всплеск форели порой ломает зеркальную поверхность воды. Но стоит подуть ветру, озеро покрывается мелкими волнами, отражения искажаются, ломаясь на кусочки, и исчезают; вода приобретает зловещий серо-лиловый оттенок. Чеченцы рассказывают, что некогда на дне озера (глубина его около 70 м) находилось маленькое село жадных и негостеприимных людей. Спустился с неба бог и как простой странник стал проситься на ночлег. Отовсюду гнали его жители аула, и только на краю села в дымной сакле бедной вдовы нашел он кров и пищу. Бог решил покарать жителей и затопил селение. Он пощадил только семью гостеприимной женщины. Она и ее дети поселились на новом месте, там, где сейчас высятся постройки аула Кезеной. Интересно, что озеро Кезеной-Ам является огромной запрудой. Его питает небольшая речка Харсум, впадающая в Кезеной-Ам с севера, а с юга озеро отгорожено от глубокой лощины р. Ансалта невысокой земляной перемычкой, которая образовалась в результате древнего оползня [1].

С западной стороны берега озера Кезеной-Ам скалисты. Белые пласты мергеля круто падают в зеленый сумрак воды. Вдоль скал вырублена узкая лента дороги. Ее до сих пор называют Царской. В 1871 г. по ней проезжал Александр II — ему интересно было посмотреть на покоренный Кавказ. Вокруг кареты джигитовали лихие всадники — местная милиция из горцев. А сейчас у озера пасутся отары колхозных овец, на северном берегу стоит домик — магазин для пастухов.

Немного западнее р. Аргун течет р. Фортанга. На равнину выходит она полноводной красавицей, быстро несущей свои воды по каменистому руслу. Река Фортанга впадает в Ассу, а та — в Сунжу.

Из ущелья р. Фортанги ведут тропы к селению Итум-Кале, к р. Чанты-Аргун. За сел. Нижний Бамут в ущелье р. Джолы высятся мрачные руины — остатки башен

---

[1] Рисунок озера Кезеной-Ам и другие выполнены автором.

Озеро Кезеной-Ам

Гандолоя и Белхароя — легендарных владетелей местных соляных источников. На пути встречаются каменные пирамидальные сооружения — склепы. Постепенно тропа приводит к другому притоку р. Фортанги — р. Мереджи или, как ее иначе называют, Хайхи. Здесь, недалеко от сел. Мереджи, на горе Муйты, собирались для решения важных вопросов ингуши и чеченцы многих родовых обществ.

Из Мереджоя идет тропа к долине р. Акки-хи, где совсем недалеко до озера Галанчож. Рядом с ним, в преддверьях Аккинского ущелья, находится глубокая замкнутая впадина. Легенда гласит, что некогда и эта впадина была заполнена водой, образуя обширное озеро. Как-то одна женщина вздумала выстирать в его голубых водах грязные пеленки, осквернила озеро, и оно, возмущенное, стало сокращаться и, наконец, превратилось в быка. Бык покинул эту местность и отправился туда, где сейчас находится озеро Галанчож. Люди, пахавшие здесь, увидели огромного быка и решили воспользоваться его силой. Почувствовав тяжесть ярма, бык стал потеть и, очертив круг, растаял. Его пот и есть прохладные воды современного озера Галанчож. Мертво это озеро, воды его заражены сероводородом.

В районе р. Акки-хи, по скалистым склонам — масса руин. Самые труднодоступные башни построил легендарный Гаж. И сейчас удивляешься, как поднимались люди к башням и сколько нужно было решимости,

чтобы перейти из одной башни в другую по шатким мосткам, повисшим над сизыми скалами пропастей.

От сел. Ялхорой тропа поворачивает к речке Кий-хи, и вот вдали видны серые склоны Итум-Калинской котловины и узкая лента р. Дёре-ахк (Чанты-ахк). Это снова ущелье р. Чанты-Аргун.

Об исследователях

Кавказ с самых давних пор манил к себе путешественников и ученых. И Чечня, лежавшая на пути к богатым городам Азербайджана и Персии, привлекала их внимание.

В 1624 г. по указу царя Михаила Федоровича в Персию и Индию был послан русский купец Ф. А. Котов. Торговая смекалка сочеталась в нем с наблюдательностью ученого. Ф. А. Котов шаг за шагом описывал свой путь. Упоминает он и земли ококов и мичкизов (так называли тогда чеченцев и ингушей), называет местные реки: Быструю — Терек и Сунжу.

Подробно описывали природу и быт местного населения русские академики П. С. Паллас, С. Г. Гмелин, путешествовавшие по Кавказу в XVIII в. Однако трудности передвижения по Чечне и Дагестану не позволили им уделить должное внимание археологическим объектам.

Начиная с XIX в. Кавказ стал модным. Интерес к Кавказу вызывался его природой, разноязычными местными народами, трудностями покорения страны. Этому способствовали и писатели-романтики, видевшие в Кавказе край вольности и бездумной удали.

Ученых поражало на Кавказе обилие народов, говоривших на разных языках. Появилось мнение, что предками жителей Кавказа были многочисленные кочевники, некогда проходившие по просторам Европы и Азии,— киммерийцы, скифы, сарматы, гунны, авары и др. Чтобы научно решить вопрос, так ли это, необ-

ходимо было изучить культуру кавказских народов, их далекое прошлое. Многие ученые делали в те годы все возможное для изучения и правильного понимания культуры и быта народов Кавказа. Так, А. П. Берже в 50-х годах прошлого столетия посетил Чечню, в том числе Аргунское ущелье. В труде «Чечня и чеченцы» он описал местные обряды и обычаи, а также некоторые памятники архитектуры.

С окончанием Кавказских войн Чечня и Дагестан становятся постоянными объектами научной работы.

Большую исследовательскую работу проделал А. П. Ипполитов — офицер, служивший в Аргунском округе (крепость Шатой). Им в районе р. Шаро-Аргун впервые для этой части Чечни были найдены древние бронзовые изделия в виде фигурок людей и животных.

В 1882 г. по Аргунскому ущелью проехал академик Д. Н. Анучин, а через год — страстный любитель археологии преподаватель реального училища Владикавказа В. И. Долбежев. Они оставили описания некоторых археологических и архитектурных памятников. Более продуктивной была поездка лингвиста и археолога профессора В. Ф. Миллера. Его сопровождал Н. Н. Харузин — тогда еще студент, а впоследствии крупный специалист в области этнографии. В. Ф. Миллер большое внимание уделил обмерам башен, склепов, надгробий, обнаруженных в районе озера Галанчож и ущелья Чанты-Аргуна.

Изучением культуры чеченцев занимались также П. А. Головинский, Н. В. Орел, Н. С. Семенов и другие знатоки этнографии и археологии. Не стояли в стороне от серьезного изучения культуры своих собратьев и передовые представители чеченского и ингушского народов. Умалат Лаудаев (чеченец) и Чах Ахриев (ингуш) много сделали для изучения культуры своих народов. И все же до Великой Октябрьской социалистической революции здесь в области археологических исследований было сделано очень мало.

Сразу же после гражданской войны началось активное изучение культуры и истории страны. В Чечне и Ингушетии в те годы работали профессора Н. Ф. Яковлев, М. И. Артамонов, Л. П. Семенов и др. Однако их интересы в основном были направлены на исследования Ингушетии и предгорных районов Чечни.

Только начиная с 1936 г. глубоко в горах — в районе сел. Хорочой и по ущельям р. Аргун — стал работать археолог А. П. Круглов. Но ему не суждено было довести до конца начатые исследования. Молодой археолог погиб в годы Великой Отечественной войны в боях под Ленинградом.

Ущелья р. Аргун изучались также А. В. Мачинским и Бруно Плечке. Будучи военнопленным австрийцем, Плечке в 20-х годах случайно попал в Чечню, заинтересовался историей страны и все свободное время отдавал этому занятию. В итоге Плечке создал интересный труд «Чеченцы», изданный в Гамбурге в 1929 г. на немецком языке. До сих пор он представляет большой научный интерес.

В Чечне в годы Советской власти появляется местная интеллигенция, отдающая все силы изучению родного края. Это в первую очередь краевед М. Акбулатов и писатель Х. Д. Ошаев. Х. Д. Ошаев написал несколько интереснейших и поэтических очерков, посвященных средневековым памятникам Аргунского ущелья. Он собрал ценные предания о древних башнях и склепах.

Большую научную и собирательскую работу в Чечено-Ингушетии проводил и местный Научно-исследовательский институт. Однако Великая Отечественная война прервала успешно начатые исследования на Северном Кавказе.

С 1946 г. по инициативе доктора исторических наук Е. И. Крупнова здесь были возобновлены большие археологические работы. Северо-Кавказская археологическая экспедиция (СКАЭ) под его руководством и по сей день работает в республике.

В Чечне работают три отряда экспедиции, возглавляемые в разные годы Е. И. Крупновым, Н. Я. Мерпертом, Р. М. Мунчаевым, В. И. Козенковой и автором этой книги.

Археологи, как и геологи, ведут кочевой образ жизни. За сезон по нескольку раз меняют места лагерных стоянок. И в каждый полевой сезон завязывается дружба с местными аульскими жителями и со студентами Чечено-Ингушского педагогического института, охотно выполняющими обязанности землекопов. И, пожалуй, без студентов и помощи местного населения наша работа была бы равна нулю. К работе отрядов всегда

привлекаются местные научные сотрудники и знатоки-краеведы. С большим интересом и пониманием дела в моем отряде работали экономист И. Я. Карлюк, библиограф А. И. Лаврищева, фотограф В. Л. Василевский, архитектор Э. П. Химин, фольклорист Я. С. Вагапов историки и учителя А. П. Полторак, А. Ф. Петраш, М. Х. Багаев, М. Х. Ошаев, С. Т. Умаров, В. Л. Ростунов, А. У. Дзагиев и др. Большую помощь оказывали нам М. П. Севостьянов, И. З. Пономарева, А. П. Бородин — музейные работники из Грозного, Н.-Ф. Г. Полихрониди — преподаватель Педагогического института Махачкалы.

Находки каменного века

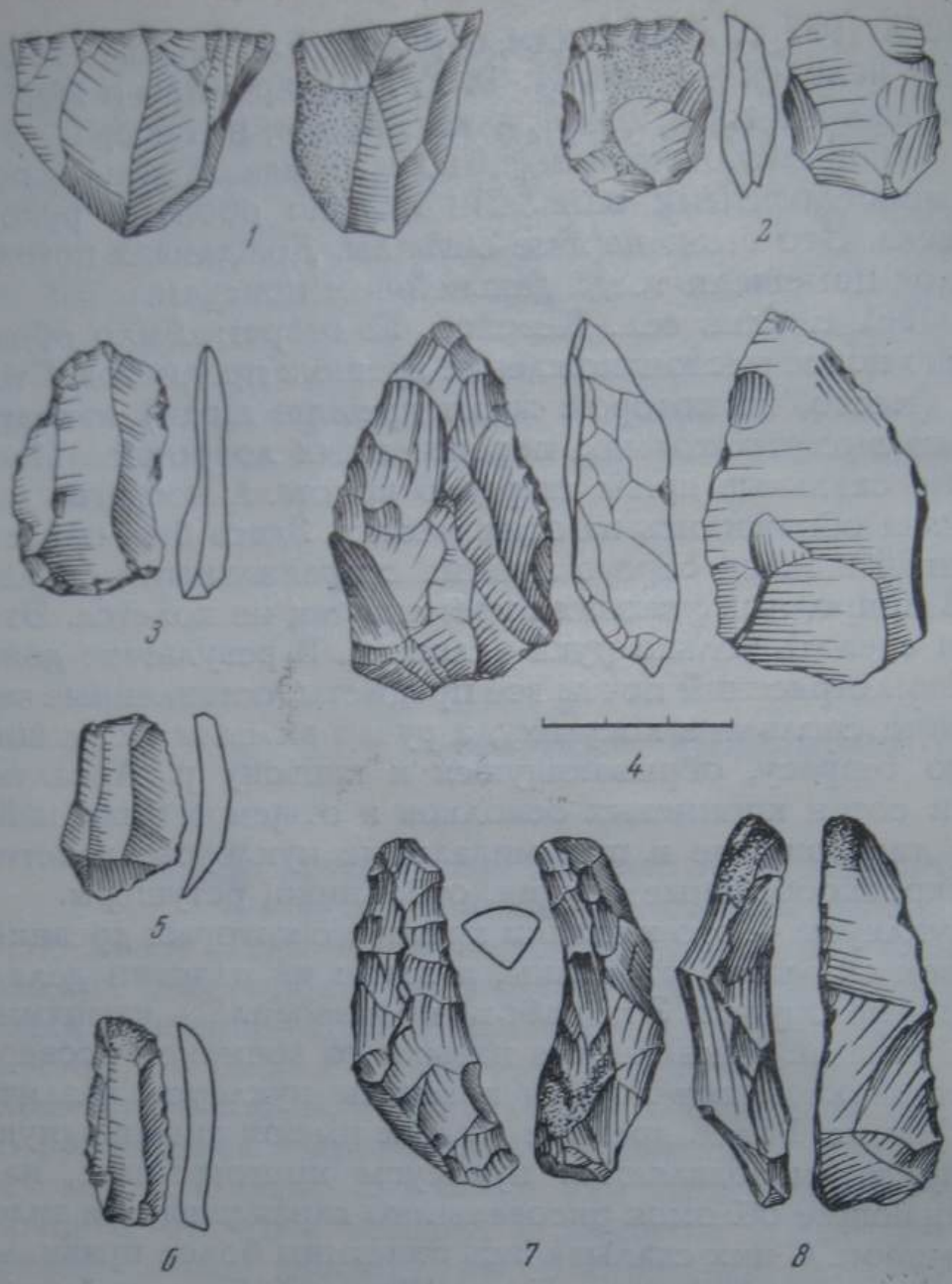
Человек заселил землю очень давно. С тех пор поверхность ее сильно изменилась. Ясно, что и следы человеческой жизни тех чрезвычайно далеких эпох плохо сохранились. Большей частью находки каменного века археологи встречают в переотложенном состоянии — смытыми, перемещенными, под слоями галечников, песка и глины. Поэтому не так легко разобраться в предметах, оставленных древнейшим человеком. Однако на Кавказе уже сделано много таких находок, открыты пещеры, служившие убежищем для древних людей, обнаружены стоянки (поселки) каменного века. Постепенно исчезают белые пятна на археологической карте. Долгое время находки эпохи камня не были известны на территории Азербайджана, но сейчас учеными доказано, что человек и в Азербайджане жил с древнейших времен. В Дагестане и Северной Осетии, граничащих с Чечено-Ингушетией, археологами В. Г. Котовичем и В. П. Любиным в последнее время найдены предметы, изготовленные руками древнего человека. Древние каменные орудия В. П. Любин обнаружил в Ингушетии у сел. Гамурзиево. И только на территории горной Чечни такие находки не встречались, словно человек в древности здесь не жил.

Но в 1957 г. Аргунским отрядом (он состоял тогда из трех человек — меня, Н.-Ф. Г. Полихрониди и шофера) на склоне горы, близ речки Харсум, питающей озеро Кезеной-Ам, были найдены кремневые обломки, покрытые беловатыми окислами и явно оббитые рукой человека. Это были первые сигналы. Дождливая погода и холод помешали тогда дальнейшим поискам.

В 1961 г. близ сел. Кезеной, за озером, было обнаружено новое местонахождение древних предметов. Стоянка (место, на котором жили древние люди) находилась на высоких холмах, пересеченных лощиной. Массивные скальные щиты твердого кристаллического известняка обнажились на этих местах. Здесь был найден крупный желвак серого кремня с правильными сколами. В природных условиях кремень так не колется. Это могла сделать только рука человека. В результате дождей, землетрясений почти все предметы, оставленные человеком, сползли в лощинку, а ручьи вымыли их на широкую террасу, обрывающуюся к каньону р. Ансалта. Среди сотен кремневых осколков и отщепов были найдены дисковидные и пирамидальные нуклеусы, пластины, скребкообразные орудия, отбойники, ретушеры.

Нуклеусы — это желваки кремня, с которых древний человек скалывал пластины, а затем из пластин делал различные орудия. Эта работа производилась камнями-отбойниками. Технические навыки со временем совершенствовались, вот почему известны нуклеусы различной формы. Более древние из них имеют дисковидную форму, затем появляются нуклеусы многогранные, напоминающие обломок рисовального карандаша, и в виде пирамидок. С них скалывались пластины более правильной ножевидной формы. У сел. Кезеной были найдены три нуклеуса: один дисковидный и два призматических.

Скребки — это не заготовки, а орудия с закругленными краями. Употреблялись они для соскабливания жира со шкур животных, для разделки туши. Чтобы края скребков были острее, их слегка подправляли, нанося мельчайшие сколы и искусственные зубчики — ретушь, как говорят археологи. Для этого служили специальные орудия — ретушеры. Такие орудия, несколько изменяясь по форме, употреблялись в течение тысячелетий, до тех пор пока не исчезла необходимость изготовлять предметы из кремня и кремнистых пород.

Находки каменного века у сел. Кезеной

1 — нуклеус; *2* — скребок; *3, 5, 6* — ножевидные пластины; *4* — орудие остроконечной формы; *7, 8* — ретушеры

Кремень имеет свойство изменять от времени окраску поверхности, покрываться патиной. Чем гуще патина (она может быть белой на темном кремне), тем древнее находка. Кезенойские находки были покрыты густой светлой патиной.

Находки у сел. Кезеной были осмотрены специалистами, которые пришли к выводу, что скорее всего на

платформах у р. Ансалта люди жили начиная от палеолита (мустье) и до неолита.

В палеолите, древнем каменном веке, археологи намечают целый ряд эпох — своеобразных этапов, по которым можно проследить технические успехи древних людей. Самые древние из наших находок напоминают изделия эпохи мустье, времени, когда жил неандерталец — человек, физически довольно близкий современному. Рост его не превышал 160 см, но он отличался мощным сложением, ходил несколько согнувшись, на широко расставленных ногах. Такая походка зависела от строения позвоночника и костей ног. Не был он особенно ловок и в метании камней, копий, но это был настоящий человек с объемом мозга в 1600 $см^3$. Ему приходилось пользоваться деревянной дубиной и орудиями из камня. Дисковидные нуклеусы были основными заготовками для скалывания пластин. Древний человек изготовлял в основном два вида орудий: остроконечники с выпуклым режущим краем — своеобразные ножи — и скребла — широкие отщепы с лезвием по длинному краю. Скреблами пользовались для обработки шкур и для других домашних работ. Кстати, орудие, напоминающее остроконечник, было найдено у сел. Кезеной. В ту отдаленную эпоху уже произошло естественное разделение труда — труд мужчины отличался от деятельности женщины. Мужчина охотился на животных, он был вооружен остроконечником, женщина, исторически хранительница домашнего очага и уюта, занималась домашними делами — обрабатывала шкуры, шила одежду, готовила, собирала съестные травы и корни. Ее орудием было скребло. Такое разделение орудий труда и деятельности совсем недавно ученые могли наблюдать у эскимосов и австралийцев.

В эпоху мустье появились первые преднамеренные захоронения. Вероятно, пытаясь осознать, что такое смерть, первобытный человек начал проявлять заботу об умершем члене своей общины. Появлялись также зачатки искусства — самый примитивный узор в виде насечек на кости. В реконструкции быта древнего человека ученым помогли наблюдения над современными племенами, совершенно не знающими металла.

Наиболее поздние из наших находок относятся к неолиту. Это небольшие удлиненные ретушеры. Они

указывают, что здесь, высоко в горах, можно искать стоянки эпохи, когда люди уже умели не только оббивать камень, но шлифовать, полировать и сверлить его. От шлифовки камень уплотняется, и лезвие предмета становится более прочным. А люди в эту пору уже делали клиновидные долота, молоты, топоры, которые напоминают лезвие рубанков и другие орудия. Из кремня изготовляли ножи, стрелы. Поражаешься тонкости отделки таких вещей!

Крупным достижением этой эпохи надо считать изобретение керамики. Ведь с появлением грубых лепных глиняных горшков человек мог варить пищу, и те продукты, которые раньше из-за твердости и ядовитости (различные коренья, зерна, орехи, клубни) он не мог есть, теперь появились «на столе» неолитических людей. Появилась возможность заготавливать продукты впрок. У современных народов с примитивной культурой керамику изготовляют женщины, и на древней посуде отпечатки пальцев большей частью оставлены женскими руками. Думаем, что именно женщине человечество обязано изобретением керамики.

Когда мы обнаружили первые кезенойские находки, многие товарищи из местного Чечено-Ингушского научно-исследовательского института отнеслись к древности кремневых «обломков» очень скептически. Мы даже прекратили поиски и спустились с гор на плоскость [1].

Для того чтобы развеять все сомнения, нужно было иметь больше материала, и вскоре мы вернулись в сел. Кезеной.

Теперь ясно, что там, где сейчас проходит дорога в Макажой, пасутся отары овец, в древности жили люди — люди каменного века.

---

[1] Плоскостью на Кавказе называют равнинные и предгорные районы.

Тайны курганов у сел. Бамут

В 1958 г. на левом берегу р. Фортанги отрядом Р. М. Мунчаева были замечены курганы. Они тянутся сплошными цепочками от сел. Ачхой-Мартан до сел. Бамут. Общая протяженность их 10 км. Начались раскопки этих курганов.

Раскопать курган научно — дело не простое. Можно часто слышать, что вот там-то пробовали копать курган, прорыли глубокий колодец в центре его, но... ничего не нашли.

При раскопках тщательно замеряют высоту и диаметр кургана. Через центр его должна проходить бровка — полоса земли, которую раскапывают в самый последний момент. Ширина такой бровки зависит от величины кургана — от 0,50 до 1,50 м. Если копают курган бульдозером или скрепером, то оставляют одну бровку, ориентированную для удобства с севера на юг или с запада на восток. Если же копают вручную, то оставляют две бровки, а насыпь кургана снимается между ними по частям, небольшими дольками, начиная от края. Все находки наносят на чертеж, зачерчивают также профиль — срез бровки, на котором видна конструкция кургана: ров вокруг него, каменная обклад-

Предметы из древнейших погребений в курганах у сел. Бамут: красноглиняный округлый сосуд майкопского типа; черноглиняный сосуд на ножках куро-аракского типа; бронзовые кинжал, четырехгранное шило и крюк; каменный топор

ка внутри, ямы могил. Археолог рассматривает курган как архитектурное сооружение.

И вот открыто очень древнее захоронение в одном из курганов сел. Бамут. Оно находилось в центре кургана на глубине 2,15 м. Покойник, а от него остались лишь истлевшие кости, лежал на спине, лицом вверх, ноги у него были сильно согнуты, левая рука лежала на правом колене, а правая была вытянута вдоль туловища. Кости окрашены в темно-красный цвет порошком охры. Ею натерли тело умершего, а затем, когда мышцы истлели, краска осела на кости. Возле покойника были найдены кремневая пластина и стеклянный бисер от ожерелья голубоватого цвета.

В другом кургане найдена могила, которую окружало кольцо диаметром 15 м, сложенное из камней. Это так называемый кромлех. Стены самой могилы были облицованы дубовыми бревнами, а дно выложено плотным слоем белых галечек. Умерший лежал на правом боку с поджатыми ногами, а руки, согнутые в локтях, находились возле лица. Под тазом и ногами были видны следы красной охры. Рядом с покойником стояли три сосуда. Они были раздавлены толщей земли. Но самая интересная находка была сделана в земле, прикрывавшей покойника. Люди, которые принимали участие в похоронах, бросили умершему каменный топор.

По форме он напоминает колун дровосека, но проушина — отверстие для топорища — у него не овальная, а круглая. Топор все время приходилось подбивать, чтобы он не вращался на рукояти. Значит, и современная проушина овальной формы возникла не сразу. И, наконец, еще одно погребение из этих же курганов[1]. В центре его была устроена площадка (вымостка) из речных булыжников, уложенных в несколько рядов, а вымостку опоясывал кромлех диаметром около 18 м. Под вымосткой находилась могила без всяких признаков истлевших костей, но зато среди комочков охры была найдена целая коллекция вещей: бронзовые ножи или кинжалы, четырехгранное шило, вилообразный крюк, медный котел, точильный камень, круглая каменная ступка и два горшка с красной пачкающей поверхностью.

Ничего странного в том, что в могиле не было покойника, нет. Подобные могилы нередко встречаются. Археологи называют их кенотафами. Они устраивались в память умершего где-то на чужбине.

Но в курганах у сел. Бамут были обнаружены погребения и вещи, которые встречены на территории Чечено-Ингушетии впервые. Сходная керамика была найдена лишь на древнем поселении у сел. Мужичи в Ингушетии. Такие погребения и вещи характерны для Прикубанья, где в древности (в III тысячелетии до н. э.[2]) жили племена, условно названные археологами майкопскими. В 1897—1898 гг. Н. И. Веселовский копал курганы у Майкопа и кубанских станиц. Он обнаружил могилы, в которых покойники лежали в сильно скорченном положении на галечной посыпке и были обращены головами на юг.

При них находились вещи такого же типа, как и обнаруженные сейчас в бамутских курганах. Подобные

[1] Описаны погребения в курганах 6, 9 (раскопки 1959 г.) и в кургане 9 (раскопки 1961 г.).

[2] Датировка археологических объектов и вещей определяется несколькими методами: 1) путем сопоставления новых находок с аналогичными или близкими, уже датированными по сходству с объектами стран Древнего Востока, Египта, Крита, Индии, Китая, для которых известно летосчисление с древнейших времен; 2) методом типологии, когда находки располагаются в ряды от технически и функционально примитивных к более совершенным; 3) с помощью технических наук: по распаду углерода в костях и дереве, по древесным кольцам и т. д.

вещи были найдены Н. И. Веселовским и в грандиозных каменных гробницах — дольменах у станицы Царской (Новосвободной). Ученые получили тогда совершенно новый и прекрасный материал. Об этих находках сделал сообщение на Лондонском съезде историков в 1913 г. видный русский археолог Б. В. Фармаковский.

Уже много десятков лет изучают ученые находки майкопского типа. И ими выяснено следующее.

В странах Древнего Востока в III тысячелетии до н. э. уже возникали первые города, государствами правили цари, носившие громкие титулы, рабы-чужеземцы работали в рудниках, переносили тяжести, строили здания и гробницы, рыли каналы. Возникла меновая торговля. Среди восточных товаров большим спросом пользовались изделия из меди: тесловидные топоры, кинжалы, долота, шилья.

И вот в самых древних майкопских курганах были найдены орудия и оружие именно такого происхождения. К берегам р. Кубани они попали из Малой Азии. Прошло время, и местные племена по этим образцам сами отливали подобные изделия. Руду для этой цели добывали где-то в Кавказских горах. Появилась местная металлургия меди. Росла культура древнего населения Прикубанья. Судя по находкам зернотерок, кремневых вкладышей в серпы (такие кремни с зубчиками вкладывались в основу из рога, кости или дерева), майкопские племена, или, как археологи называют их, племена майкопской культуры, занимались земледелием. В эту пору были уже приручены коровы, овцы и козы. Люди жили в домах турлучного типа, иначе говоря, они строили большие плетенные из хвороста хижины и затем обмазывали их глиной. Пол в таких домах был глинобитный, а в центре его в виде ямы устраивался очаг. На поселениях майкопской культуры находят рогатые кирпичи с отверстиями, на таких подставках жарили мясо, поворачивая вертела над огнем.

Охота занимала в хозяйстве древних племен довольно видное место. Прекрасно сделанные стрелы, изображения диких животных, находки костей различной дичи указывают на это.

Сколько труда было вложено в каждую вещь, но умирал человек и все его прижизненные богатства уходили с ним в могилу.

А дольмены! Ведь известны такие дольмены, каменные перекрытия которых весят 20 т. И люди строили их, чтобы покойники чувствовали себя на том свете, как дома...

Ученые давно заинтересовались вопросом, почему умерших натирали охрой. Вероятно, это была символическая кровь, которой не хватало бледному и холодному телу умершего. И там, в могиле, она должна была оживить его... И так на каждом шагу — суеверия, домыслы. Но шаг за шагом человек отвоевывал у природы ее тайны — тайны рождения и смерти, тайны нашего бытия.

Курганы майкопского типа и отдельные находки были обнаружены в Кабардино-Балкарии и Северной Осетии. Теперь они найдены в Ингушетии и Чечне. Оказывается, что в древности на территории Кавказа и восточных районов Турции жили родственные племена. Их культурное единство проявлялось в способах построения жилищ, в формах очагов, в приемах изготовления и украшения керамики. В III тысячелетии до н. э., т. е. в период, когда были построены бамутские курганы, внутри этой крупной кавказской общности племен уже выделились отдельные группы. Появились майкопские племена, племена куро-аракской культуры (они обитали в бассейнах рек Куры и Аракса, а также населяли территорию Дагестана и часть Чечено-Ингушетии), племена, занимавшие районы Западной Грузии. Эти племена были родственны, и хотя в их языке уже стали появляться различия, они поддерживали связи друг с другом. В одном из курганов у сел. Бамут были найдены вместе сосуд красной глины, характерный для племен майкопской культуры, и черноглиняный сосуд на четырех ножках, характерный для племен куро-аракской культуры. Такие смешанные материалы были найдены и на поселениях у сел. Мужичи в Ингушетии и у сел. Сержень-Юрт в Чечне.

Это не только интересно, но и важно для изучения истории народов Северного Кавказа. Становится объяснимым определенное сходство культурных традиций у различных народов Кавказа, которое проявляется в грамматическом строе языка большинства народов Кавказа, в обычаях и пережитках древних верований, в некоторых предметах утвари, одежде.

Весь Северный Кавказ, включая и Дагестан, в период III тысячелетия до н. э. можно разделить на три области: 1. Область, занятую памятниками (курганами и поселениями) майкопской культуры. 2. Область с памятниками смешанного типа, в которых есть черты майкопской и куро-аракской культур. 3. Область, занятую племенами куро-аракской культуры. Для них характерны поселения на высоких плоских холмах (тепе). Дома часто имеют круглую форму. Керамика, найденная здесь, черного цвета с выпуклым узором и заполирована до блеска.

И каждая из указанных областей занята сейчас народами трех групп: там, где жили древние «майкопцы», теперь живут адыги (черкесы, шапсуги, кабардинцы), это Прикубанье и Центральный Кавказ; во второй области живут вейнахи, т. е. чеченцы и ингуши; в третьей — дагестанцы.

Курганы часто насыщены разновременными погребениями. Так было и в Бамуте. Над древнейшими погребениями, описанными нами, в курганных насыпях были обнаружены могилы II тысячелетия до н. э. Под камнями в ямах лежали скелеты то на правом, то на левом боку с подогнутыми ногами. Руки у них обычно согнуты в локтях и находятся перед лицом. Костяки лежат большей частью головой на запад или восток. Краски на костях мало, а вещи, положенные в могилы, очень характерны. Это сосуды различных форм — объемистые горшки, сосуды-кринки с ручками, чашевидные миски. Обычно керамика богато украшена. Узор наносили, прижимая к сырой глине сетку, сплетенную из тонкой веревки в виде углов, зигзагов, ромбов. Получали замысловатый узор, который дополняли оттисками фигурных штампов — палочек и косточек, заканчивающихся треугольниками, сегментами, спиралькой. Узор очень красив и почти никогда не повторяется. Древние мастерицы обладали неисчерпаемой фантазией в украшении посуды. Металлические вещи того времени часто украшены литым узором. Он также напоминает шнур, концентрические круги и спирали. Таким узором украшались почти все вещи из металла (проушные топоры, булавки, бляшки, подвески, бусы), за исключением ножей. Употреблялись в то время кремневые стрелы, каменные булавы и боевые топорики.

Булавы служил
власть. Булавы
ских булав (пе
скипетров.

Боевые топ
вика — минера
ковистым блес
огранкой, но в
лыми контурам
ются они редк
видимо, вожде

Крупнейши
туру древних п
казской культу
ми археологам
хеологическом
о древнейших
археологическ
плекс единооб
определенной
виях — в погре
погребального
определенной

Сосуды, каменный топор и бронзовые подвески из курганов у сел. Бамут (хут. Новые Аршти). Северокавказская культура

Булавы служили оружием и вместе с тем олицетворяли власть. Булавы эпохи бронзы — это прототипы гетманских булав (перначей), маршальских жезлов и царских скипетров.

Боевые топорики большей частью делали из змеевика — минерала зеленоватого цвета с глубоким шелковистым блеском. Часто эти топорики покрыты легкой огранкой, но встречаются топорики с мягкими, округлыми контурами. Это личное боевое оружие. Встречаются они редко, только в богатых находками могилах, видимо, вождей.

Крупнейший русский археолог В. А. Городцов культуру древних племен этого времени называл северокавказской культурой. Сейчас это название принято многими археологами. Нам уже приходилось прибегать к археологическому термину «культура», когда мы говорили о древнейших могилах в бамутских курганах. Под археологической культурой ученые понимают комплекс единообразных древних находок, найденных на определенной территории и в определенных условиях — в погребениях, объединяемых общими чертами погребального обряда, на поселениях с жилищами определенной конструкции и т. д. Это позволяет

археологам считать, что такие находки оставлены этнически родственными племенами. И вот теперь речь пойдет о племенах северокавказской культуры.

Сейчас по отдельным чертам в ритуале погребений, по сходству форм посуды и металлических изделий с учетом их усовершенствования и развития можно установить родство племен майкопской культуры и северокавказской. В III—II тысячелетиях до н. э. на Северном Кавказе население не менялось. Однако в процессе развития отдельные племена стали отличаться своей культурой от соседних родственных племен. Это неудивительно. Многообразие природы Северного Кавказа, раскинувшегося от Черного моря до Каспийского, несомненно, отражалось на быте местных племен эпохи бронзы. Население степей жило несколько иначе, чем в высокогорных районах. И вот, несмотря на общие черты, которыми характеризуются предметы, оставленные древним населением Северного Кавказа, можно найти особенности, отличающие предметы из Прикубанья от предметов, найденных в Чечне. В таких случаях археологи говорят о локальных (местных) отличиях. Это прежде всего касается украшений (булавок, бляшек), орнамента.

Местные бытовые условия оказывали влияние в первую очередь на искусство и верования. Ф. Энгельс писал: «...Первоначальные религиозные представления, по большей части общие каждой данной родственной группе народов, после разделения таких групп развиваются у каждого народа своеобразно, соответственно выпавшим на его долю жизненным условиям»[1].

На территории, занятой племенами северокавказской культуры, сейчас можно выделить три области, которые и являются ее локальными вариантами. Территория западного варианта приходится на Прикубанье, центрального — на центральную часть Северного Кавказа и восточного — на Чечено-Ингушетию и часть Северного Дагестана. Племена, населявшие эти области в эпоху бронзы, не были изолированы друг от друга. Территориальные границы между ними очень условны, но все же отличия в предметах, которые находят археологи в каждой из трех частей Кавказа, довольно ярки.

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 21, стр. 313.

В Прикубанье сосуды большей частью украшены орнаментом в виде треугольников, опущенных вершиной вниз. Иногда такие треугольники заштрихованы. Здесь раньше, чем в других частях Северного Кавказа, появляются бронзовые топоры — колуны и обоюдоострые кинжалы. Булавки, которыми скрепляли одежду (а горцы иногда пользуются подобными и сейчас), имеют форму посоха, встречаются также булавки с навершием в виде «молоточков». Люди хоронили своих сородичей в ямах, перекрытых бревнами.

В центральной части Кавказа в то время посуду украшали орнаментом в виде елочки, встречается также узор из треугольников и двух поясков — у дна и устья. В этой части Кавказа употреблялись булавки с «молоточками», с навершиями, напоминающими бараньи рога и катушки. Здесь часты находки каменных топориков. Археологи их даже называют кабардино-пятигорскими. Все эти предметы найдены в каменных склепах, ямах, перекрытых плитами. Некоторые могилы напоминают ящики: плиты плотно пригнаны друг к другу и покрыты каменной крышкой.

Материалы II тысячелетия до н. э. в восточной части Кавказа изучены мало, но замечено, что местная керамика чаще украшена всевозможными налепными шишечками и реже имеет шнуровой узор, хотя на посуде из курганов у сел. Бамут и на сосуде из Грозного имеется и шнуровой орнамент. Булавочки имеют навершия в виде рогов и дисков.

Различные конструкции могил зависели в первую очередь от того строительного материала, который преобладал в данной местности. Могилы были жилищами мертвых и соответствовали реальным домам. На Кубани в эпоху бронзы в лесистых районах строили землянки с крышами из дерева, и покойники лежат в могилах — землянках с деревянным потолком, в горах люди жили в каменных домах, и покойников хоронили в склепах и каменных ящиках.

Племена северокавказской культуры занимались скотоводством и земледелием. Из земледельческих орудий найдены каменные зернотерки и вкладыши в серпы. На занятие скотоводством указывают находки костей животных. Это большей частью остатки «заупокойной» пищи, которая археологами изучается так же тщательно,

как и другие находки. Подсчет костей животных показал, что в стадах преобладали козы и овцы [1], разводились также свиньи. Свинину горцы Северного Кавказа перестали употреблять в пищу значительно позднее — с появлением мусульманства.

Занятие скотоводством нашло свое отражение в бытовых предметах эпохи бронзы. Известны бронзовые фигурки овец из металла (происходят из окрестностей Кисловодска и Хасав-Юрта), навершия многих булавок напоминают бараньи рога; посуда и бронзовые топоры украшались иногда выпуклыми бараньими головками.

В древних могилах редко встречаются кости собаки и лошади. Мясо этих животных, вероятно, не ели. Но лошадь во II тысячелетии до н. э. уже была приручена и использовалась в хозяйстве. В Азербайджане, например, известно для того времени захоронение человека с конем. Лошадь и быка запрягали в телеги. Археологи иногда даже находят глиняные массивные модели колес, а в Армении и Калмыкии в курганах найдены целые повозки эпохи бронзы. Колеса у них собраны на шипах из массивных кусков дерева и не имеют спиц. В Турции и сейчас еще ездят на таких громыхающих арбах.

Жители Северного Кавказа в эпоху бронзы жили оседло. Но летом, когда выгорала трава, стада гнали в горы, на альпийские пастбища, а зимой — в степи. Вот почему и высоко в горах, и очень далеко от гор, в Ногайских и Прикумских степях, часто встречаются обломки посуды, характерной для древних северокавказских племен.

В прошлом году мы снова побывали в таких степях. На огромной площади сильные ветры снесли траву, развеяли древние культурные остатки и обнажили песчаные отложения Каспийского моря. По таким выдувам можно часами ходить и собирать то, что когда-то забыл, потерял или оставил человек,— от современных гильз и до скребков каменного века. Мелодично звенит песок, подгоняемый ветром. Очень пустынно и одиноко.

И вдруг мы видим: в землю врыт полуразрушившийся сосуд. Он покрыт сложным и неповторимым узором эпохи бронзы. Вокруг него сохранились угольки — в

---

[1] Заупокойная пища могла регламентироваться ритуалом.

Комплекс находок с курильницей из станицы Мекенской на р. Терек

нем варили пищу. За костром следила женщина, она забыла грузик — пряслице от веретена. Но что-то помешало обеду древних путников Они спешно ушли. И жизнь сохранила нам остатки древнего бивуака...

Древние северокавказцы занимались также охотой. Среди вещей, найденных в могилах, часто встречаются изделия из кости и рога оленя. Из оленьих зубов делали подвески-ожерелья, подвесками служили также клыки медведя и кабана. В одном из курганов у сел. Ардон (Северная Осетия) был найден бронзовый предмет в виде кабаньего клыка. Быть может, он служил амулетом.

Древние племена Северного Кавказа знали металлургию и металлообработку. Центром этих производств являлась, правда, не Чечня, а районы Центрального Кавказа (территория современных Северной Осетии и Кабардино-Балкарии). Сейчас археологи и металлурги спорят о том, где находились древние месторождения меди — тут же, в центральной части Кавказа, или руду привозили из Закавказья. И споры пока остаются спорами. Несомненно, что руду добывали с поверхности залежей и по пещерам. Штолен тогда почти не устраивали. Это и затрудняет ответ на вопрос, в каких местах

брали руду. Но древние выработки конца бронзового века в центральной части Кавказа уже известны.

Почти все древние кавказские изделия из бронзы содержат в качестве компонента не олово, а мышьяк. Это объясняется тем, что месторождений руды олова — касситерита или криолита — на Северном Кавказе нет, а мышьяка много. Встречается он в виде серо-золотисто-го с металлическим блеском минерала арсенопирита и ярко-желтого в виде пластин и чешуек аурипигмента.

Древние люди знали свойства мышьяка и добавляли его в медь. От 0,25 до 2,4% мышьяка можно обнаружить в предметах с четким и ясным узором. Такой сплав хорошо заполняет литейную полость. Для топоров, булавок, ножей, т. е. предметов, которые после литья еще и проковывались, в медь добавляли около 1% мышьяка. Литье производили в двусторонних литейных формах, и поэтому на предметах часто видны литейные швы. Вещи со сложным узором в виде шнура, спиралек, змеек отливались по восковой модели. Модель при этом заключалась в форму, которую после литья разбивали. На некоторых украшениях, кроме литого, встречается и выбитый выпуклый (пунсонный) узор.

Древние северокавказские металлурги были талантливыми мастерами своего дела. И предметы, изготовленные ими, находили широкое применение далеко за пределами Кавказа — у племен, живших на территории Украины, Белоруссии, Южной России, Поволжья. Такие находки легко отличить по сплаву, в их металле всегда содержится мышьяк, они имеют характерные формы и орнамент.

В эпоху бронзы некоторые из степных племен пытались проникнуть на Кавказ. Это так называемые племена катакомбной культуры. Они хоронили умерших под курганами, в обширных подземных пещерах с округлым верхом — катакомбах. Отсюда их название.

В 1963 г. у сел. Бамут в кургане была обнаружена могила — катакомба и найдена характерная для этих племен курильница — чаша на четырех ножках. Внутри такой чаши обычно имеется два отделения — маленькое и большое, в одно клались благовонные травы, в другое — горящие угли, и тонкий ароматный дымок поднимался ввысь, взывая к не известным нам божествам.

В Чечне найдено уже несколько таких курильниц —

Курильницы из Чечено-Ингушетии
Слева — из г. Грозного; справа — из ст. Наурской и сел. Бамут.

у станиц Мекенской и Наурской на р. Тереке и в районе Грозного. Особенно интересна группа находок в одном кургане у станицы Мекенской. Здесь были вместе сложены курильница, два сосуда, кусочек охры, камень для ее растирания и амулет из клыка кабана.

Степные племена проникли далеко на Кавказ. Их погребения найдены в курганах по обе стороны р. Кубани, а отдельные вещи — у Ставрополя и Пятигорска. Даже в Дагестане, на р. Атлан-Озень, у станции Манас, в курганах были обнаружены обширные катакомбы. Но странное дело, ни одной вещи, характерной для этих степных племен, в могилах не было найдено. Все находки характерны для древних дагестанцев, не было здесь даже курильниц. Вероятно, местные племена сопротивлялись движению степняков, пребывание пришельцев на Кавказе затянулось, и в результате общения с местным населением, они многое восприняли от своих новых соседей, но сохранили дедовский традиционный способ захоронения в подземных пещерах. Это было во второй половине II тысячелетия до н. э. А курган у сел. Бамут был воздвигнут в начале их движения, когда степняки были верны еще своим обычаям и обрядам.

Могильник Гатын-Кале

Этот могильник был найден почти случайно.

В 1956 г. наш отряд впервые попал в ущелье р. Чанты-Аргун. Остановились недалеко от сел. Асланбеки-Шерипово, напротив накренившейся боевой чеченской башни. Пока готовился ужин, я и археолог В. А. Кузнецов направились к башне. И вот среди гальки мергеля, а почва здесь очень каменистая, нашли массу древней битой керамики.

Утром на месте находок заложили маленький раскоп. Обнаружили могилу, в которой лежали многовитковые браслеты, булавки, подвески — вещи II тысячелетия до н. э.

Так был открыт один из интереснейших памятников в горной Чечне. Этот могильник был назван нами по имени соседней средневековой башни — Гатын-Кале.

С 1957 по 1959 г. на Гатын-Кале обнаружено 36 могил.

Опишем некоторые из них, сохранив полевую нумерацию могил.

Погребение 7 находилось в склепе, сложенном из каменных плит. Это сооружение было заполнено плотной, слежавшейся землей. На глубине 30 см от верхнего края склепа были обнаружены три глиняных сосуда. Один из них украшен ручками — налепами в виде стилизованных рожек животного. На глубине 70—80 см нашли шесть глиняных сосудов. Самый крупный из них лежал в центре, а внутрь его люди положили небольшую кружечку для питья. Кругом масса костей и четыре человеческих черепа. Ниже, на глубине 1 м, были найдены еще три черепа, сосуд с врезанным узором и височные подвески. Такие подвески свертывались в 1,5 оборота из бронзового прута или пластиночки и нашивались на головной убор. Тут же был найден довольно странный предмет. Он напоминает пряслице для веретена, но сделан из головки кости животного и, будучи

Могильник Гатын-Кале. Погребение 3 в склепе

насаженным на древко, мог служить оружием. Возле черепов встречались мелкие угольки.

На глубине 1—1,20 м были найдены костяная подвеска в виде колечка со стерженьком, кости овцы и свиньи, остатки человеческих скелетов и два черепа — 8-й и 9-й. Интересно, что среди костей были найдены четыре локтевые кости, сложенные вместе. В таком порядке эти кости в скелете человека не встречаются. Здесь же были обнаружены бронзовый обоюдоострый нож с черенком, два бронзовых браслета с заходящими концами, булавка с дисковидным навершием, крупная подвеска из бронзы в виде кольца с ушком, бронзовые полусферические колпачки, глиняное пряслице, бусы из непрозрачной стеклянной пасты и масса морских каспийских ракушек, некоторые из них были обточены, как бусы.

На глубине 1,20—1,30 м были расчищены останки еще одного человека (10-го). Он лежал спиной вверх, ноги разведены в стороны. Берцовые кости и ступни не сохранились. Над черепом лежал бронзовый нож, а неподалеку — височная подвеска. На этом же уровне были найдены костяной предмет, напоминающий пряслице, бронзовая булавка с дисковидным навершием, сосуд и просверленная каспийская раковина. И только на дне могилы (глубина 1,30—1,50 м) были обнаружены ненарушенные скелеты двух людей (11-й и 12-й) —

мужчины и женщины. Слева на спине лежала молодая женщина (рост около 160 см). Правая рука вытянута вдоль туловища, левая покоилась на животе. Голова и ноги лежали на каменных плитах, у головы — угольки и обломок серебряной височной подвески. Под левой рукой ее была найдена глиняная кружечка. Рядом с ней в такой же позе лежал мужчина (рост 178—180 см). Череп покойного был пробит в лобной части. У головы найдены глиняный сосуд, бронзовая височная подвеска и кучка угольков. Возле таза находились мисочка, обломок кремня и кремневая стрела с глубокой выемкой в основании для прикрепления к древку. У левого колена стоял сосуд, рядом найдены угольки. На костях ног сохранились следы красной краски.

В склепе погребения 14 нами были обнаружены останки 11 человек, а ведь склеп невелик: 135 × 75 см при глубине в 150 см. Почти никакого анатомического порядка кости этой могилы не сохраняли. Здесь же найдены сосуды, игральные кости (овечьи альчики), костяные шилья-проколки, бронзовая булавка с навершием в виде рогов (волют), височные подвески и бусины из каспийской раковины.

Среди могил встречались и такие склепы, в которых лежали и одиночные скелеты, и по два-три покойника.

Каждая могила в Гатын-Кале — это целый музей древностей. Здесь найдены каменные булавы и топорики, бронзовый топор, роговые муфты, украшения из бронзы. Правда, детей не так щедро снаряжали в «вечный путь». Сосудик, сердоликовая бусинка — вот почти все. И могилы для детей устраивали большей частью в виде ящиков. Но самые интересные захоронения были найдены не в склепах, а в могилах в виде обычных ям. Здесь было так много глиняной посуды, что она образовывала целые валы, окружающие бренные останки своего бывшего владельца. В погребении 1 найдены сотни обломков от различных сосудов. В погребении 27 вдоль покойника древние люди поставили 17 горшков, в погребении 31 — более 19. По формам, орнаментике посуда этих могил в ямах ничем не отличается от посуды, найденной в склепах, да и металлические вещи в них мало чем отличаются от вещей склепов. Но самыми интересными были пустые могилы. В науке такие ложные погребения, как уже говорилось, называют

Могильник Гатын-Кале. Погребение 7 в склепе. Костяки мужчины и женщины на дне склепа

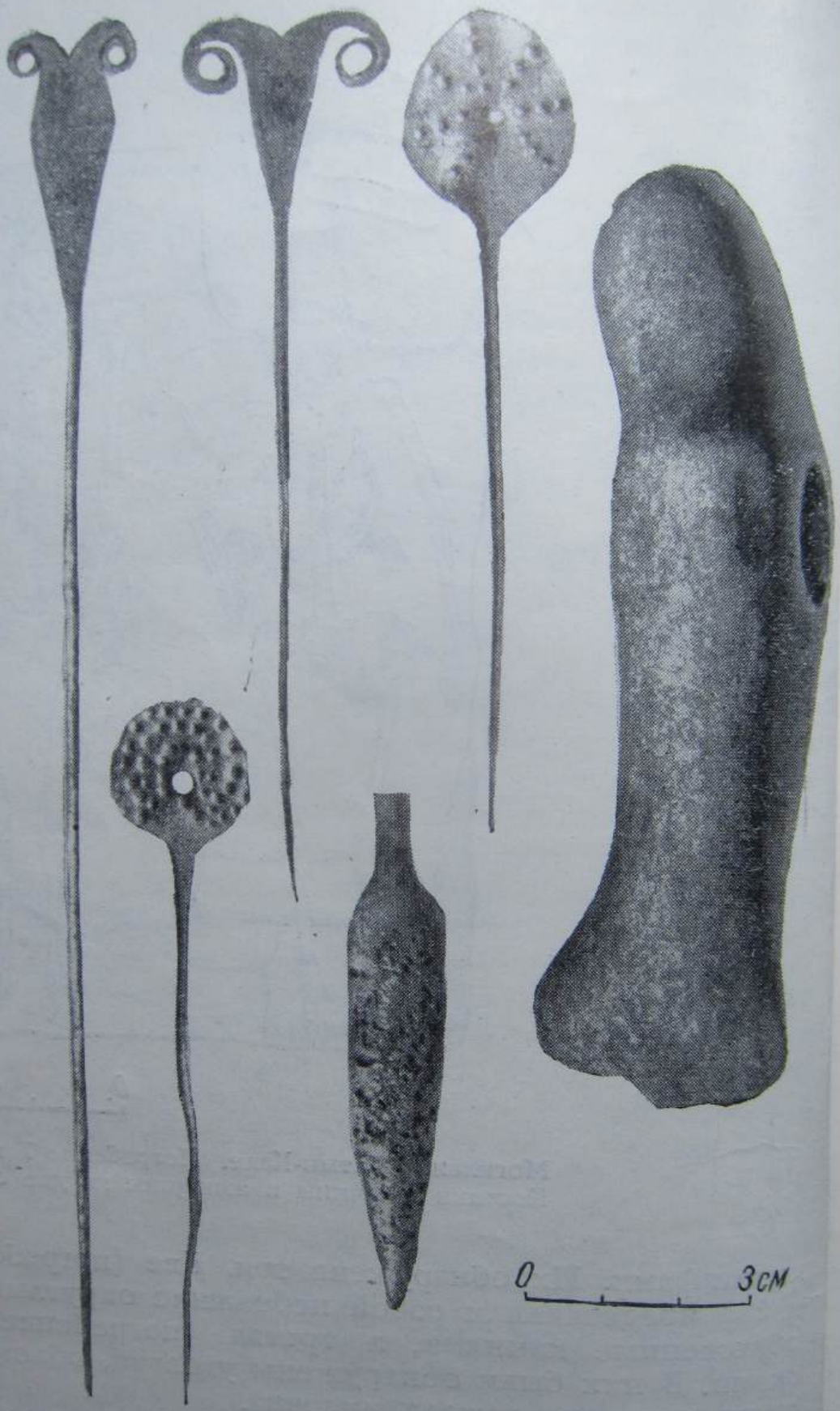
кенотафами. Их обнаружено три. Две (погребения 20 и 22) представляли собой небольшие округлые ямки, обложенные камнями, а третья (погребение 21) — склеп. В них были обнаружены угольки, обломки посуды, в склепе лежала мисочка.

Горцы всего Северного Кавказа, независимо от вероисповедания, устраивали и устраивают сейчас кенотафы в честь умерших на чужбине. Кенотафы древности — это первые шаги на пути увековечения памяти дорогих людей.

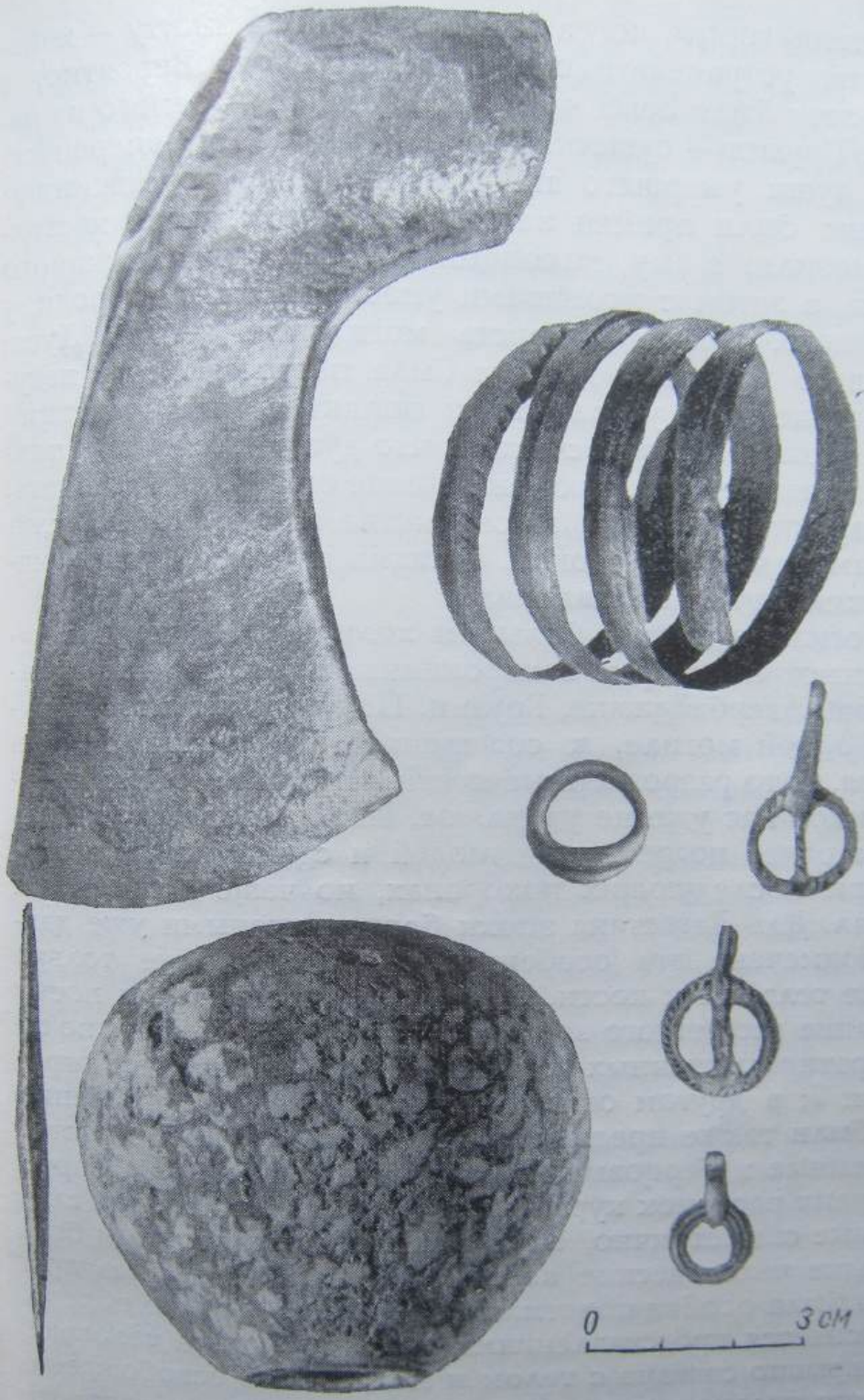

Могильник Гатын-Кале. Погребение 7 в склепе. Костяки мужчины и женщины на дне склепа

кенотафами. Их обнаружено три. Две (погребения 20 и 22) представляли собой небольшие округлые ямки, обложенные камнями, а третья (погребение 21) — склеп. В них были обнаружены угольки, обломки посуды, в склепе лежала мисочка.

Находки из мог
Бронзовые булавк
бронзовый нож;
шиной; бронзово
раслет; бронзовая
ений 7, 14, 16, 27, 3

Находки из могильника Гатын-Кале.

Бронзовые булавки с волютными (рогатыми) и дисковидными навершиями; бронзовый нож; каменный топор; бронзовый топор с круглой проушиной; бронзовое четырехгранное шило; каменная булава; бронзовый браслет; бронзовая височная подвеска; бронзовые подвески (вещи из погребений 7, 14, 16, 27, 31 и 33)

Теперь горцы, когда ставят каменную плиту — кенотаф, не устраивают сложных ритуалов. Вероятно, в древности было совсем не так. У сванов — одного из народов Грузии — существовал особый обряд: «перенесение» души умершего на чужбине. Его родственники должны были прийти на место, где находится настоящая могила; в яму, выкопанную в ней, сажали живого петуха, а затем с молитвами уносили птицу на родину покойного. Брали и горсть могильной земли. Душа умершего при этом должна была переселиться в петуха. Над петухом устраивались оплакивания и имитация погребения. Абхазцы считали, что душа, как и тело, также должна быть похоронена, иначе она будет блуждать, ища приюта. А блуждать она могла в том случае, если, например, человек утонул. В таких случаях «душу» магическим путем вылавливали.

Могилы в ямах с большим количеством посуды напоминают некоторые захоронения эпохи бронзы в Дагестане, Азербайджане, Грузии. Почему так много посуды в одной могиле, к сожалению, пока еще сказать нельзя. Зато разрозненные кости от большого числа покойников нас уже не удивляют. Иногда это могут быть кости ранее погребенных людей и сдвинутые в сторону при последующих похоронах, но чаще это особый ритуал. Для Дагестана эпохи бронзы учеными уже давно подмечена эта особенность — хоронить не только целые тела, но и кости. Такой обряд погребения носит название вторичного захоронения. Уже было сказано об аккуратно сложенных четырех локтевых костях в погребении 7; в другом открытом нами склепе (погребение 30) были также преднамеренно сложены четыре кости: бедренные и берцовые. Русский археолог А. С. Уваров во время раскопок курганов у Дербента наблюдал сложенные симметрично, но в полном анатомическом беспорядке человеческие кости. Под каждой костью при этом была особая подстилка. Появление такого обряда объясняется представлениями о том, что душа человека неразрывно связана с телом и может быть освобождена от него только тогда, когда тело исчезнет, вот тогда-то и надо обеспечить душу всем необходимым для ее загробного существования. Захоронение костей, после того как тело разложилось где-то вне могилы, и является фактическим отправлением покойника на «тот

свет». Эта вера перекликается и с другим убеждением — тело человека нечисто, и им нельзя осквернять землю — кормилицу людей. Арабский географ XII в. Абу-Хамид-Андалуси описывает подобный обряд погребения, виденный им у жителей аула Кубачи в Дагестане. На почве подобных верований возникла религия — зороастризм.

Но как примирить противоречие — погребения костей и целых тел. У многих народов ритуалы различны в зависимости от того, кого хоронят — мужчину или женщину, семейного или холостого, вождя или рядового члена общества. Все современные религии, приглаженные и подчищенные, и то являются клубком самых резких противоречий, а в эпоху бронзы, когда еще не было стройной системы религиозных взглядов, противоречий было, несомненно, еще больше.

В процессе раскопок Гатын-Кале была замечена четкая планировка могил. Они образовывали четыре довольно правильных ряда, вытянутых с северо-востока на юго-запад, а отдельные могилы в этих рядах ориентированы с северо-запада на юго-восток. Это прежде всего означает, что люди прекрасно разбирались в странах света. Южные и восточные стороны были более предпочтительны, что, несомненно, указывает на преклонение перед главным светилом — солнцем. Помните кромлехи Бамута? Там каменные круги вокруг могил скорее всего олицетворяли солнце, под его магическим покровительством должен был находиться умерший.

Археологи считают, что подобные группировки могил на общеродовом кладбище являются отражением родственных связей.

Население, оставившее могильник Гатын-Кале, не жило изолированно от внешнего мира. Бусы из каспийских раковин указывают или на походы к берегу моря, или на общение с прикаспийским населением Дагестана. В Гатын-Кале найден кусочек черного минерала гагата. Это особый вид каменного угля, он легко поддается шлифовке и полировке и используется для изготовления бус очень давно. Месторождения гагата известны в горном Дагестане. Многообразная посуда, найденная в могилах, также указывает на связи с Дагестаном. Ее формы, манера перед обжигом покрывать горшки жидкой глиной — яркие черты влияния и связей с населе-

Сосуды из могильника Гатын-Кале

нием Дагестана. А находка вулканического стекла-обсидиана и бронзовых вещей с литым шнуровым узором указывает на связи бывших жителей Гатын-Кале с древними племенами Центрального Кавказа. Такие связи могли возникнуть только тогда, когда люди стали иметь избыток каких-то продуктов для обмена. А такими продуктами могли быть в первую очередь продукты скотоводства и земледелия. И если раньше, в эпоху камня, жизнь охотников зависела от удачного случая, и им часто приходилось питаться плодами и кореньями, собранными женщинами, то в эпоху бронзы положение изменилось: «...домашняя работа женщины утратила теперь свое значение по сравнению с промысловым трудом мужчины; его труд был всем, ее работа — незначительным придатком»[1].

Сосредоточение основных видов хозяйства в руках мужчин породило семью патриархального типа со старейшим мужчиной-родоначальником во главе. Счет родства с этих пор стал вестись по мужской линии. Кстати, славянская традиция величать людей по имени и отчеству указывает именно на такой счет.

С возникновением патриархата женщина при замужестве вынуждена была переходить в род мужа. Такие патриархальные семьи по числу членов были очень ве-

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 21, стр. 162.

лики. Вот откуда столь длинные ряды могил на могильнике и так много костяков в одной могиле.

Общие дела в таких родо-племенных группах или общинах решал совет старейшин, состоявший из глав отдельных родов. Интересно, что совет старейшин (махкама) еще совсем недавно существовал в Чечне. Старейшины собирались в ауле Центорой (в лесистой части Чечни — Ичкерии), на высоком холме у сел. Мереджой Аккинского общества, в Майстах и в Ханкальском ущелье.

Ф. Энгельс подчеркивает, что «в древнейших первобытных общинах речь могла идти в лучшем случае о равноправии членов общины; женщины, рабы, чужестранцы, само собой разумеется, не входили в круг этих равноправных людей»[1]. Такое отношение к женщинам могло быть только при утверждении господствующего права мужчин — патриархате. Исследования показали, что парные захоронения (могилы с телами мужчин и женщин) появляются только с возникновением патриархата. Мы уже описывали погребение 7, в котором на дне склепа лежали останки мужчины-воина и молодой женщины. В Гатын-Кале найдено еще несколько таких могил. Вполне возможно, что женщины были умерщвлены для того, чтобы и на «том свете» обслуживать своих земных повелителей. Парные захоронения в эпоху бронзы — не редкость на Северном Кавказе. Они обнаружены археологами в курганах Прикубанья, у Пятигорска, в Ингушетии и других местах. У народов Кавказа в течение долгого времени бытовали пережитки кровавого обычая — убийства жены после смерти мужа или брата. У пшавов женщина, покорно выражая готовность следовать за мужчиной в могилу, отрезала и клала рядом с ним свои волосы. У осетин женщина клала на грудь умершего мужа свои волосы и была при этом убеждена, что теперь и в загробном мире она будет женой покойного. Так делалось и у курдов. Есть сведения, что чеченки в XVIII в. отрезали себе правое ухо и бросали его в могилу мужа. Подобные обычаи были распространены даже среди христиан-армян так широко, что армянским духовным собором в 325 г. было принято постановление: «Да будут прокляты

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 20, стр. 105.

во веки веков те, кто громогласно плачут, обрезывают косы и бьют себя в чело». Приведем еще один факт. В 1896 г. хоронили князя Сванетии Отара Дадешкелиани. Для оплакивания были выставлены не только одежда умершего, но и платье его вдовы: у сванов был обычай вместе с умершим оплакивать и его здравствующую жену.

Возникновение патриархальных отношений породило много новых культов. Но это не означает, что уже в эпоху бронзы исчезли все следы былого матриархата. В народных обычаях горцев сохранились следы матриархальных отношений: отдача детей на воспитание не дяде отца, а обязательно дяде матери (этот порядок носит название аталычества), возвращение молодой жены после свадьбы на некоторое время к своим родным, право женщины приостановить любую кровавую драку, приобщение к семье горца через посредство старшей женщины, при этом имитируется кормление грудью и т. д.

Были рассмотрены только основные черты социальных отношений и некоторые культы древних племен эпохи бронзы. Добавим, что равенство членов рода не означало имущественное равенство. Судя хотя бы по могильнику Гатын-Кале, в эпоху бронзы и даже в более раннее время (в III тысячелетии до н. э.) были люди, имущественно более богатые и более бедные. Как правило, покойники с каменными топориками и булавами лежат в более тщательно сделанных склепах и снабжены большим количеством вещей. Такие богатые погребения довольно редки, и их смело можно связывать с лицами, игравшими видную роль в роде (старейшины, жрецы и т. д.).

Население, оставившее могильник Гатын-Кале, жило в домах турлучного типа. В 1958 г. в районе сел. Асланбек-Шерипово, у поворота шоссе к сел. Хал-Килой нам удалось обнаружить остатки такого жилища эпохи бронзы. Оно было расположено на склоне горы, близ каньона речки Хьер-ыл. Нас поразил тогда ярко-красный цвет обнажившегося склона. Культурный слой, находившийся под дерном и метровой толщей глины, содержал огромное количество углей, каменных плит, обожженной глиняной обмазки и шлаков. Анализ ошла-

кованных кусков показал, что они представляют собой природную глину, попавшую в огонь с температурой около 1000°. Это могло произойти только при пожаре.

Во время раскопок тщательно фиксировались завалы камней, угольные пятна, сохранившие структуру не очень толстых бревен. Это позволило восстановить форму сгоревшего здания и его конструкцию. Постройка была турлучной: она имела каркас, сделанный из дубовых и тополевых [1] бревен, переплетенных ветками, и была обмазана глиной. Помещение делилось каменной перегородкой на две части. В одной половине сохранились остатки очага в виде углубления. Дно его было выложено небольшими камнями. Вокруг очажной ямы были разбросаны пережженные кости животных (остатки пищи) и обломки грубой черноглиняной керамики. Возле очага лежал крупный камень. Он, вероятно, предназначался для сидения. Пол помещения был вымощен обломками каменных плит; вдоль стен проходило возвышение, очевидно, лежанки.

С восточной части к жилищу был пристроен навес длиной в 3 м и шириной около 1,5 м. От навеса сохранились каменные глыбы-упоры для опорных столбов. Дом был небольшим — около 25—30 кв. м.

На территории жилища мы нашли отбойник из плотной известковистой породы, пест-терочник и обломок зернотерки, костяную проколку (шило), обломок медной пластины, керамику. Среди костей определены кости коров, овец, свиней и найдены две кости косули. Пожар не застал людей врасплох, они сумели собрать все самое ценное и уйти, вот почему нам досталось так мало вещей.

Археологи всегда работают в контакте с антропологами — специалистами, изучающими физический тип людей, происхождение и становление человека, расы. Археологи передают в руки антропологов найденные ими останки древних людей, в первую очередь черепа. По ним антропологи изучают изменения физического облика человека и в результате могут ответить на вопрос — связано ли кровным образом современное население той или иной области с древними жителями тех же мест.

[1] Породу дерева определяла по углам Г. Н. Лисицына.

Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина 1965 г.

Судя по находкам черепов в могильнике Гатын-Кале, физический облик древнего населения тех лет близок современным горцам. Известный антрополог и археолог М. М. Герасимов восстановил по черепу лицо одного мужчины, похороненного более 3 тыс. лет назад. Перед нами человек с приятной внешностью, умным лицом.

В могильнике Гатын-Кале почти не было скелетов старых людей. 35—50 лет — вот обычный возраст умерших. Как видно, жизнь древнего населения была не из легких, болезни и трудности в борьбе за существование приводили к ранней смерти. Питались люди грубой пищей — зубы даже у молодых сильно стерты.

Судя по материалам из могильника Гатын-Кале, местное население сохраняло традиции в изготовлении посуды, в погребальном ритуале, связывающие их с более древним временем — с III тысячелетием до н. э. Однако в предметах, оставленных этими людьми, мы замечаем и новые черты, в которых можно различать то, что расцветет позже, в I тысячелетии до н. э. Для того чтобы понять это, нам предстоит совершить экскурсию в сел. Хорочой.

Работы А. П. Круглова у р. Хулхулау

В 1937 г. А. П. Круглов, археолог из Ленинграда, приехал в сел. Хорочой. Вскоре на склоне горы Гизгын-Лам, близ каменистого русла р. Хулхулау, им был обнаружен древний могильник. Здесь на изрезанных овражками склонах были замечены плиты, прикрывавшие каменные ящики. В процессе раскопок удалось обнаружить 50 древних могил [1]. Некоторые из

[1] Всего здесь исследовано 53 могилы, в 1957 г. мы раскопали три ящика.

Хорочоевский могильник. Скорченное погребение 17

ящиков были окружены каменными колодцами в виде кромлехов. Вблизи отдельных могил находились очажные ямы. Ящики, как и могилы в Гатын-Кале, располагались рядами. В могилах сел. Хорочой были обнаружены скелеты, лежавшие в скорченном виде на правом или левом боку. Ноги у них были подобраны под себя, а кисти рук обращены к лицу. Иногда степень скорченности настолько была сильной, что коленные суставы скелета находились почти у черепа, а кости бедер и голеней лежали параллельно друг другу. Такую позу мертвому телу нельзя было придать без насилия над его мышцами — труп в таких случаях связывали. Зачем же это делалось?

Наблюдения этнографов показывают, что погребальные обычаи диктовались не только заботой о загробном существовании умершего, но к ним иногда примешивалась боязнь, что мертвый может причинить вред живым.

Страх перед мистической силой умершего мог возникнуть позже веры в «потустороннюю жизнь». В нем сказывается боязнь смерти. Вот откуда стремление втиснуть покойника в узкую могилу (ящик), даже если надо связать его по рукам и ногам. Так же поступали совсем недавно тасманийцы (ныне вымершие жители острова Тасмания близ Австралии). Древние египтяне туго пеленали свои мумии, в доисторической Испании мертвого прибивали гвоздями к доскам, и мы, не отдавая себе отчета, по традиции, забиваем гробы с умершими.

А. П. Круглову удалось установить, что скелеты, лежавшие в могилах на правом боку, принадлежали женщинам, а на левом — мужчинам. Это еще раз подтверждает сказанное ранее о различиях в положении мужчин и женщин в обществе и перед божествами.

В сел. Хорочой умершие лежали головой в направлении к югу. В могилах были найдены различные предметы, посуда и кости животных. А. П. Круглов писал о таких костных остатках: «Эти находки интересны тем, что устанавливают существование такой бытовой детали, как помещение в могилу в качестве пищи определенной, вероятно, наиболее почетной, части животного. Обычно встречались позвонки и крестцы баранов, а в одном случае позвонки быка...» [1] А. П. Круглов вспоминает по этому поводу строчки из «Илиады» и «Одиссеи» Гомера, в которых позвоночник животного упоминается как самая почетная часть туши и его на пиршествах преподносят героям.

К этому можно добавить, что и сейчас у горцев вареную голову барана преподносят самым уважаемым людям.

Однако опишем для примера некоторые хорочоевские погребения.

Погребение 2 было обнаружено А. П. Кругловым в каменном ящике. Под его крышкой был найден крупный сосуд, а ниже — скелет человека, лежавший в сильно скорченном положении на правом боку (женщина). При расчистке скелета встречались мелкие угли. При скелете найдено пять медных овальных височных подвесок с утолщенными концами. Они согнуты в 1,5 оборо-

[1] А. П. Круглов. Северо-Восточный Кавказ во II—I тысячелетиях до н. э.— МИА, № 68. М.— Л., 1958, стр. 57, 58.

та. Возле спины лежали четыре трубочки, свернутые из тонкой медной пластины, и четыре колпачка — медные конусы с отверстиями в центре. На руках находилось по одному бронзовому браслету с несомкнутыми концами. Грудь и шею покойной украшало богатое ожерелье с пронизками и бусами из сурьмы, сердолика и морских раковин.

Погребение 17 находилось в овальной яме с каменными обкладками. На дне ее лежал женский скелет на правом боку в сильно скорченном положении. Труп, вероятно, связали. При костях найдены три клыка домашней свиньи с отверстиями для подвешивания, возле черепа — две большие височные подвески, сделанные из тонкой медной пластины, и бисер из сурьмы и стеклянной пасты.

Погребение 35 представляет собой могилу мужчины в каменном ящике. В заполнявшей земле встречались угли. На дне ящика лежал скелет человека лет 30—40 на левом боку в сильно скорченном положении. Перед его лицом стоял сосуд, украшенный выпуклостями, а рядом с посудиной лежали в анатомическом порядке позвонки молодого домашнего быка.

А. П. Круглов тщательно отмечал в своих записях мельчайшие наблюдения. Он заметил, что над могилами также встречалась битая посуда того же типа, что и найденная в могилах, обратил внимание на остатки очагов, расположенных между могилами. Некоторые из них содержали обожженные кости животных. А. П. Круглов приводит много аналогий таким примогильным очагам. Становится ясно, что жители I тысячелетия до н. э. уже устраивали тризны по умершим. И этот обряд, превратившийся затем в обычай, уходит, как видим, в глубокую древность. В основе поминок лежит мысль, что без них умерший будет обречен в «потустороннем мире» на голод и лишения. У хевсуров и сванов (население горной Грузии) боязнь попасть в такую беду на «том свете» была настолько велика, что они иногда устраивали поминки по себе еще при жизни. Для этого созывали родных, друзей, духовных лиц и щедро угощали их. Это делалось в том случае, если человек не был уверен в том, что его в нужное время помянут как следует, или не желал обременять родных. Такие поминки практиковались вплоть до революции.

Сосуды и украшения, характерные для каякентско-хорочоевской культуры. Слева — сосуды из Хорочоя; справа — сосуд из Кая-Кента

Могильник у сел. Хорочой обогатил Государственный Эрмитаж большой коллекцией различных предметов. Среди них первое место занимает посуда. Хорочоевская керамика по формам довольно однородна. Сделана она вручную, без применения гончарного круга. В глину в качестве примеси добавляли толченые черепки посуды — шамот. Поверхность сосудов серая. У них маленькие днища, круглые выпуклые бока и сильно отвернутые венчики. Края венчика у устья тщательно заглажены, а далее все тулово сосуда вплоть до дна покрыто грубой облицовкой; перед обжигом тулово обмазали жидкой глиной и избороздили пальцами и сверху вниз, и параллельно дну, и наискось. Эта обмазка от гладкого венчика отделяется выпуклым валиком, по которому сделаны насечки и вмятины. Посуда настолько характерна, что спутать ее с какой-либо иной невозможно. Хорочоевская посуда украшена бедно, только иногда налепной валик прерывается, и на месте разрыва сделан выступ. Встречаются валики, расположенные в два-три ряда, иногда от них отходят выпуклые тяжи.

Один из сосудов, найденных в сел. Хорочой, очень оригинален: ручка его воспроизводит нос, валики, от-

ходящие от ручки,— брови, а выпуклости по бокам — глаза. Подобные сосуды больше пока не встречались.

Очень характерны и другие вещи могильника. Это большие височные подвески, свернутые из выгнутого листка металла, трубочки, полусферические колпачки. Бронзовые легкие трубочки украшали прически женщин, они служили накосниками. В волосы вплетались также полусферические колпачки. Височные подвески пришивали к головному убору. М. М. Герасимову удалось восстановить облик женщины по черепу, взятому из хорочоевской могилы. Он изобразил ее с полным набором украшений.

А. П. Круглов довольно скоро нашел материал, аналогичный хорочоевскому и происходящий из Дагестана. В своей кандидатской диссертации «Северо-Восточный Кавказ во II—I тысячелетиях до н. э.» А. П. Круглову удалось также реконструировать черты быта и хозяйства племен, живших на территории Чечни и Дагестана в I тысячелетии до н. э. Он писал: «Для этого времени мы можем говорить о полном утверждении патриархально-семейных отношений» [1]. А. П. Круглов считал, что культура Северо-Восточного Кавказа в это время отставала в своем развитии от других районов Кавказа — была более архаичной.

Молодому археологу не удалось завершить многие свои планы. В 1941 г. он погиб в боях под Ленинградом. А. П. Круглов оставил массу заметок, тезисов, огромную разностороннюю картотеку материалов. Историческая наука в его лице потеряла большого ученого.

Археологический материал, добытый в сел. Хорочой, в дальнейшем стал одной из отправных точек для изучения обширной археологической культуры. Другим опорным пунктом была станция Кая-Кент в Южном Дагестане, где в 1898 г., во время строительства железной дороги, В. И. Долбежев по поручению Археологической комиссии начал раскопки обширного могильника, состоящего из каменных ящиков. Здесь были обнаружены сидящие костяки. С ними положены вещи, известные по находкам в сел. Хорочой. Только сосуды из Кая-Кента, кроме налепного валика, украшены еще врезанным елочным узором. На некоторых сосудах этого

[1] А. П. Круглов. Указ. соч., стр. 93.

времени встречается также налепной узор в виде выпуклой буквы М.

Е. И. Крупнов замечает по поводу могильников, раскопанных В. И. Долбежевым и А. П. Кругловым: «Близость отмеченных памятников позволяет выделить их в особую каякентско-хорочоевскую культуру, бытовавшую на территории Восточного Кавказа в первой половине I тысячелетия до нашей эры»[1]. Племена этой культуры были довольно тесно связаны с населением древнего Закавказья. Е. И. Крупнов делает интересное предположение, что под давлением урартов (халдов) — весьма воинственного народа[2] — на территорию Дагестана могли проникнуть закавказские беженцы — удины. Урарты, которыми правили цари, неоднократно предпринимали завоевательские походы: их властелинам нужны были земли. И там, где проходили с мечом урарты, среди обезлюдевших гор возникали крепости «для могущества страны Биайны (Урарту.— *В. М.*) и на устрашение вражеских стран». Древний Восток славился жестокостью. Женщин и детей ожидало рабство, а мужчин-воинов — цепи или мучительная смерть. Племена, вынужденные спасаться бегством, несомненно, включались в состав населения Азербайджана и Дагестана, но дойти до Чечни они все же, вероятно, не могли.

Каякентско-хорочоевская культура в своей основе местная, она связывается с более древними местными памятниками. В Чечне — это Гатын-Кале, поселения Курчалой и Сержень-Юрт, много таких памятников и в Дагестане.

Одно время у археологов создалось мнение, что жители Чечни и Дагестана конца II тысячелетия до н. э. совсем не имели металлического оружия. Это оказалось неверным. Старейший дагестанский краевед-археолог М. И. Исаков обнаружил в одном древнем ящике у сел. Тарки бронзовый наконечник копья. Но, к сожалению, он был утерян. Несколько позже мною в другой древней могиле у того же селения был найден бронзовый листовидный нож. Теперь же, когда известен

[1] Е. И. Крупнов. Каякентский могильник — памятник древней Албании.— Труды Государственного исторического музея. вып. XI. М., 1940, стр. 18.

[2] Государство Урарту находилось на территории Армении.

близкий по культуре могильник у чеченского сел. Зандак, можно создать небольшой арсенал древнего оружия. Правда, этот могильник, видимо, не такой древний, как хорочоевский.

Отсутствие оружия в могилах может быть даже чертой ритуала — древние хорочоевцы боялись вооружать своих умерших родичей. Ведь известно, что в древности был даже особый обряд, по которому полагалось гнуть сабли, тупить мечи, ломать стрелы, прежде чем положить их покойнику в могилу.

Всю территорию каякентско-хорочоевской культуры можно разделить на две области: западную (хорочоевскую) и восточную (каякентскую). Они несколько отличаются обрядом погребения и узором на посуде (посуду в восточной области украшали елочным узором). Отличаются также, но в меньшей степени, древности приморских (прикаспийских) районов от горных.

Интересен и сам факт существования одной культуры на территории Чечни и Дагестана. Не указывает ли это на не совсем ясное пока родство населения двух областей? Над этим археологам стоит серьезно поработать.

Мы много говорили об орнаменте древней посуды. Почему же археологи придают этому такое значение?

Слишком хрупка керамика, чтобы ее переносить далеко от места изготовления. И если археолог встречает керамику не известного ему типа, с неместным орнаментом, значит в древности на данную территорию проникли какие-то чужеродные племена и здесь, на месте, считаясь со своими традициями, изготовляли посуду. Вспомните курильницы катакомбников.

Орнамент у родственных племен всегда был одинаковым — состоял из одних и тех же элементов. Варьировалось только сочетание их. Это объясняется тем, что узор на посуде и других вещах являлся не только украшением, он служил и чисто практическим целям так же, как и узор на древних предметах. Г. В. Плеханов замечает, что в произведениях искусства первобытных народов «потребительная ценность предшествует эстетической» [1]. Линии узора на древней керамике, налепные украшения на ней, рисунки на других изделиях должны

[1] Г. В. Плеханов. Письма без адреса. Литературное наследие, т. III. М., 1936, стр. 42.

были магически способствовать благополучию, счастью. Они охраняли содержимое сосуда от порчи, от иссякания. Приведем несколько примеров.

Древние мексиканцы, изображая на различных предметах изгородь с четырьмя выходами, тем самым изображали солнце, надеясь на милости его. По сути дела, они изображали крест. Туземец Новой Гвинеи обязательно вырежет на своей лодке знак своего рода (покровителем рода — тотемом — у них являются большей частью животные) и только тогда тронется в путь. Узоры, краской нанесенные на тело, и татуировка также являлись не просто украшением, они должны были устрашать и отгонять злых духов. Так объясняли народы Юга и Севера смысл очень сложных знаков и орнаментов, покрывавших их кожу. Узор на сосудах тоже имел значение. Сейчас установлено, что очень сложные узоры на некоторых сосудах древних славян являлись изображением сельскохозяйственного календаря, а в целом такой орнамент обозначал просьбу о даровании богатого урожая. Сосуд с ручкой у лезгин (дагестанцев) не всегда прикрывали крышкой, ибо ручка охраняла его содержимое, а сосуд без ручки плотно закрывали. Исходя из верований, правда, еще не совсем ясных, становится понятной и близость орнаментальных мотивов на огромной территории. Родственные племена имели единообразные верования и единообразное искусство.

Каякентско-хорочоевские племена занимали далеко не всю Чечню. Уже из сел. Ведено известны находки бронзовых топоров, бронзовых подвесок в виде бараньих головок и других вещей, которые типичны для другой культуры — кобанской. Племена этой культуры занимали территорию Ингушетии, Северной Осетии, Кабардино-Балкарии, а западнее в этот период находились племена также условно названной прикубанской культуры. И нигде, ни в одной древней могиле, ни на одном поселении носителей этих культур, мы не встретим сосудов, покрытых обмазкой, и даже сосудов, близких по форме хорочоевским. И наоборот, в современной дагестанской керамике до сих пор сохраняются налепные валики с вмятинками, налепы в виде конусов и другие детали, уводящие в глубокую древность.

Все три перечисленные культуры (каякентско-хорочоевская, кобанская и прикубанская) являются культу-

рами племен, которые уже начали познавать новый металл — железо. Для Северного Кавказа этот переход к железу ученые относят к концу II — началу I тысячелетия до н. э. В современных горских обрядах и преданиях почти не осталось отголосков далекой эпохи бронзы. А вот железо, мастер по обработке железа — кузнец и его мастерская до сих пор у горцев пользуются почетом, овеяны легендами. Железо — чудесное завоевание человечества (на Северном Кавказе оно стало появляться с IX—VIII вв. до н. э. в виде небольших ножиков, втульчатых копий, а до этого железом лишь иногда инкрустировали изделие из более дешевой бронзы). Железо было тогда редким, оно с большим трудом выплавлялось из землистой руды и считалось даром духов земли.

По всему Кавказу вплоть до последнего времени железо считалось средством, спасающим от удара молнии, от болезней и сглаза. Женщины мохевцев (горная Грузия) носили специальные железные шейные обручи, которые должны были оберегать детей от смерти, а больным даровать возможность иметь детей. В Абхазии долго присягали возле наковальни. В Кахетии возле наковальни устраивались моления. Вот как описывается старинный способ лечения у черкесов: у постели больного лежал лемех от старинного плуга, а на лемехе — небольшой молоточек. Нужно было три раза стукнуть по лемеху и произнести «желаю тебе быстрого выздоровления и много лет счастливой жизни». Грузины Кахетии вешали на люльки младенцев маленькие железные молотки и топоры, чтобы они отгоняли злых духов. Кахетинки и аварки носили на руке специальные железные браслеты, чтобы у них не умирали дети. Несомненно, в древности таких обычаев было значительно больше.

С появлением в обиходе человека железа началась новая эпоха — эпоха железа. Этот металл был самым важным «из всех видов сырья, игравших революционную роль в истории»[1].

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 21, стр. 163.

Сарматы

Мы уже упоминали урартов (халдов), мудинов, скифов. Под этими названиями часто скрываются различные племена. Древние греки, называя все население степей «скифами», наделяли их чертами, которые ясно указывают на родство этих племен. Скифы были воинственным народом. Они проходили вдоль Каспия, по приморской части Дагестана и Азербайджана в Урарту, Мидию, Ассирию. Под их стрелами пала столица Ассирии — Ниневия в 612 г. до н. э.

Скифы не заходили в глубь гор. Вот почему мы не находим в ущельях рек Аргун и Фортанги скифских древностей.

Кончились походы скифов. Поросли полынью и оползли курганы, оставленные ими. Стали забывать про них народы Чечни и Дагестана. Но недолго длилась эта передышка. Снова поднялась пыль в прибрежных степях и заскрипели неуклюжие телеги кочевников. Это двигались сарматы.

До самого последнего времени о продвижении сарматов на Кавказ, к территориям Чечни и Дагестана, археологи почти ничего не знали. И только работы Е. И. Крупнова и известного сарматолога К. Ф. Смирнова позволили выделить древности, связанные с сарматами,

и осветить сложные исторические перипетии того времени.

Первые следы влияния ранних сарматов (савроматов) заметны в некоторых находках VI—IV вв. до н. э. В последующее время, которое охватывает семь веков (III в. до н. э.— IV в. н. э.), сарматы оставили на Северном Кавказе большое число курганов и грунтовых могильников.

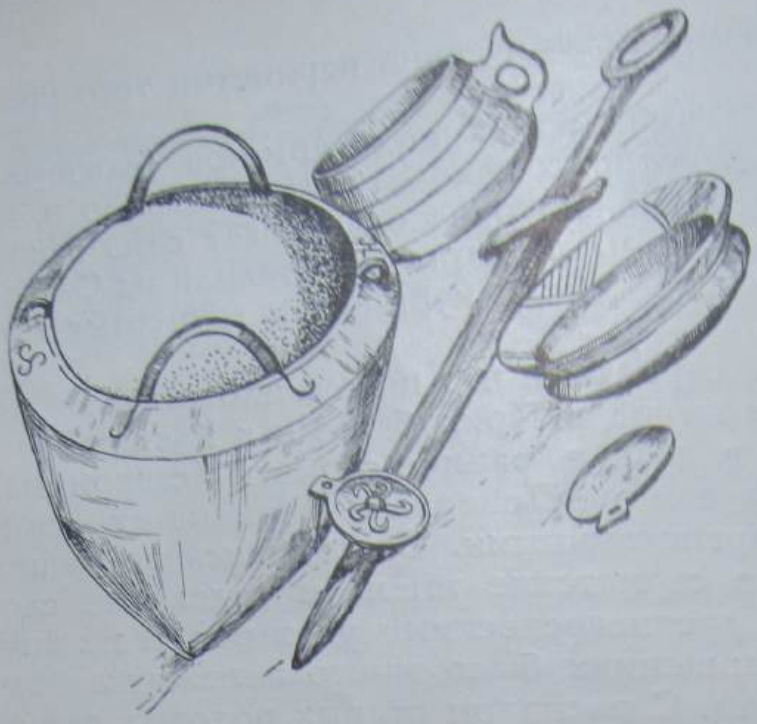
Кто же такие сарматы и что послужило толчком для их продвижения на юг, в Прикубанье и к Каспию?

С конца VII в. до н. э. ранние сарматы (савроматы) известны как население Поволжья. Племена их, как и скифы, были ираноязычными. Сохранились до наших дней некоторые сарматские имена и отдельные слова, записанные древнегреческими учеными. В их внутриродовых отношениях было много пережитков былого матриархата. С распадом старых родовых связей на первое место выдвигаются племенные вожди. Рост населения, увеличение стад заставляли их искать новые земли. И вот на юг потянулись сарматские орды. Это движение началось в III в. до н. э. К этому времени уже образовались и хорошо известные отдельные племенные сарматские союзы: роксоланов, аорсов, сираков. Немного позже в горы стали проникать аланы.

Для каждого из этих племен известны специфические черты и в погребальном обряде, в наборе и формах вещей. Сарматские сосуды, например, настолько характерны, что даже по мелким обломкам археолог сразу же отличит сарматскую керамику от любой другой.

Изучение различных находок позволило археологам установить, что на востоке племена сираков доходили до места слияния рек Сунжи и Терека, а вслед за ними, тесня их, шли аорсы — выходцы из Приуралья. Эти племена достигли приморского Дагестана. В I в. н. э. сираки были сметены различными сарматскими племенами. Об этом упоминается в сочинениях Страбона, Птолемея и др. Но только исследования археологов позволили уточнить последовательность продвижения различных племен сарматов на Кавказ.

В курганах у сел. Бамут были найдены впускные сарматские могилы. В этих могилах костяки лежали на спине с перекрещенными ногами. Головами они были

Сарматские предметы, найденные в Чечне и Дагестане: бронзовый остродонный котел, глиняный сосуд с ручкой, железный кинжал, глиняная чаша и бронзовые зеркала

обращены на запад, правая рука каждого костяка, согнутая в локте, покоилась на тазовых костях. В могилах были сосуды с темной, часто заполированной до блеска поверхностью, сделанные из серой плотной глины, для которой характерны мелкие голубоватые комочки добавленных в нее раздробленных черепков. Один сосудик — кружка — имеет ручку, напоминающую стилизованную фигурку зверька, взбирающегося вверх. Такой сосуд можно было не закрывать — зверек охранял его содержимое от злых духов.

В другом бамутском кургане была обнаружена могила воина. Возле него лежал железный меч. Рукоять меча украшена кольцом. Это очень характерная деталь для сарматского холодного оружия.

Чеченцы и ингуши до сих пор сохранили в своем языке слово «цIаврмат» (цармат), что означает «страшный, косматый, уродливый».

Сарматское нашествие для местного населения было неожиданным. Однако такая внезапность появления на Кавказе ираноязычных степняков с чуждой горцам культурой не мешала в дальнейшем их контактам с местным населением. Ручки-звери на сарматской

посуде — влияние культуры древних горцев, сосуды с носиками, сосуды типа мисок-фиал с широкими краями и выпуклостью внутри — тоже влияние местной культуры. Археологам известны даже могильники с сарматскими вещами, но со скорченными костяками и в каменных ящиках (могильник Яман-су на границе Чечни и Дагестана, могильник Карабудахкент в Дагестане). Возможно, название племен «утидорсы», которое сохранил римский писатель Плиний Старший в труде «Естественная история», и является названием того смешанного с сарматами населения «удин», или «удов», которое занимало Прикаспий.

Так думает сарматолог К. Ф. Смирнов. Этой же точки зрения придерживается молодой археолог В. Б. Виноградов.

Греческие и римские писатели Страбон, Плиний Старший, Плутарх упоминают также исадиков (исондов, содов), хамекитов — предков современных чеченцев и ингушей, живших в горах и предгорьях во время сарматского нашествия. Однако бамутские курганы сохранили останки не горских народов, а пришедших сюда сарматов.

Римский писатель Публий Овидий Назон (43 г. до н. э.— 18 г. н. э.) так описывает облик сарматов: «Между ними нет ни одного, кто не носил бы налучья, лука и синеватых от змеиного яда стрел. Грубый голос, свирепое лицо — истинный образ Марса; ни волосы, ни борода не подстрижены ничьей рукой, десница всегда готова наносить раны, вонзая нож, который всякий варвар носит на привязи у бедра... Звериными шкурами и широкими штанами они защищают себя от жестоких холодов, их страшные лица закрыты длинными волосами...»

Сарматы были хорошими наездниками. Их длинные мечи позволяли вести бой, не покидая седла. Они впервые стали применять железные, а не бронзовые стрелы, как это было у скифов. Их трехлопастные стрелы снабжены черенками. Сарматы любили украшения (диадемы, поясные пряжки, серьги) и вещи, сделанные степными мастерами, часто покрыты вставками из самоцветов.

В Чечне найдено пока немного сарматских предметов. Это отдельные сосуды, украшения из бронзы, брон-

зовый котел, зеркала, появившиеся тогда впервые; это небольшие диски с ушком для подвешивания. Одна сторона у них покрыта орнаментом, а другая — гладкая, блестящая.

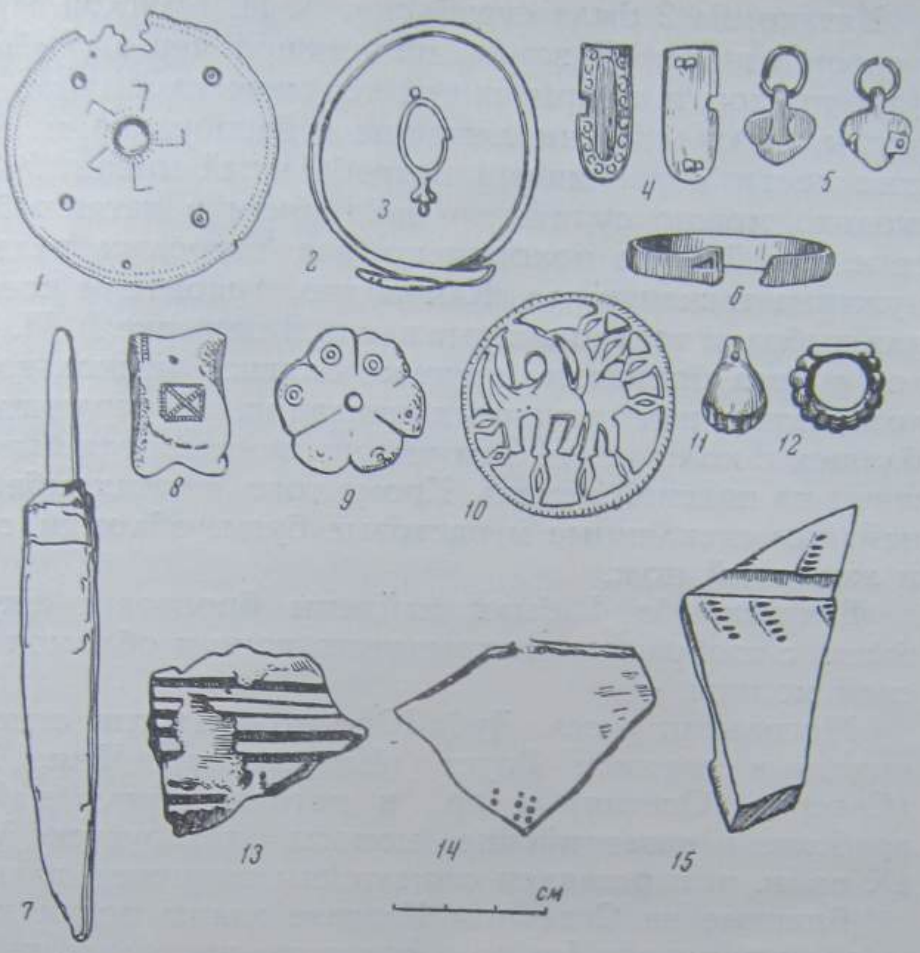
Обнаружены отдельные укрепленные поселки — городища, на которых жили сарматы. В пределах Чечено-Ингушетии поселки открыты у селений Пседах, Верхний и Нижний Наур, Мундар-Юрт, Братское, Али-Юрт, Алхан-Кала, у станицы Троицкой и в других пунктах.

Раскопки этих поселений и многочисленных курганов их — дело будущего.

Древности аланского времени

В 1936 г. А. П. Круглов приехал в Аргунское ущелье впервые. Машина остановилась у сел. Дачу-Барзой, дальше пришлось идти пешком. Шаткий висячий мостик выгибался и раскачивался под ногами. Река Шаро-Аргун, впадавшая тут в Чанты-Аргун, бурлила и клокотала. В сел. Дуба-Юрт А. П. Круглову нужно было попасть обязательно. В музей г. Грозного поступили вещи из каких-то древних могил. Осмотреть эти вещи не удалось, они находились в фондах в запакованном виде, а хранитель куда-то выехал. Но жители Дуба-Юрта тут же повели археолога к развалинам кирпичного завода. И здесь, на южной окраине села, по склону Гесильбийского холма он увидел черные провалы — остатки разрушенных катакомб — подземных пещерок. Высота их была около 1 м, глубина — 1,50 м.

Археолог приступил к раскопкам. Всего было раскопано пять катакомб. К пещеркам вели довольно длинные коридоры (дромосы), постепенно опускавшиеся вниз. Их расчистка занимала много времени. К сожалению, входные отверстия обвалились, коридоры были разрушены. Некоторые катакомбы оказались ограбленными. Грабители потревожили могилы еще в древности.

Вещи из катакомб в сел. Дуба-Юрт (*1—12*) и керамика из поселения у сел. Дачу-Барзой (*13—15*).

1 — бляха; *2*, *6* — браслеты; *3* — сережка; *4*, *5* — украшения пояса; *7* — нож; *8* — игральная кость (альчик); *9* — перламутровая бляшка; *10* — ажурная бляшка с изображением коня; *11* — бубенчик-пуговка; *12* — псясная пряжка; *1—6*, *9—12* — бронза; *7* — железо

На стенах катакомб кое-где сохранились следы орудия, которым их копали. Ширина его лезвия была не более 8 см. В катакомбе 1 были обнаружены три вытянутых костяка. Они были обращены головами на северо-запад. Возле них были найдены глиняный кувшин, круглая бронзовая бляха с орнаментом, игральные кости (альчики, один с орнаментом), перламутровые бляшки, железный нож, бронзовые браслеты, бубенчик-пуговка, кости ног коровы и овцы. К кожаному поясу одного костяка был привешен железный нож в деревянных ножнах.

Катакомба 2 была ограблена. А. П. Круглов записал в своем отчете: «В земле, проникшей через грабительский прокоп и покрывавшей толстым слоем пол катакомбы, были найдены лежащие в беспорядке человеческие кости и различный погребальный инвентарь. Насколько можно судить по найденным в катакомбе костям, в ней было похоронено два взрослых человека, мужчина и женщина». Как видно, грабители спешили или выбрали только ценные вещи. В пещерке А. П. Круглов собрал бронзовые круглые бляшки, несколько продолговатых штампованных накладок, 10 сердцевидных бляшек с колечками. Эти украшения некогда были нашиты на поясной ремень. Кроме того, в катакомбе были найдены стеклянные и пастовые бусы, обломки сосуда и железный нож.

В катакомбе 4 были найдены бронзовая ажурная бляха с изображением крылатого коня и обломок арабской монеты.

Могильник у сел. Дуба-Юрт по аналогии с могильниками в селениях Гоуст (Ингушетия), Чми, Балта (Северная Осетия) и др., в которых были найдены арабские и византийские монеты, датируется VIII—IX вв. н. э. и оставлен сарматским племенем алан.

Впервые на Северном Кавказе аланы появились во второй половине I в. н. э. и вскоре настолько укрепились в Предкавказье, что римляне считали их коренными жителями Кавказа. Сохранились сведения о том, что в 60—70-х годах аланы предприняли поход в Армению и Мидию. Путь их проходил по Дарьяльскому ущелью. К ним, по словам армянского историка Моисея Хоренского, примкнули горцы и иберы (грузины). Вероятно, кроме горцев, в походе принимали участие и «дурдзуки» — предки современных вейнахских народов — чеченцев и ингушей. Поход закончился разгромом алан.

Но аланы и не думали покидать Северный Кавказ. Они старались покорить мелкие горские племена и даже распространяли на покоренных горцев название алан.

В 372 г. аланы, жившие в степях Предкавказья, были потеснены пришедшими сюда гуннами. Некоторые из аланских племен влились в племенные союзы гуннов, некоторые бежали от гуннов за р. Терек, в предгорья и ущелья Кавказа, где их сородичи продолжали жить

прежней жизнью народа-победителя. И именно к этому времени относится большое число аланских катакомбных могильников на Северном Кавказе. Они найдены от верховьев р. Кубани на западе и до р. Сулак на востоке. В пределах Чечни самыми восточными находками аланских древностей являются описанные нами катакомбы у сел. Дуба-Юрт. Но в основном вплоть до XIII в. аланы занимали территорию Кабардино-Балкарии и Северной Осетии.

Аланы отличались большой смелостью. Известно, что они вместе с другими народами совершали походы в Австрию, Венгрию, Галлию (Францию), Испанию, Северную Африку. В ту пору (IV—VI вв.) алан часто можно было встретить в наемных войсках многих западноевропейских властителей.

Аланы вели обширнейшую торговлю. В их могилах встречается прекрасная стеклянная посуда из Финикии, ткани из Египта и арабских стран, изделия из прибалтийского и днепровского янтаря, византийские и восточные монеты. В знатных аланских семьях детей рано подвергали довольно неприятной операции. На их головы в лобно-затылочной части накладывали тугую повязку, и череп младенца рос в высоту. Он становился узким, башнеобразным. Профессор медицины В. В. Бобин — большой знаток археологии — специально изучал такие черепа. Вот что он пишет: «Конечно, подобное уродование головы не могло не сказываться на развитии мозга, и поэтому неудивительно, что при особенно сильных деформациях... могли возникать эпилептоидные припадки с различного рода судорогами, аурами, видениями, галлюцинациями»[1]. Эти качества. вероятно, позволяли аланским жрецам выглядеть полубогами среди рядовых общинников.

Сейчас археологами хорошо изучены обиходные предметы, оставленные этими племенами. В период, к которому относятся катакомбы Дуба-Юрта, аланы и их соседи пользовались посудой самых различных форм. Известны кувшины с носиками для слива жидкостей, сосуды с горлом-раструбом. Многие горшки снабжаются

[1] В. В. Бобин. Искусственно деформированные черепа, найденные при раскопках в Крыму.— Труды кафедр нормальной анатомии и гистологии с эмбриологией Крымского государственного медицинского института. Симферополь, 1957, стр. 45.

сдвоенными ручками и ручками в виде животных с закругленными ушами и выпуклыми глазами. Аланы создали настолько хорошо развитое гончарное производство, что керамикой их изготовления пользовались многие племена. Широко были распространены также аланские ювелирные изделия и оружие. Изящные серьги, заканчивающиеся подвеской, напоминающей гроздь винограда, перстни, копоушки (ими ковыряли в ушах) часто встречаются в могилах того времени. А из Грузии и далекого Киева купцы привозили аланам браслеты и кольца, сделанные из синего, зеленого, коричневого стекла.

В VIII — IX вв. под давлением тюркоязычного народа черных болгар аланы были вынуждены покинуть пределы современного Ставрополья (район Кисловодска), в это же время аланы исчезали и из Дагестана, а к XVI в. название «аланы» вообще сходит со страниц истории. Но аланы и их культура не исчезли бесследно. Дагестанский археолог В. Г. Котович считает, что племена маскутов, которые жили к югу от Дербента, были аланами. Элементы своей культуры они передали дагестанцам. В центральной части Кавказа сейчас живут осетины, говорят они на языке иранского типа, языке, близком аланскому. В чем же здесь дело?

Аланы оказывали большое влияние на горские племена Центрального Кавказа — дигоров, двалов, иронов. Осетины (осы) являются предками этих племен, но они восприняли у алан их более гибкий и богатый язык. Алановед В. А. Кузнецов так пишет об осетинах: «Несмотря на иранскую природу речи осетин, они всегда были кавказскими по своему происхождению племенами, не отличаясь и в антропологическом отношении от других народов Кавказа»[1]. И все же в культуре современных осетин много черт, общих с культурой алан. Например, входы в аланские катакомбы очень часто закрывались каменным жерновом от ручной мельницы. У осетин, которые ныне совершенно забыли о погребениях в катакомбах, до сих пор бытует проклятие в виде поговорки: «Да закроют вход в твою могилу жерновом». Этим хотят сказать: «Пропади ты, сгинь».

[1] В. А. Кузнецов. Аланские племена Северного Кавказа.— Материалы и исследования по археологии СССР, вып. 106. М., 1962, стр. 119.

Нет народа, который не внес бы свой вклад в человеческую культуру. Когда спортсмен на соревнованиях бросает бумеранг, мы тут же вспоминаем австралийцев. Индейцы Америки подарили миру маис — кукурузу и картофель. Аланы подарили воинственным народам кривую саблю, а кавказским ювелирам — массу чудесных орнаментальных мотивов. Смысловое содержание узоров давно утеряно, но легкость и выразительность их абриса и сейчас радует глаз ценителя, взявшего в руки художественные изделия современных горцев Северного Кавказа — в их орнаменте много аланских элементов.

В горских поэтических сказаниях опытный исследователь найдет такие строки и имена, которые уведут его в дни аланского господства.

Интересна одна деталь. Катакомбы алан, как и могилы других народов, являются «жилищами» мертвых. А не отображают ли эти закругленные пещеры реально существовавшие когда-то кибитки и юрты, с которыми некогда бродили кочевые аланы? Кроме того, катакомбы алан и их подземные склепы (они известны и на Кавказе и в Крыму), по пропорциям, общим контурам очень напоминают полуподземные склепы осетин, ингушей и чеченцев. Такие склепы нам приходилось видеть в Ингушетии, в ущелье р. Ассы у сел. Мужичи. Профессор Л. П. Семенов — литературовед и археолог — связывал архитектуру этих сооружений с аланским влиянием. Но ведь склепы на Кавказе строились и до алан. Возникает мысль, что осетины, ингуши, чеченцы и некоторые другие народы, которые строили такие склепы, или имели одинаковые верования, что побуждало их хоронить своих покойников в однотипных склепах, или эти народы были родственны. Этот вопрос пока не решен. И все же заметим: многие детали средневековой склеповой архитектуры Осетии все больше и больше настраивают нас считать три названных народа родственно близкими. Современные осетины в древности также были вейнахами, а затем долгое соседство с аланами и их влияние лишили их родного языка, и они стали называться осетинами, а другая часть вейнахов — ингуши и чеченцы — сохранили свой язык, ведь на их землях аланы почти не жили, и аланское культурное влияние было незначительным.

сдвоенными ручками и ручками в виде животных с закругленными ушами и выпуклыми глазами. Аланы создали настолько хорошо развитое гончарное производство, что керамикой их изготовления пользовались многие племена. Широко были распространены также аланские ювелирные изделия и оружие. Изящные серьги, заканчивающиеся подвеской, напоминающей гроздь винограда, перстни, копоушки (ими ковыряли в ушах) часто встречаются в могилах того времени. А из Грузии и далекого Киева купцы привозили аланам браслеты и кольца, сделанные из синего, зеленого, коричневого стекла.

В VIII — IX вв. под давлением тюркоязычного народа черных болгар аланы были вынуждены покинуть пределы современного Ставрополья (район Кисловодска), в это же время аланы исчезали и из Дагестана, а к XVI в. название «аланы» вообще сходит со страниц истории. Но аланы и их культура не исчезли бесследно. Дагестанский археолог В. Г. Котович считает, что племена маскутов, которые жили к югу от Дербента, были аланами. Элементы своей культуры они передали дагестанцам. В центральной части Кавказа сейчас живут осетины, говорят они на языке иранского типа, языке, близком аланскому. В чем же здесь дело?

Аланы оказывали большое влияние на горские племена Центрального Кавказа — дигоров, двалов, иронов. Осетины (осы) являются предками этих племен, но они восприняли у алан их более гибкий и богатый язык. Алановед В. А. Кузнецов так пишет об осетинах: «Несмотря на иранскую природу речи осетин, они всегда были кавказскими по своему происхождению племенами, не отличаясь и в антропологическом отношении от других народов Кавказа»[1]. И все же в культуре современных осетин много черт, общих с культурой алан. Например, входы в аланские катакомбы очень часто закрывались каменным жерновом от ручной мельницы. У осетин, которые ныне совершенно забыли о погребениях в катакомбах, до сих пор бытует проклятие в виде поговорки: «Да закроют вход в твою могилу жерновом». Этим хотят сказать: «Пропади ты, сгинь».

[1] В. А. Кузнецов. Аланские племена Северного Кавказа.— Материалы и исследования по археологии СССР, вып. 106. М., 1962, стр. 119.

Нет народа, который не внес бы свой вклад в человеческую культуру. Когда спортсмен на соревнованиях бросает бумеранг, мы тут же вспоминаем австралийцев. Индейцы Америки подарили миру маис — кукурузу и картофель. Аланы подарили воинственным народам кривую саблю, а кавказским ювелирам — массу чудесных орнаментальных мотивов. Смысловое содержание узоров давно утеряно, но легкость и выразительность их абриса и сейчас радует глаз ценителя, взявшего в руки художественные изделия современных горцев Северного Кавказа — в их орнаменте много аланских элементов.

В горских поэтических сказаниях опытный исследователь найдет такие строки и имена, которые уведут его в дни аланского господства.

Интересна одна деталь. Катакомбы алан, как и могилы других народов, являются «жилищами» мертвых. А не отображают ли эти закругленные пещеры реально существовавшие когда-то кибитки и юрты, с которыми некогда бродили кочевые аланы? Кроме того, катакомбы алан и их подземные склепы (они известны и на Кавказе и в Крыму), по пропорциям, общим контурам очень напоминают полуподземные склепы осетин, ингушей и чеченцев. Такие склепы нам приходилось видеть в Ингушетии, в ущелье р. Ассы у сел. Мужичи. Профессор Л. П. Семенов — литературовед и археолог — связывал архитектуру этих сооружений с аланским влиянием. Но ведь склепы на Кавказе строились и до алан. Возникает мысль, что осетины, ингуши, чеченцы и некоторые другие народы, которые строили такие склепы, или имели одинаковые верования, что побуждало их хоронить своих покойников в однотипных склепах, или эти народы были родственны. Этот вопрос пока не решен. И все же заметим: многие детали средневековой склеповой архитектуры Осетии все больше и больше настраивают нас считать три названных народа родственно близкими. Современные осетины в древности также были вейнахами, а затем долгое соседство с аланами и их влияние лишили их родного языка, и они стали называться осетинами, а другая часть вейнахов — ингуши и чеченцы — сохранили свой язык, ведь на их землях аланы почти не жили, и аланское культурное влияние было незначительным.

Неподалеку от сел. Дуба-Юрт на плоском водоразделе, разделяющем реки Шаро-Аргун и Чанты-Аргун, находится сел. Дачу-Барзой. Плоская поверхность водораздела поросла кустарником, а лучшие ее участки заняты посевами. На этой площадке и были найдены в 1956 г. следы средневекового поселения. На поверхности кукурузного поля мы собрали обломки красноглиняной и сероглиняной керамики. Разведочный раскоп позволил найти культурный слой и увеличить коллекцию находок. К керамике, собранной на поверхности, удалось добавить еще несколько десятков черепков. Обломки сосудов были украшены параллельными валиками, желобками, мелкими вдавленными зубчиками. Подобную керамику археологи относят ко времени от XI до XIV в. Помимо битой посуды, культурный слой содержал большое количество глиняной обмазки — ею некогда были покрыты плетеные стены жилых турлучных построек. В средневековом поселке имелись свои кузнецы: мы нашли кусок кричного железа. Никаких укреплений, стен или валов вокруг поселка не было обнаружено. Жители его были мирными пастухами и земледельцами.

Подобное средневековое поселение находилось и на левом берегу р. Чанты-Аргун, у современного сел. Чишки. В 1936 г. это поселение осматривал А. П. Круглов. В срезе культурного слоя он нашел множество битой посуды — чашки с плавно загнутым внутрь краем, сосуды, напоминающие банки, и обломки крупных горшков с резко отвернутым и утолщенным венчиком. Такие сосуды называют пифосами или хумами. Они служили своеобразными бочками. В них хранили зерно и заготовленные продукты. Хумами и сейчас еще пользуются крестьяне Закавказья.

Грунтовые могильники, обнаруженные А. П. Кругловым у селений Чишки и Дуба-Юрт, возможно, оставлены жителями этих средневековых поселений. Интересно то, что керамика поселений живо напоминает аланскую. Вероятно, местные жители поддерживали с ними связи.

В XI—XIII вв. многое пришлось пережить жителям предгорий. Вот почему небольшая коллекция глиняных

черепков, собранных А. П. Кругловым и нами, приобретает характер важных документов. В это время население Чечено-Ингушетии и Дагестана испытывало сильное влияние со стороны Грузии. Грузинские миссионеры старались привить горцам Северо-Восточного Кавказа «правую веру» — христианство. Первым его проповедником, по чеченским преданиям, был Термаол. И вот в горах строятся храмы, пение христианских псалмов разносится над горными просторами. Некоторые храмы сохранились до наших дней: Тхаба-Ерды, Алби-Ерды, Таргим в Ингушетии и Датун в Дагестане. Были они, несомненно, и в ущелье р. Аргун, но пока еще археологами не найдены. Но горцы неохотно отказывались от своих старых привычных верований. Их божества были тесно связаны с бытом. Идея Иисуса Христа («сына божия») была далека от религиозных воззрений жителей гор. И вот на христианских храмах они высекали значки, обращенные к традиционно-привычным божествам и духам: творя молитву Христу, они параллельно воздавали должное своим покровителям. Такие значки — петроглифы — украшают, например, храм Тхаба-Ерды на р. Ассе. Христианство прививалось медленно. Аланский епископ Федор (XIII в.) [1] вынужден был заметить, что аланы и горцы были христианами только по названию. Даже в архитектуре некоторых храмов сохраняются традиции горских склеповых построек. Однако некоторое влияние христианства, принесенного грузинами, все же ощущается в современном языке чеченцев и ингушей. Так, название дней недели у чеченцев совпадает с названием христианского календаря, в основе имеет цифровые обозначения и ведется от воскресенья.

Если в тот период у многих народов Северного Кавказа уже начали складываться, а иногда уже и сложились, феодальные отношения [2], то в Чечено-Ингушетии были крепки родовые устои. Путешественники отмечают, что когда приходилось им проезжать ингушскую часть Аланских ворот (Военно-Грузинской дороги), то взятая с них дань тут же поровну делилась меж-

---

[1] Аланы стали принимать христианство с X в.

[2] Имеются в виду государственные образования Серир, Кумук, Зирехгеран и др. в Дагестане, Алания — в центральной части Кавказа.

ду ингушами, а далее, в аланских (осских) землях, только незначительная часть сбора поступала рядовым горцам, а большая часть — отвозилась влиятельным властелинам — мтаварам.

Но и тогда у чеченцев и у ингушей одни родовые группы были более богаты, они занимали лучшие земельные угодья, другие жили среди скудных сланцевых осыпей. Здесь не прекращалась вражда, и только большие потрясения заставляли и чеченцев, и ингушей забывать распри и объединяться. И если хазары, которые занимали в то время западную часть Прикаспия, почти не мешали горцам-чеченцам жить по законам дедов и отцов, то нашествие татаро-монголов разорило страну.

С начала XIII в. татаро-монголы двинулись на Северный Кавказ. Хан Батый в 1254 г. приказал произвести перепись завоеванного населения, чтобы обложить его данью. Арабский писатель Ибн Эль-Асир писал: «Если бы кто сказал, что мир до настоящего времени не испытал ничего подобного, то он был бы прав».

Жестокость, унижение ожидали человека покоренной страны. Захватчики уничтожали селения, города, на купцов и ремесленников налагали непосильную дань. На Кавказе стали возникать поселки татар. В ясском (алано-осетинском) городе, на берегу р. Терек, у станицы Эльхотово, они создали свою базу, поставили соборную мечеть [1], и город этот стал известен под названием Татартуп. На р. Куме появился золотоордынский город Маджары. Эти города являлись опорными пунктами для продвижения захватчиков в горы. Татары были первыми миссионерами мусульманства на территории Чечни и Ингушетии [2].

Персидский историк Шариф-ад-дин-Йезди так описывает «просветительную» деятельность Тимура в стране черкесов: «Многих из неверных, предав мечу джихада [3], отправили в огонь геенны, разорили их

---

[1] Предполагают, что до татар этот город назывался Дедяков. От татарской соборной мечети до сих пор сохранился минарет.

[2] В Дагестан мусульманство было принесено в VIII в. с нашествием арабов.

[3] Джихад — война за веру.

крепости, и милостью судьбы для победоносного войска стала несметная добыча из имущества неверных». Такими способами в 1395—1396 гг. Тимур (Тамерлан) проводил исламизацию на Северном Кавказе. И ислам прививался слабо. Трудно заставить человека поверить во что-либо, если учение подкрепляется плетью.

Войны и раздоры между отдельными ханами и татарскими правителями также мешали мирной жизни. Тимур несколько раз сражался с Тохтамышем. И всех горцев, которые были против железного хромца — Тимура, он повелевал «уничтожить и истребить». Горцы вынуждены были уходить в самые далекие горные ущелья. Вот тогда-то и стали появляться боевые башни, так гармонично слившиеся с горным пейзажем. После победы русских войск на Куликовом поле Золотая Орда стала чахнуть, и в XV в. власть ее на Северном Кавказе была уже минимальной.

Пещеры-усыпальницы

Когда велись работы на могильнике Гатын-Кале, местные школьники рассказали нам, что в овраге Кешны-ын (могильный овраг в 1,5 км к юго-востоку от сел. Советского) есть пещеры, и в них лежат кости. Ребята привели нас к оврагу, поросшему орешником и кизилом. Галечниковые склоны его осыпались, образуя белесые обрывы, и в них были видны впадины — пещеры; мы насчитали их 14. К первой пещере вел очень крутой спуск. В пещере было холодно и сыро, под ногами хрустели разбросанные кости. Прежде всего к пяти пещерам, намеченным для расчистки, были подготовлены подступы. Два дня студенты рубили ступеньки, и только после этого в пещеры можно было спуститься, не рискуя упасть в обрыв. Пещеры были вырублены в слое галечника. Дно, стены и потолки тщательно выровнены. Высота пещер не превышала 1,90 м, а длина доходила до 4,70 м. В одной из них было два помещения. Они сообщались уз-

ким проходом. Во второе помещение свет проникал из небольших окон.

Пещеры пришлось расчищать долго, мы с трудом ориентировались среди массы человеческих костей. Только с поверхности пещеры 1 были собраны остатки скелетов шести человек, а затем, в процессе расчистки, еще 36. По обломкам выдолбленных из бревен колод и деревянных гробов установили, что покойников клали рядами по длине пещеры. Среди костей были найдены обломки бокала и миски, выточенные на токарном станке из древесины вяза и ясеня, кухонная доска с ручкой. На таких досках обычно крошат коренья, лук и зелень. У мужских скелетов лежали железные ножи, очень похожие на современные подкинжальные ножи горцев (кинжал у кавказцев — личное оружие, для других целей он не употребляется, а в ножны рядом с кинжальным клинком вкладывается небольшой ножик для различных повседневных нужд). В этой же пещере были найдены железный наконечник стрелы, отдельные стеклянные бусины, бронзовые бубенчики. Такие бубенчики могли служить пуговками. На полу пещеры были собраны игральные кости — овечьи астрагалы (альчики), некоторые имели пометки — процарапанные знаки в виде решеток, «солнц», елочек. В центральной части пещеры был найден разбитый глиняный сосуд с вдавленным волнистым орнаментом. Очень интересен найденный наперсток. Он, как и современные фабричные, покрыт вмятинками. В пещере против входа была устроена ниша, но в ней, к нашему огорчению, ничего не оказалось.

Колоды и гробы были сделаны из дуба, ольхи, вяза и липы. Колоды выдалбливались из толстых бревен, а гробы прямоугольной формы были собраны на шипах и шпонках без единого железного гвоздя. Горцы не хуже русских плотников владели топором. Рубанка у них тогда еще не было.

В «двухкомнатной» пещере находок было сделано мало: клык кабана (такими клыками плетут шнуры), ясная, как огонек, сердоликовая бусинка, два альчика и обрывки кожи.

Во второй «комнате» производить расчистку мы не решились: потолок грозил обвалом — из щелей тоненьким потоком все время струилась пыль.

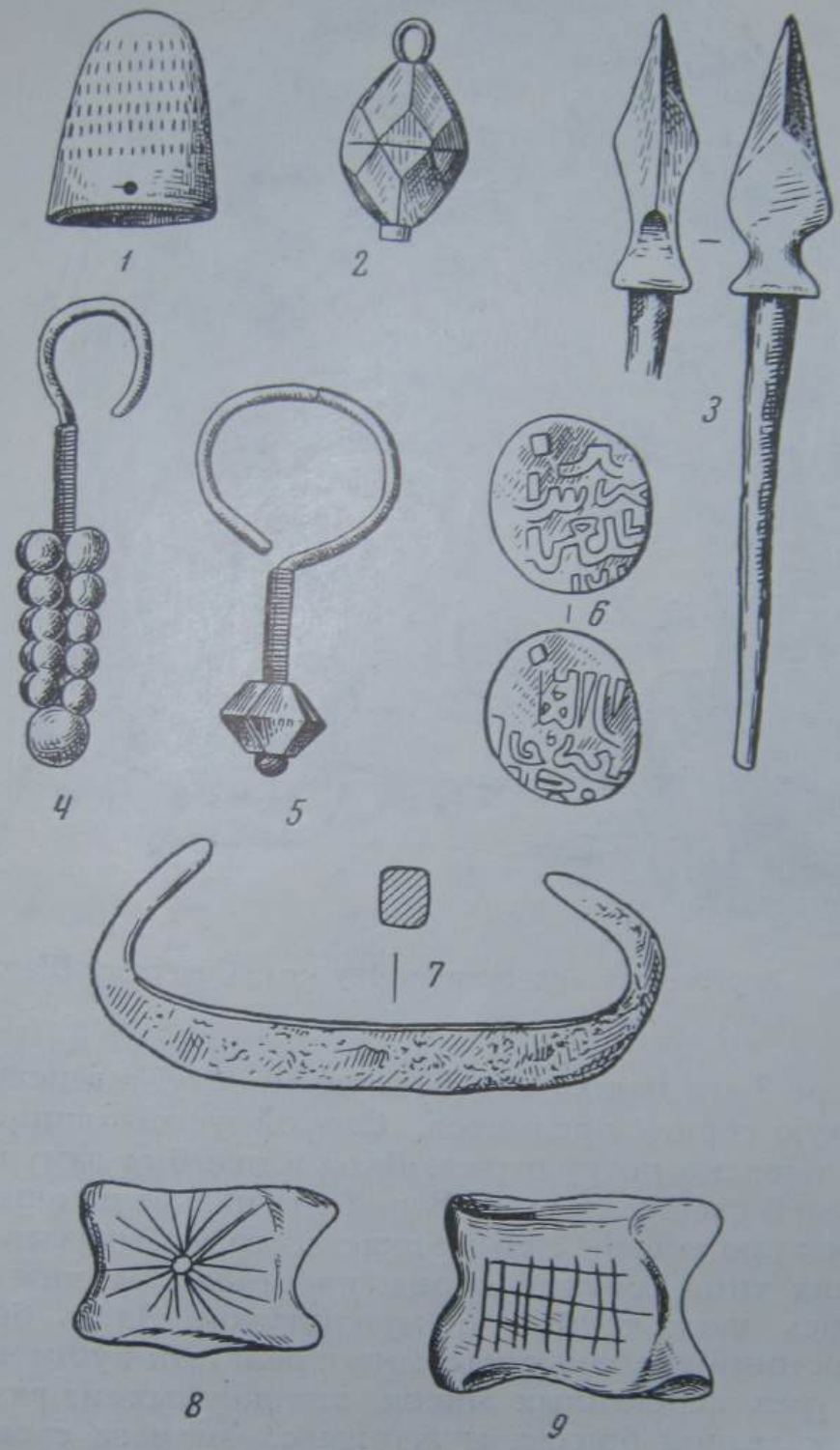
Внутре

В пещере 3 мы
ре 5 — целую серию
пришлось изрядно
ван сползшей сверх
ную коллекцию ве
инструмент типа г
сохранились часть
и двусторонний гре
обломки трех дере
Судя по железной
туалетом, а женщи
пленять мужчин кра
мочкой для камня, б
бронзовая сережка с
денных женских укр

Внутренний вид пещеры 1 у сел. Советское-Шатой

В пещере 3 мы нашли серебряную монету, а в пещере 5 — целую серию предметов. С этой усыпальницей пришлось изрядно потрудиться. Вход в нее был замурован сползшей сверху глиной. В ней мы нашли интересную коллекцию вещей. Это прежде всего музыкальный инструмент типа горской зурны из ствола бузины — сохранились часть трубки с мундштуком. Здесь был и двусторонний гребень с частыми и редкими зубцами, обломки трех деревянных мисок, выточенных из вяза. Судя по железной бритве, мужчины следили за своим туалетом, а женщины, видимо, всегда были склонны пленять мужчин красотой: серебряная сережка с обоймочкой для камня, бубенчики — подвески или пуговки, бронзовая сережка с гроздью, бусы — вот набор найденных женских украшений. Коллекцию вещей допол-

Вещи из пещерных погребений

1 — наперсток; *2* — бубенчик; *3* — наконечник стрелы; *4*, *5* — серьги; *6* — серебряная монета хана Хызра; *7* — кресало; *8*, *9* — альчики (*1*, *2*, *4*, *5* — бронза; *3*, *7* — железо)

няли альчики и железное кресало, с помощью которого некогда высекали огонь.

Наиболее важной и интересной находкой была монета из пещеры 3. Выбита она в Новом Сарае в 761 г. мусульманского летосчисления (1359—1360 гг. н. э.) в период правления золотоордынского хана Хызра. Монета пробита: она использовалась как украшение. Именно монета помогла определить время, когда появилось пещерное кладбище. Ведь вещей, которые можно было бы отнести к более раннему времени, чем XIV в., мы не нашли. И, наоборот, в пещерах много предметов позднего времени (ножи, наперсток, кресало, наконечник стрелы и др.), время бытования которых определяется XVI в. и даже самым началом XVII в. Таким образом, шатоевские пещеры использовались как усыпальницы с XIV по XVI в.

Подобные пещеры в разное время были найдены у селений Макажой, Сержень-Юрт, Бамут, Закан-Юрт. Отдельные бамутские пещеры были очень велики. Археологи А. П. Круглов и А. В. Мачинский готовы были предполагать, что в них даже жили люди.

Пещеры, вырубленные в склоне оврага Кешны-ын, служили усыпальницами длительное время. Это были своеобразные фамильные родовые склепы, в которые торжественно вносили новых умерших. Подобные пещерные могилы известны не только в Чечне, но и в Прикубанье и Ставрополье. Родовые законы требовали, чтобы и в загробном мире близкие по крови люди были вместе.

В конце XIX в. вопросом старых родовых отношений занимался Н. Н. Харузин, а в наше время изучением чеченского рода занимался М. Мамакаев. Вот некоторые их наблюдения.

Чеченская семья (доьзал) состояла из брачной пары, их детей и детей их сыновей (дети дочерей входили в другую семью). Имуществом распоряжался отец — глава семьи. И если община могла повелевать мужчинами, решая вопросы войны и мира, то женщины принадлежали главе семьи. М. Мамакаев пишет: «В семье были беспрекословно подчинены: дочь отцу, жена мужу, потерявшая отца незамужняя женщина ближайшему родственнику по отцу; ему, а не общине, она в соответствующих случаях была подсудна, и он

мог распоряжаться ею со строгостью нравственных устоев рода. Но в доме чеченца жена была не служанкой, как это привыкли понимать, а полновластной хозяйкой». И если глава семьи умирал, то власть над семьей умершего переходила верасу-опекуну. Он являлся родственником покойного. Сын мог отделиться от отца, но имущество, которым владел при этом сын, юридически принадлежало его отцу.

Несколько таких родственных семей составляли фамилию (цIа), фамилии образовывали некъи, некъи — гары, а гары — род, или тейп.

Каждый чеченец и сейчас помнит, к какому роду, или тейпу, он принадлежит.

Несомненно, в процессе разделения рода образовавшиеся гары и некъи могли стать со временем самостоятельными родами.

М. Мамакаев замечает: «Следует считать тейп той основной ячейкой, откуда любой чеченец исчисляет свои первоначальные кровнородственные отношения и связи по отцовской линии». Все члены рода были равны между собой и свободны. Одним из древнейших тейповых центров Чечни было сел. Майсты. Здесь старейшины принимали решения, обязательные для всех тейпов.

Родовые правила (суровые, порой жестокие и безжалостные) были основными законами рода. Этим родовым правилам и подчинялись те люди, которые оставили пещеры в белых склонах оврага в Шатоевской котловине. Родовые правила чеченцев, адат, близки адатам дагестанцев и других горцев Северного Кавказа. Эти законы не писаны, их хранителями являлись старейшие и почетные люди.

Убийство человеком из одного тейпа человека из другого тейпа могло привести к кровной вражде между тейпами; если примирение между родами не наступало, карающая рука настигала обидчика или его родичей. Внутри тейпа браки не заключались, и если вспыхивала любовь внутри одного рода, то такая любовь считалась преступной, ибо «родственница по отцовской линии 10—15 и более поколений считается сестрой любого члена тейпа, тогда как самый близкий родственник по материнской линии — сама мать и та не является одно-тейповцем».

Внутри рода существовал совет старейшин (тейпана кхел), на котором могли присутствовать члены рода, но правом голоса пользовались только выборные члены совета. Во главе рода стоял тхамада — главный старейшина. Его могли при необходимости даже смещать.

В роде строго придерживались порядка гостеприимства. Жалоба гостя на плохое отношение к нему со стороны какого-либо одного лица покрывала позором весь род.

Каждый тейп имел свое имя. Это было имя его родоначальника. Чеченцы до сих пор свое происхождение возводят всего к нескольким именам. После смерти одного члена рода весь тейп носил траур: запрещались все увеселения, люди не стригли и не брили бороды. Покойника обязательно хоронили на родовом (тейповом) кладбище.

Тейпы объединялись в общины — тухумы (тукхумы), связанные национальными и земельными интересами. В общество Шатой входили тухумы: Варандой, Вашандарой, Маршлой, Келой, Гаттой, Памятой, Саттой, Хаккой, Нихалой, Тумсой, Зумсой. Интересно, что местность, где были обнаружены пещерные усыпальницы, носит название Хаккой-аре, т. е. «поляна хакоев».

Чеченских обществ к XVII в. было довольно много (Аккхий, Малхий, Нохчмакхой, Чаберлой, Шарой, Шатой, Чантий, Эрстхой). Они образовывали союз обществ (къам), который представлял собой весь чеченский народ.

Такова структура старинного чеченского общества. Структура довольно простая, но за родовыми законами, голый перечень которых звучит почти идиллически, мы должны видеть реальную жизнь. Женщина по адату не имела никаких прав, и ее участь очень часто была в руках мужчины. Бедный (а бедность в подобном обществе синоним «слабости») был презираем, и не всегда род постоял бы за права бедняка. А уж если кто не мог похвастаться своей родовитостью, то про него сказал бы любой чеченец: «Цу стеган тайпа а, тукхум а дац — у этого человека нет ни рода, ни племени». Внутри рода жили даже рабы (лаи). Известны случаи, когда бедные становились столь зависимыми должниками, что практически являлись рабами.

Пещеры, расчищенные нами на поляне хакоев, были оставлены жителями одного тухума. Здесь, у подножия могильной стены, устраивались поминки, произносились клятвы. Огромные кучи камней, разбросанные по дну могильного оврага, может быть, и представляют остатки «куч проклятий» — карлага (кIарлагIа), которыми в назидание потомству отмечали дурные, порочащие род поступки соплеменников.

Пещеры в долине Шатоя заменяли родовые склепы высокогорных районов. Они были эквивалентны им. Несмотря на массивные, вздыбившиеся горы, здесь почти нет строительного камня, и жители этой котловины вынуждены были не строить жилища своим покойникам, а вырубать их в твердом галечнике. И только далеко в горах можно увидеть настоящие склепы.

Склепы в котловине у сел. Итум-Кале

Котловина у сел. Итум-Кале довольно обширна. Река Чанты-Аргун течет в стороне, склоны гор поросли сочной травой, душистым чебрецом и горько-пряной полынью. Вправо от дороги, ведущей в Итум-Кале, горы раздвигаются, и виден скалистый мыс, затянутый редкой мережью облаков.

Сквозь голубоватую дымку смутно виднелись башни, венчающие скалы мыса и склеповое кладбище у сел. Кокадой. Работы по изучению этого могильника оказались тяжелыми. Наш лагерь стоял тогда в местечке Пакоч в самом начале ущелья Тазбичи: ежедневно приходилось пересекать почти всю котловину, проходить сел. Кокадой, переходить речку и долго подниматься к крутой горе Бекхайла, на которой находились склепы.

Склепы Кокадоя — это крупные сооружения: до 2,5 м в длину, до 1,5 м в ширину. В них можно свободно стоять. Сложены склепы из неотесанных камней на

Пещеры, расчищенные нами на поляне хакоев, были оставлены жителями одного тухума. Здесь, у подножия могильной стены, устраивались поминки, произносились клятвы. Огромные кучи камней, разбросанные по дну могильного оврага, может быть, и представляют остатки «куч проклятий» — карлага (кIарлагIа), которыми в назидание потомству отмечали дурные, порочащие род поступки соплеменников.

Пещеры в долине Шатоя заменяли родовые склепы высокогорных районов. Они были эквивалентны им. Несмотря на массивные, вздыбившиеся горы, здесь почти нет строительного камня, и жители этой котловины вынуждены были не строить жилища своим покойникам, а вырубать их в твердом галечнике. И только далеко в горах можно увидеть настоящие склепы.

Склепы в котловине у сел. Итум-Кале

Котловина у сел. Итум-Кале довольно обширна. Река Чанты-Аргун течет в стороне, склоны гор поросли сочной травой, душистым чебрецом и горько-пряной полынью. Вправо от дороги, ведущей в Итум-Кале, горы раздвигаются, и виден скалистый мыс, затянутый редкой мережью облаков.

Сквозь голубоватую дымку смутно виднелись башни, венчающие скалы мыса и склеповое кладбище у сел. Кокадой. Работы по изучению этого могильника оказались тяжелыми. Наш лагерь стоял тогда в местечке Пакоч в самом начале ущелья Тазбичи: ежедневно приходилось пересекать почти всю котловину, проходить сел. Кокадой, переходить речку и долго подниматься к крутой горе Бекхайла, на которой находились склепы.

Склепы Кокадоя — это крупные сооружения: до 2,5 м в длину, до 1,5 м в ширину. В них можно свободно стоять. Сложены склепы из неотесанных камней на

глинистом растворе. Потолок у склепов продольно-сводчатый, кверху суживается. А сделан он просто и остроумно — ряды камней у противоположных стен слегка выпущены, и они смыкаются в центре. В некоторых склепах имеются ниши. Фасады склепов выходят на поверхность склона. Склепы имеют вход, аккуратно обрамленный массивными плитами. У входа одного из склепов (3) была устроена нишка для поминальных приношений. Над входом в него кладка была нарушена четырьмя плитами, поставленными под уклон, образуя узор в виде буквы М.

Коллекции находок из кокадойских склепов не очень велики: обломки глиняной посуды, покрытые волнистым и линейным орнаментом, обрывки шелковистой ткани коричневого цвета, куски дерева, альчики, железные ножи, оселки [1]. Встречались и стеклянные разноцветные бусы, бусы из зеленого фаянса и красного сердолика, серебряные сережки различных форм. Некоторые из них заканчивались спиральками, другие — гроздьями. В склепе 4 была найдена русская серебряная монета времен Димитрия Донского (1350—1389 гг.), а в склепе 7 — серебряная монета Тохтамыша, отчеканенная в 1386 или 1387 г. Монеты были пробиты и использовались как украшения.

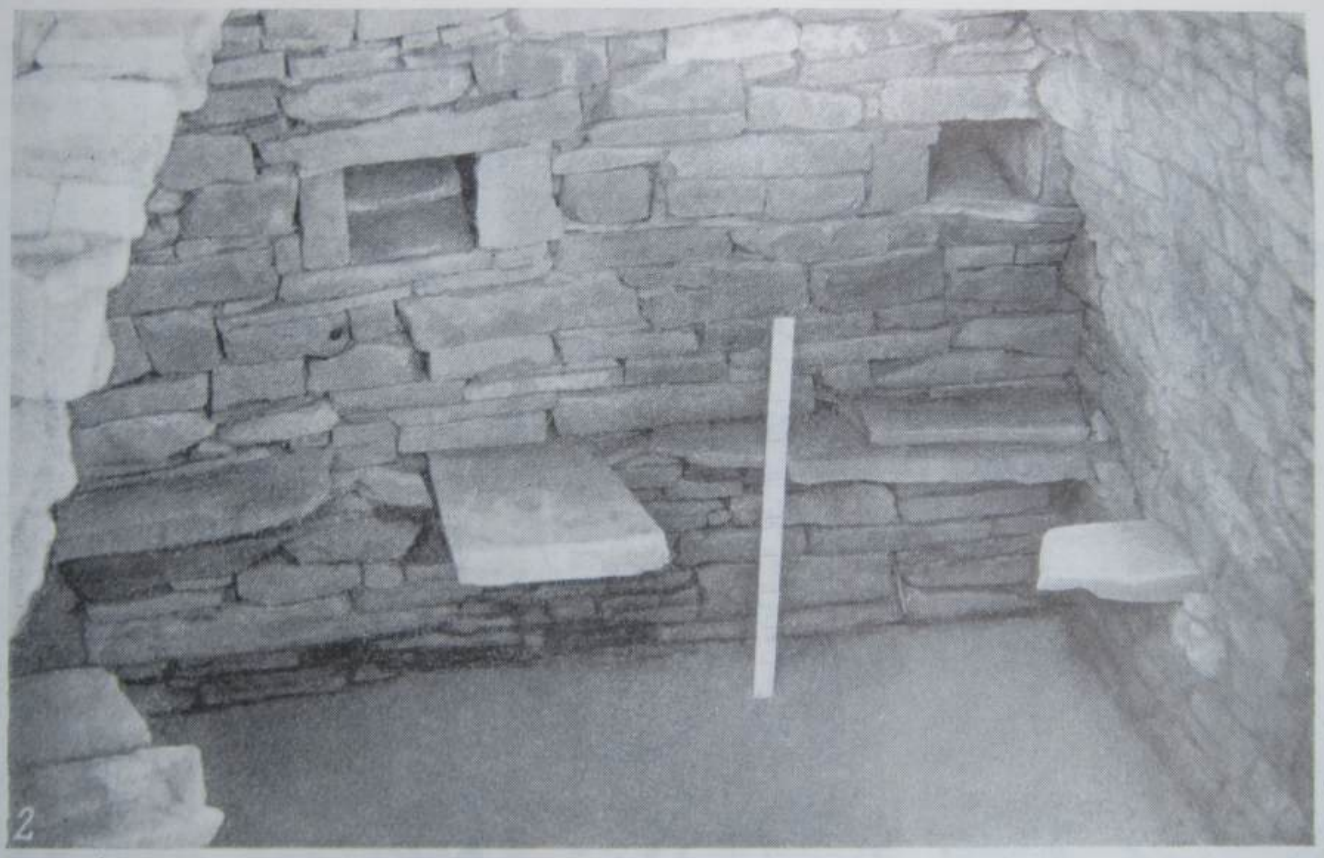
Между склепами мы обнаружили слегка прикрытые землей каменные ящики удлиненной формы с одиночными захоронениями. Только в одном ящике было похоронено два человека: около узких сторон лежали два черепа и отдельные кости. В могилах встречались вещи, похожие на те, что были найдены в склепах: бусы такой же формы, серебряная сережка в виде змейки с утолщенной головкой, обломки бронзовых пластинок, набитые на дерево. В ящике 3 лежали серебряные сережки и монета хана Хызра. Она была отчеканена в Новом Сарае в 762 г. мусульманского летосчисления (1360—1361 гг.).

Помимо могильника у Кокадоя, подобные склепы расчищались в хуторках Дёре и Пакоч, ущелье Тазбичи, осматривались склепы и в местечках Верхние Хьеры, Титча-Дук и Шулкаг (район Итум-Кале).

---

[1] Оселки для точки ножей делались из речных галек. В них обязательны отверстия, так как оселки подвешивали к поясу.

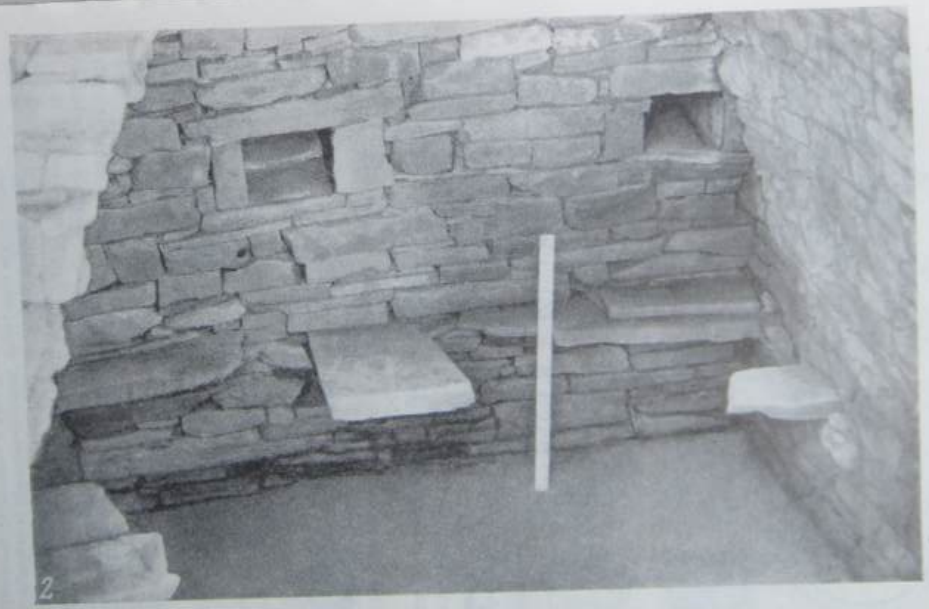

Склепы у с. Верхний Кокадой

1 — вход в склеп 3; *2* — внутренний вид склепа 1: видны ниши и остатки полок

Склепы у с. Верхний Кокадой

1 — вход в склеп 3; *2* — внутренний вид склепа 1: видны ниши и остатки полок

Вещи из склепов и ящиков горной Чечни

Серебряные и бронзовые серьги; бусы из стекла, фаянса и сердолика; серебряный бубенчик-пуговка; серебряные монеты Димитрия Донского, Тохтамыша и хана Хызра. Находки из сел. Верхний Кокадой, хуторов Пакоч и Дёре (район сел. Итум-Кале)

Судя по находкам и по конструкции склепов, все они построены в одно время. Их можно датировать XIII—XV вв., что в основном совпадает со временем использования пещер в Шатоевской котловине.

Но почему одних хоронили в обширных склепах, среди ближайших родственников, а других клали в низкие, заливаемые дождями могилы? Дело в том, что в склепах были похоронены люди, принадлежащие данному тейпу. А в наскоро сделанные ящики спускали бренные останки человека «без рода и племени», может быть, даже раба-лая. В лучшем случае в его узкую и тесную могилу могли позже положить его жену, а к матери — ее ребенка. На подобных кладбищах участки с ящиками сопутствуют склепам. Нам приходилось копать такие бедные могилы с археологом Т. Б. Тургиевым в Северной Осетии — у селений Даргафс, Цимити, Дзивгис, Архон, Нар.

В дальнейшем склепы в предгорных районах исчезают, сохраняясь лишь в очень далеких ущельях: теперь стали сооружать могилы, напоминающие ящики. В них хоронили всех, независимо от родовитости. И в Шатоевских пещерах, и в полуподземных склепах, и в ящиках — всюду попадаются древесные угольки. Это не случайно. Начиная от эпохи бронзы и до позднего средневековья, при похоронах совершали какие-то обряды, связанные с огнем.

Мой помощник по раскопкам в сел. Кокадой, научный сотрудник Ахьят Исламов говорит, что пережитки культа огня до последнего времени сохранялись у чеченцев. Еще совсем недавно при купании ребенка чеченки клали в воду кусок древесного угля, который должен был отвратить действие «злого духа». Ребенку давали в руку уголек, если приходилось куда-нибудь идти с ним ночью. Этот уголек оберегал его от «нечистой силы». Для этой цели клали уголь и под подушку в колыбель ребенка. Много магических приемов связано у чеченцев с огнем. Совсем недавно у горных чеченцев бытовал обычай расчерчивать углем то место пола, на котором лежал покойник, а затем в течение трех суток после его выноса в этой комнате поддерживали огонь.

В чеченском языке слова огонь, красный, чистый, божество имеют одну основу — корень «цIе» — огонь. Да и в описанных обрядах прослеживаются не толь-

ко пережитки культа огня, но и железа, ведь уголь здесь часто можно заменить железом. Таким образом, в чеченских верованиях переплетаются культы более древние (огня) и более поздние (железа).

На реальность обрядов, связанных с огнем, указывают и свидетельства средневековых авторов. Путешественники-миссионеры Плано Карпини и Вильгельм де Рубрук в XIII в. посетили Кавказ. Наблюдая нравы коренных жителей, они единодушно отметили: кавказцы «веруют, что огнем все очищается», и «они очищают также всякую утварь усопших, проводя ее через огонь».

Нечто подобное проделывалось с самых древнейших времен (эпохи бронзы) и до позднего средневековья.

Но наше описание склеповых построек не будет полным, если мы не посетим чеченские города мертвых.

Города мертвых

Осмотреть хотя бы один город мертвых было задумано нами давно. Нужно было начать изучение этих мрачных величественных памятников чеченской культуры. Но как это сделать?

В верховьях р. Чанты-Аргун нет мостов, тропы давно смыты и заросли, в горах уже давно никто не живет. И все же мы решили совершить такой поход.

Рано утром пришел проводник, и мы двинулись в путь. У бывшего сел. Басхой мы обнаружили первый наземный склеп, затем еще и еще.

Дорога становилась все труднее. Иногда вообще не было тропинки. В скальные щели вбиты бревна, а сверху положены плиты сланца. Наконец, мы вступили в ущелье Малхиста. Писатель Х. Д. Ошаев оказался прав, написав: «Когда в ущелье Малхиста въезжает новый человек, им овладевает странное, мрачное чувство... Нависшие изломы скал как-то необычно жутко молчат. И кругом не видно ни жилья, ни птиц, ни скота... Безмолвие нарушается лишь шелестом пучка сухой травы, прилепившейся где-нибудь в щели недоступного камня, и однообразным шумом Аргуна».

Прямо напротив нашей одинокой палатки среди серо-стальных скал высится горбатый утес, покрытый желтой выгоревшей травой. Издали кажется, что это аул — горское селение. Только его домики — без окон, с небольшими входными отверстиями. Но здесь перед нами не покинутый аул, а склеповый поселок — город мертвых «Цой-Педе». До сих пор чеченцы с почтением относятся к таким местам. И наш проводник, «доставивший» нас в ущелье Малхиста, на границе с Хевсуретией, всем своим видом дает понять, что теперь он «умывает руки».

Мыс, занятый поселком мертвых, омывают р. Чанты-Аргун и говорливая речка Меши-Хи. При входе в город мертвых у тропы стоят два столпообразных сооружения, сложенные из сланца. Они напоминают тумбы. Высота одного 2,5 м, в нем неглубокая ниша, другой столп невысок — всего 1,45 м. Это святилища — сиелинг. Они бывают более сложной конструкции, а эти очень просты. Возле них выполняли разного рода обрядовые церемонии и приносили в жертву рогатый скот. В нишах таких святилищ ставились свечи. Сиелинг оберегали покой мертвых. Таких построек много в горной Чечне и Ингушетии.

Сразу же за столпами-святилищами находились склепы. Они образуют шесть компактных групп и разбросаны по склону горы. Всего их здесь 42. Каждый склеп — это прямоугольная постройка в виде домика с двускатной шиферной крышей. Некоторые крышы с каменным коньком. В одной из узких стен склепов устроен лаз — четырехугольное отверстие, обрамленное рамкой из шиферного сланца. У некоторых склепов перед лазом сделана глубокая ниша со стрельчатой аркой. По сторонам ниши небольшие углубления, для того чтобы души умерших могли найти пристанище от ветра и дождя.

Внутри склепов темно. Душный неприятный запах пропитал их стены. Вскоре глаза привыкли к темноте и стало видно, что потолок у склепов продольно-сводчатый и сделан он так же, как и у полуподземных; иногда укреплен деревянными балками-распорами. Задней стеной у некоторых домиков служит скала. Внутри стен устроены каменные полки. Они опоясывают стены з один — три ряда. Мы обнаружили склепы, состояв-

Город мертвых Цой-Педе в Малхиста

шие из двух «комнат», первая из которых служила поминальной камерой. Есть здесь и двухэтажные склепы.

Почти во всех склепах много покойников, их число доходит до сотни. Они лежат на полках в вытянутом положении, ногами, а иногда и головой к выходу. Некоторые свешиваются с полок, другие находятся в самых неестественных позах на полу. Вероятно, в склепах побывали звери, а может быть, и люди. Говорят, в 1942 г. в них прятались фашистские парашютисты. На покойниках сохранилась одежда из грубого холста и цветной шерсти (синей, коричневой, красноватой). Подол и рукав шерстяной одежды обшиты шелковой и бумажной тесьмой. На ногах башмаки с загнутыми носами — чувяки и ноговицы. Многие трупы хорошо сохранились: лица с усами, глаза прикрыты ресницами, пальцы с ногтями на высохших руках...

Здесь в горах, где прохладен воздух, почти нет гнилостных бактерий. И трупы не разлагаются, а усыхают. Происходит естественная мумификация.

На полках склепов иногда встречаются плетеные носилки. На них был внесен покойник. Иногда их приносили в прямоугольных гробах и колодах. Детей хоронили в люльках.

Рядом с умершими лежит домашний скарб: деревянная посуда, ларцы, прялки. Несколько образцов таких вещей теперь можно видеть в музее г. Грозного.

Каждый такой склеп носит чеченское название «малх-каш», т. е. солнечная могила, а общее название «Цой-Педе» («Цайн-Пьхеда» в чеченской транскрипции) означает «поселение божества». В южной части мыса мы обнаружили остатки жилого поселка, одна из его башен возвышается над городом мертвых, а другая — близ речного потока.

Описанные склепы грандиозны. Длина их превышает 5 м, ширина доходит до 3,5—4 м, а высота более 2,5 м. Эти сооружения незабываемы и по мрачности виденного в них, и по величавости, и по простоте конструкции. Бруно Плечке, о котором уже говорилось, посетил город мертвых в Майстах. Склепы и там напоминают домики с двускатными крышами, но среди них много двухэтажных. Такие же склепы В. Ф. Миллер видел и в районе озера Галанчож. Склепы-домики есть

Склепы г

Склепы города мертвых в Майстах (по фотографии Б. Плечке)

и в Хевсуретии [1]. Здесь они называются «акалдама», от чеченских склепов они отличаются мало, а в ущелье р. Фортанги встречаются склепы башнеобразной формы, увенчанные пирамидально-ступенчатым перекрытием. Особенно много таких построек в Ингушетии и Северной Осетии.

Датировать такие склепы трудно. До сих пор по-настоящему, научно, никто их не расчищал. Ведь для этого надо тело за телом не только выносить из гробницы, но и буквально раздевать. Эта работа еще предстоит, и можно ожидать ценнейшие материалы для изучения истории кавказского костюма, утвари, ювелирного дела, оружия, искусства.

Все ученые сходятся в одном: склепы использовались с XVI по XVIII в.

Нам пришлось как-то бродить среди склепов сел. Архон (Северная Осетия) с сотрудницей Алагирского краеведческого музея Р. Д. Дзагиевой, и она показала мне склеп своих родственников. В Осетии есть склепы, на которые нанесены кресты (многие осетины — христиане), написаны фамилии «хозяев» склепа.

Некоторые ученые высказывали мнение, что такие поселки мертвых возникли из-за малоземелья горцев. Думаем, что это неверно. В Дагестане, где хорошей пахотной земли также немного, и земельные угодья были невелики, в позднем средневековье никаких склепов не было.

С появлением мусульманства стали появляться кладбища с могилами, рассчитанными на одного умершего. Они требовали больше земли, а угодья оставались прежними. Значит, дело здесь не в малоземелье. И этот вопрос будет разрешен только тогда, когда ученые хорошо изучат кавказское язычество.

Высказывалось и другое предположение, что в склепах люди стремились сохранить тела умерших путем естественной мумификации. Это абсурд. Тогда люди, затеявшие постройку первого склепа, заранее должны были знать, что таким путем, защитив труп от дождей и снега, они добьются его естественной мумификации. А вот то, что по каким-то религиозным установлениям тело мертвого нельзя было опускать в землю, а надо

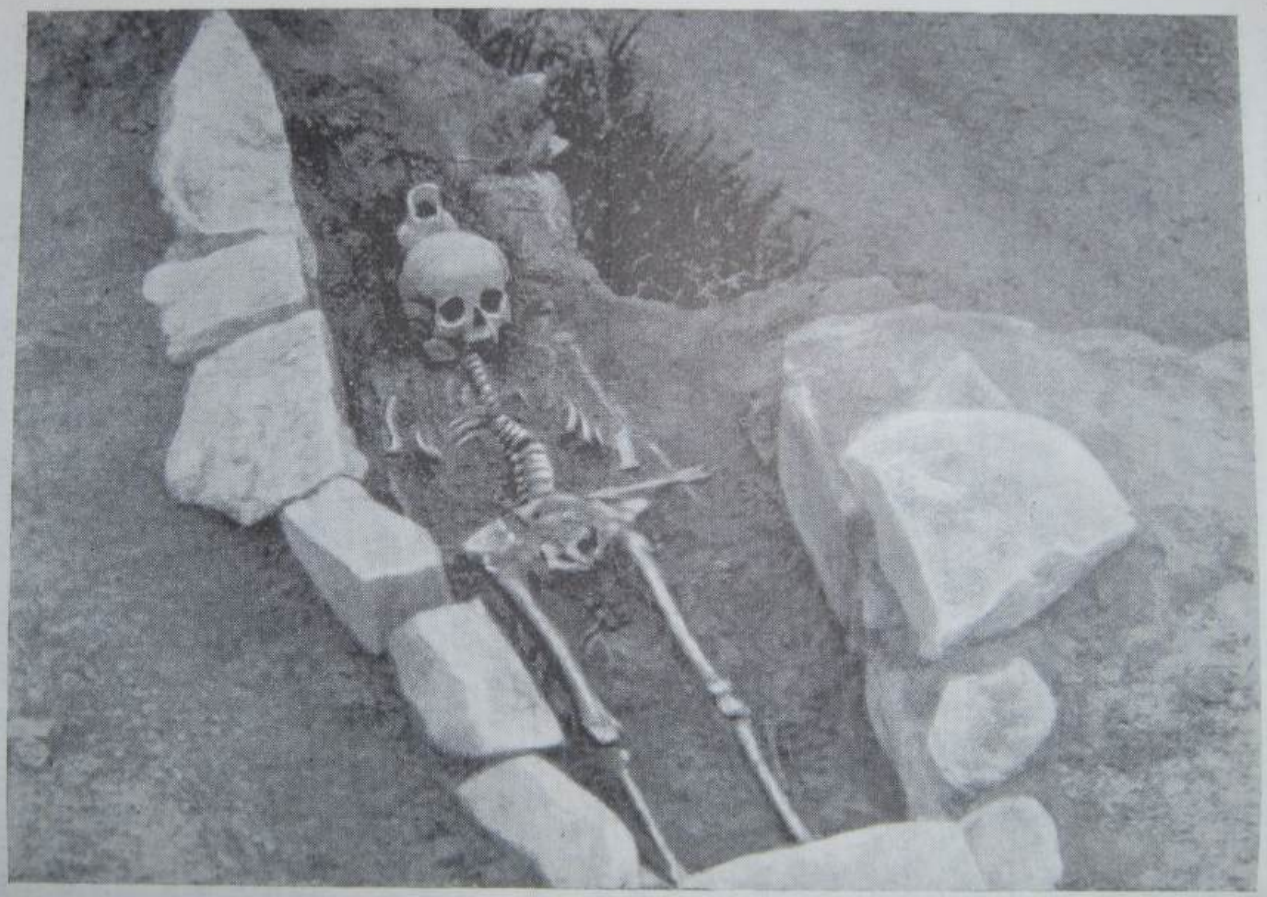
[1] Северо-восточная часть Грузии, примыкающая к Чечне, заселена хевсурами; центр — сел. Барисахо.

было предоставить воздействию воздуха и ветра, это, наверное, соответствует правде. Склеповые сооружения дают большой материал для изучения язычества.

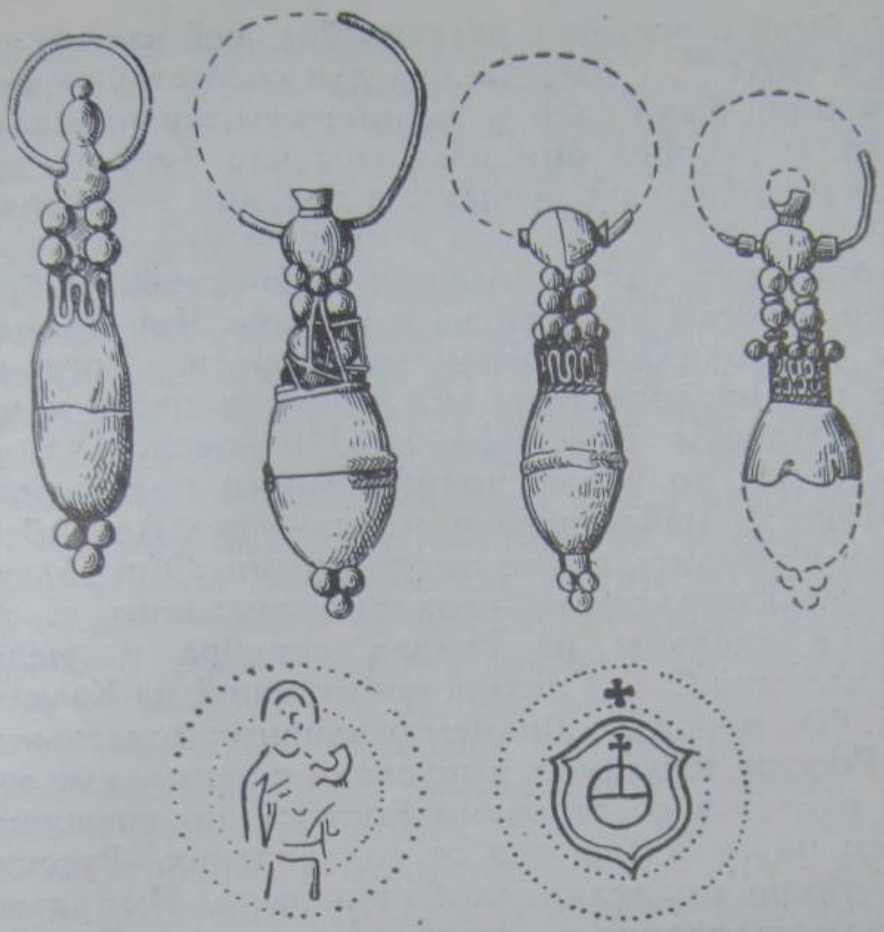
Пещеры, склепы и описанные каменные ящики ничего общего не имеют с мусульманскими и христианскими погребальными сооружениями. Покойник для мусульман — это «джанаба», т. е. великая нечистота. А рядом со склепами городов мертвых высятся жилые постройки. В Северной Осетии можно даже во дворах видеть фамильные склепы (селения Харискин, Лац и др. в Куртатии). У мусульман покойник как можно скорее должен быть предан земле, а в домиках-склепах покойники даже не соприкасаются с землей. Такой ритуал не может быть связан с мусульманством. Поэтому широко распространенное мнение, что ислам проник к чеченцам раньше XV—XVI вв., оказывается совершенно неверным.

Монеты Рудольфа II

В 1958 г. у колхозного двора сел. Аслан-бек-Шерипово мы случайно нашли в срезе дороги небольшой кувшинчик, сделанный на гончарном круге. На следующий день заложили на этом месте раскоп и обнаружили могилу. Среди кладки из камней, положенных плашмя в два ряда на мергелевую скалу, лежал на спине скелет девочки-подростка. Руки у нее вытянуты вдоль туловища. В земле сохранилась вмятинка от сосудика, найденного нами накануне. Рядом лежали две монетки с дырочками и небольшая нашивная бляшка. Возле висков — серебряные сережки тонкой филигранной работы, украшенные гроздьями зерни. Вокруг костяка мы собрали несколько бусин из синего стекла, черного минерала гагата и сердолика. У правого плеча были обнаружены угольки, у таза — железные туалетные щипчики, а у правого бедра — обломок браслета и подвески. Помимо этого погребения, удалось рас-

Погребение девочки с монетами Рудольфа II. Могильник у *сел. Асланбек-Шерипово*

Серебряные серьги и гольдгульден Рудольфа II
из погребений у сел. Асланбек-Шерипово

крыть еще четыре могилы, но основная часть могильника была уничтожена при строительстве дороги. Наша коллекция вещей пополнилась ножницами, ножом с костяной рукоятью, бусами, сережками. Но самой значительной находкой оставались две монетки, найденные в могиле девочки. Эти монеты имитируют немецкие гольдгульдены императора Рудольфа II (1576—1612 гг.). Они, видимо, использовались длительное время как украшения. Монеты позволяют смело датировать могильник XVII в. В Чечню эти монеты могли попасть только в результате обмена. С XIII в., когда напуганные татаро-монголами купцы перестали пользоваться дорогой, проходящей вдоль Дарьяльского ущелья, товары перевозили по побережью Каспия. Связи русских торговых людей с народами Дагестана и Закавказья в XV—XVII вв. особенно усилились. В торговлю были вовлечены и народы Чечено-Ингушетии. В это время чеченцы

и ингуши были известны у русских большей частью как мичкизы и ококи [1], у дагестанцев для соседствующих с ними чеченцев были свои названия; кумыки называли их микиш, у аварцев они известны как буртель, кабардинцы называли их шашань, а грузины — дзурдзуки. В начале XVII в. чеченцы и ингуши уже служили в гарнизонах русских небольших крепостей, разбросанных по берегам рек Терека и Сулака. Через земли чеченцев проходили караванные дороги. Тогда-то вместе с различными товарами могли попасть к чеченцам и монеты Рудольфа II. Интересно, что в XVI—XVIII вв. по рукам ходило много поддельных монет. Монеты, найденные в могиле у сел. Асланбек-Шерипово, оказались также поддельными. Они только по типу «гольдгульдены» — золотые гульдены, а на самом деле сделаны из сплава серебра и меди. Русский академик С. Г. Гмелин, побывавший на Кавказе в XVIII в., был поражен обилием различных поддельных монет. В России, например, выпускали специальные монеты для расчетов со странами Востока, по внешнему виду ничем не отличавшиеся от голландских. Русские называли такие подделки «лобанчиками». Ими даже выплачивали жалование военным, служившим в Грузии. Перестали чеканить их только в 1897 г., хотя голландское правительство неоднократно протестовало против их выпуска и раньше.

Вот что еще вспоминается в связи с находками «гольдгульденов» в Чечне. В 1602 г. Рудольф II направил своего посла Стефана Какаша с его секретарем Тектандером посетить Бориса Годунова и персидского шаха Аббаса. Путь в Персию лежал по восточной части Каспия, а обратный путь проходил с кавказской стороны, через Дагестан и затем, вероятно, по Чечне (вдоль Гордийских гор).

Очень заманчиво было бы связать находки монет с продвижением Тектандера (Какаш по дороге умер) по Чечне.

Но, конечно, главная научная ценность могильника состоит в том, что он еще раз подтверждает позднее проникновение ислама в горы Чечни.

---

[1] Слово «чеченец», или «чечен», происходит от названия аула Чечен, сами себя чеченцы называют нахчий; слово «ингуш» возникло от названия Ангушт, самоназвание — галгай.

Многие прогрессивные ученые считали, что чеченцы стали мусульманами очень поздно. Об этом писали А. Берже, Н. Семенов, А. Вильямс (географ), Р. Леонтович (специалист по горским адатам) и др. В конце XVIII в., в царствование Екатерины II, было принято при официальных показаниях присягать именем «своего бога» с Евангелием или Кораном в руках. По старым документам известно, что многие чеченцы в таких случаях присягали не на Коране, а называли своих языческих богов и имена предков. Вот, например, что писал в 1804 г. А. И. Ахвердов о вейнахских народах и осетинах: «Лет сорок тому назад некоторые из них начали принимать магометанский, а многие и опять христианский закон; но как за сим дальнего внимания со стороны нашей не имеют, то иные оставляют снова закон христианский, а другие и теперь никакого закона не имеют»[1]. А. И. Ахвердов прав, говоря о шаткости верований. Известно, что ингуши аула Гвилеты официально приняли мусульманство только в 1861 г. Даже в Дагестане, стране, в которую проникли арабы, ислам укоренился очень поздно — в XIV—XV вв., а в труднодоступных горных ущельях — еще позже.

Ислам, проникший к чеченцам и ингушам из «вторых» рук — от соседей, ничего прогрессивного им не дал: ни арабской ученой софистики, ни арабской медицины и литературы. Коран горцы читали, большей частью не понимая ни одной суры. Ислам, как и учение о Христе, был чужд горцам. Он разжигал вражду между народами.

«Коран и основанное на нем мусульманское законодательство сводят географию и этнографию различных народов к простой и удобной формуле деления их на две страны и две нации: правоверных и неверных. Неверный — это «харби», враг. Ислам ставит неверных вне закона и создает состояние непрерывной вражды между мусульманами и неверными»[2].

---

[1] «История, география и этнография Дагестана XVIII—XIX вв.» (архивные материалы). М., 1958, стр. 228.

[2] К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 10, стр. 167.

Кабардинские курганы

Среди древних курганов, раскопанных Р. М. Мунчаевым у сел. Бамут, выделяется более двух десятков мелких курганов с насыпями из речных голышей. Высота их не превышает 0,5 м. В каждом кургане под камнями была вырыта яма, в деревянной колоде лежал скелет человека на спине с вытянутыми вдоль туловища руками.

Покойники были основательно «вооружены». Возле мужчин найдены железные ножи, железные наконечники стрел. Ремни, которыми они были опоясаны, имели железные пряжки. У некоторых находились кресала для высекания огня. А три покойника (из курганов 12, 21, 22) имели при себе даже кривые сабли. Рукояти у них снабжены перекрестиями, и, видимо, в свое время эти ржавые и хрупкие клинки являлись достаточно грозным оружием.

В могилах женщин археологи нашли бусинки, наперстки, позолоченные пуговки-бубенчики и детали пояса, искусно украшенные штампованным орнаментом и зеленым стеклом, вставленным в специальные обоймочки.

Курганы с этими находками составляли две группы. Возможно, каждая из них принадлежала одной фамилии. Е. И. Крупновым и Р. М. Мунчаевым курганы датируются XV—XVI вв. Но самое главное — кто же оставил эти небольшие каменные насыпи?

Ответить на этот вопрос помогает археология. Дело в том, что у каждого племенного объединения существовали свои, традиционные обряды захоронения и другие ритуалы, соответствующие их религиозным верованиям. Археологи определили, что насыпи из речных голышей сооружали над умершими кабардинцы.

Историками на основе документов установлено, что до XVI в. в равнинной части широкой предгорной полосы чеченцы и ингуши еще не жили. У. Лаудаев

замечает: «Чеченцы жили прежде в горах и только в начале прошлого столетия появились на плоскости». Для У. Лаудаева «прошлое столетие» — это XVIII в. Такие переселения историком Н. П. Гриценко объясняются совершенно верно экономическими причинами: увеличившееся население не могли прокормить скудные земельные участки в горах, многие из которых к тому же были захвачены старейшинами и «лучшими» людьми. И вот тогда-то в низовьях р. Аргун появляются селения Герменчук, Шали и др., появляются также селения близ р. Фортанги. До такого переселения на равнинной части жили аланы, татары и, судя по каменным курганам, кабардинцы. Курганы с подобными насыпями и раньше, до раскопок в сел. Бамут, привлекали внимание археологов. Они были известны у селений Базоркино, Кантышево, Назрани, Ачхой-Мартан, Алхасте, у станицы Нестеровской. Казаки называют их «кургашками». И чем западнее от Чечено-Ингушетии, тем больше курганов, насыпанных из голышей. Очень много их в Северной Осетии. Нам приходилось исследовать такие курганчики у селений Ардон и Урсдон. Осетины их так и называют «кашаджи уалмарта» — касожские (кабардинские) курганы.

Кабардинцы, народ из группы адыгских племен, появились на нынешней своей территории (Кабардино-Балкарская АССР) и на равнинной части Северной Осетии и Чечено-Ингушетии в XIII—XV вв. Пришли они из Прикубанья, и, как считают Е. И. Крупнов и Р. М. Мунчаев, их продвижение было вызвано «внутренним процессом развития феодализирующегося общества, связанного с коневодством, для которого необходимы захват и использование привольных пастбищ».

В курганах у сел. Бамут было обнаружено всего три керамических сосуда. Дело в том, что кочевники избегали пользоваться хрупкой глиняной посудой. В их распоряжении была посуда из дерева и металла. И даже эти три сосуда, вероятно, сделаны чеченцами. И там, где в средние века жили кабардинцы, всегда высятся небольшие курганчики. Итальянец Георгий Интериано, живший в XV в., писал: «Их похороны торжественны. Это делается таким образом: берут что ни на есть толстое дерево и от самой толстой части отрезают

в длину, насколько окажется нужным, потом распиливают его надвое, выдалбливают его настолько, чтобы можно было поместить тело, складывают обе половины дерева и относят на место для погребения, где толпа народа собирается делать над покойником темху, т. е. земляной курган».

В XVI в. в исторических документах еще встречаются вместе два названия «черкасы и ококи», т. е. кабардинцы, ингуши и чеченцы; позже такое сочетание уже неизвестно. Как видно, кабардинцы покинули земли Чечено-Ингушетии.

Башни. Знаки на камнях

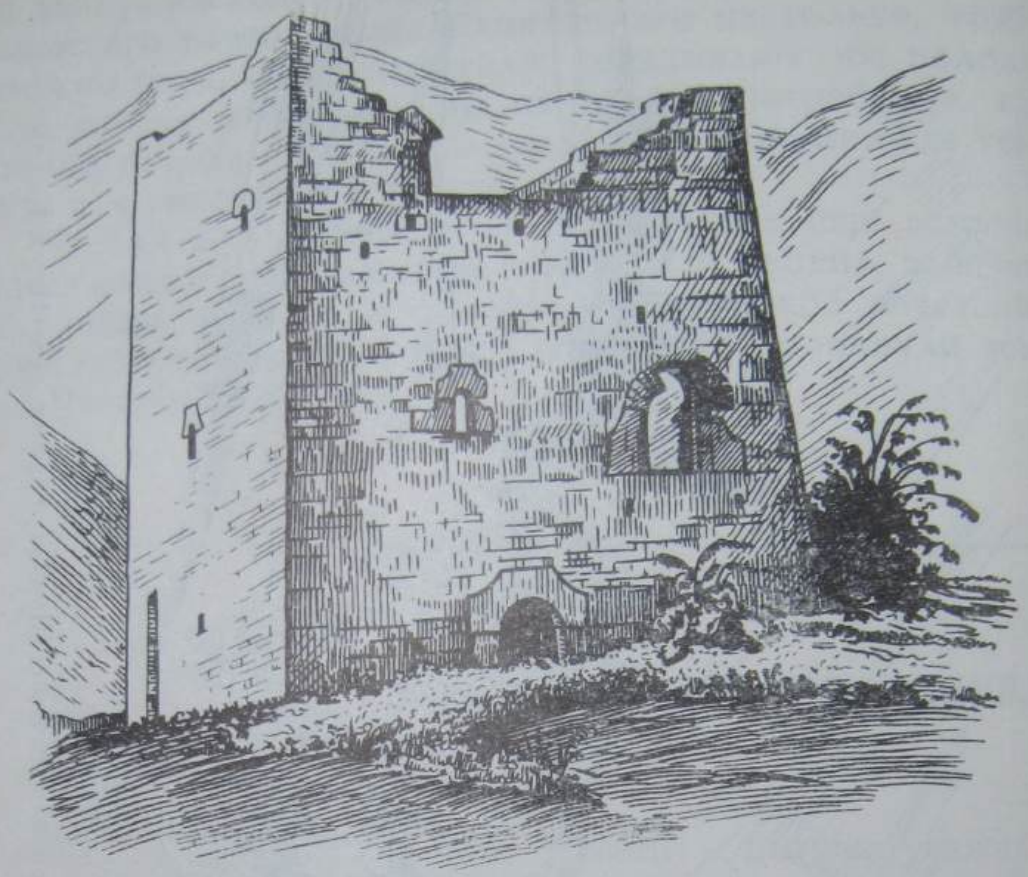
В средние века чеченцы и ингуши уважали человека только в том случае, если он имел свой род (тейп) и принадлежал к определенному племени (тухуму). Ингуши так и говорили: «Человеку при жизни нужна башня, после смерти склеп».

Тогда чеченцы строили два рода башен: жилые и боевые. Они существенно отличаются друг от друга, хотя и имеют общие черты.

Жилые башни (по-чеченски «гала») и сейчас в большом числе разбросаны по ущелью Тазбичи, за сел. Итум-Кале. А в сел. Ушкалой одна из таких башен покрыта двускатной черепичной крышей и используется под жилье. Эти сооружения однотипны. Стоят они всегда на местах, очень удобных для жилья, и недалеко от воды. Приземистые прямоугольные жилые башни сложены из хорошо подобранных и пригнанных камней. Длина и высота башен достигают 10 м. Башни освещались небольшими отверстиями, которые в стужу прикрывали ставнями. Дверной проем всегда имеет округлый арочный верх, для чего в огромном камне-монолите высекалось закругление и он водружался над входом. Реже арки входа сложены из клиновидных

Руины жилых башен в местечке Шулкаг (район сел. Итум-Кале)

Жилая башня в местечке Шулкаг

блоков и завершаются примитивным замковым камнем треугольной формы. С внутренней стороны оконные и дверные проемы расширяются, образуя стрельчатую арку. Двери закрывали ставнями или приставными щитами и запирали на засов, для чего по сторонам в камнях выдолблены гнезда. Щиты были очень толстые, грубой плотницкой работы.

Чеченские жилые башни двух- и трехэтажные, в каждый этаж вела наружная дверь. К верхним дверям приставлялась лестница — бревно с зарубками. Внутри башни также имелись специальные переходы.

Жилые башни в свое время строили хевсуры, пшавы, грузины, многие дагестанские народы, но, кажется, никто из них никогда не складывал внутри башни опорный четырехугольный столб с массивным основанием и каменными подушками, расположенными на разной высоте. Такой столб завершается обычно капителью в виде усеченной четырехгранной пирамиды, поставленной на срезанную вершину. Перекрытия между этажами

покоились на каменных подушках столба и выступах стен.

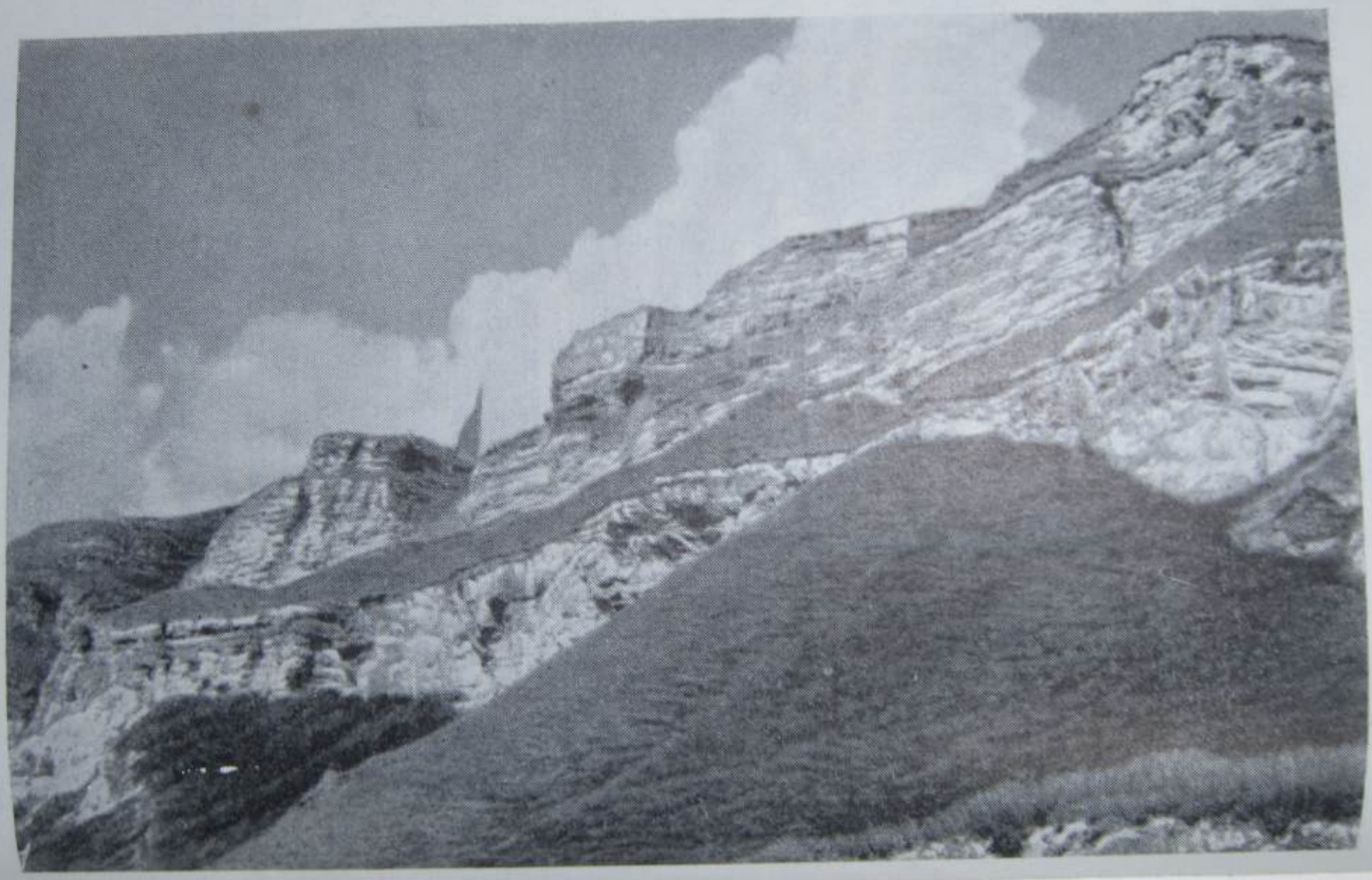
Профессор Л. П. Семенов в 1928—1930 гг. видел жилые башни целыми. Крыша у них была сделана из бревенчатого наката, покрыта хворостом, засыпана землей и утрамбована. Для таких целей употреблялись даже специальные каменные цилиндры — катки.

Внутри башен устроены ниши. Первый этаж служил хлевом, на втором и третьем жили люди. Здесь горел очаг (остатки такого очага мы видели в местечке Талкали в ущелье Тазбичи), дым и копоть оседали по стенам и проникали во все этажи: стены сильно закопчены. Башни — крепкие, прочные постройки, они могли служить надежным убежищем от врагов. Жилые башни снабжены сквозными щелями — бойницами, а некоторые даже машикулями. Машикуль — специальное приспособление для ведения навесного огня, оно напоминает выступающий каменный балкончик, но дна у него нет. При случае, прикрываясь его перилами, можно было стрелять вниз, лить кипяток, бросать камни.

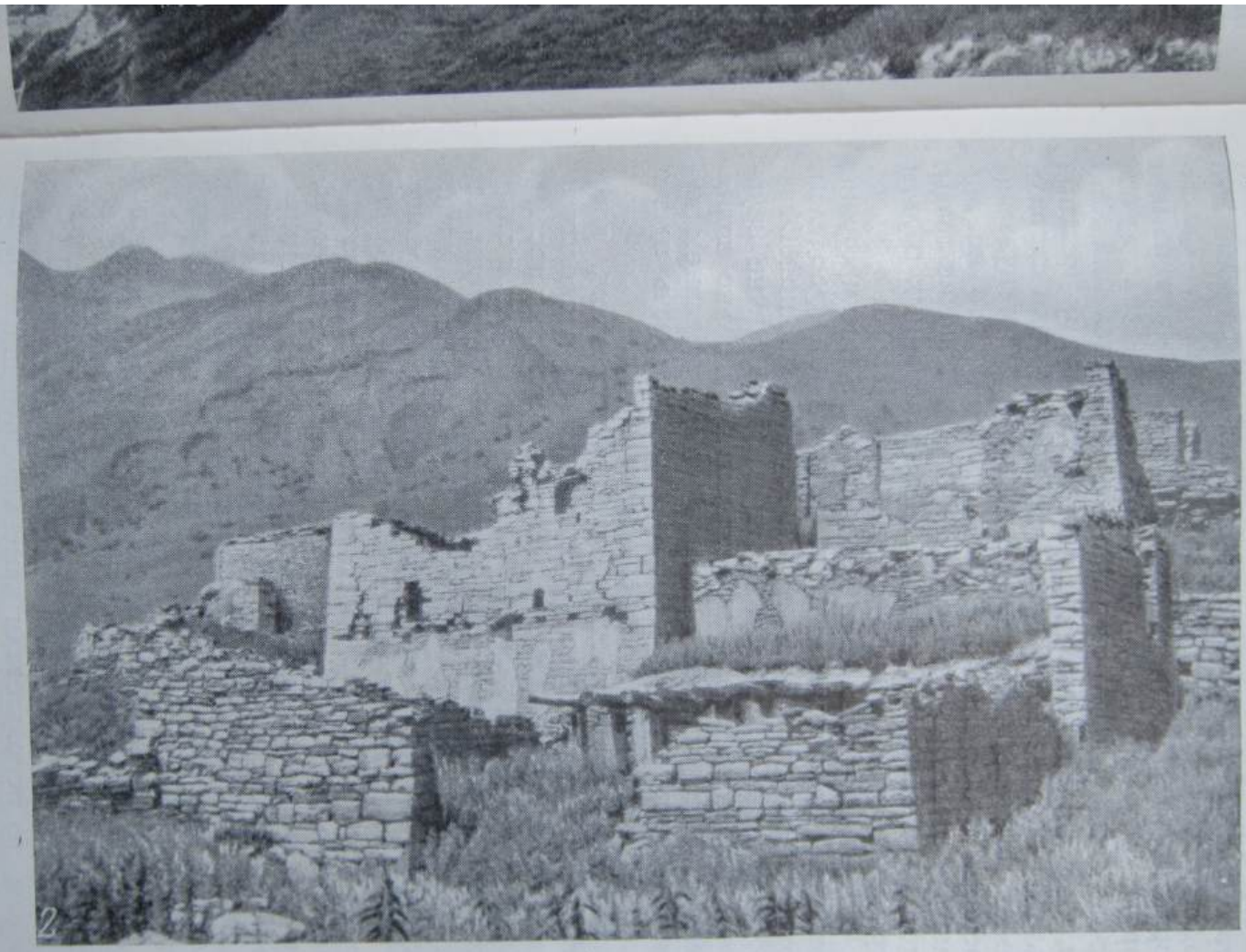
Наружные стены башен, особенно у дверей, украшены выбитыми петроглифами. Это фигурки людей, животных, спирали и геометрические узоры. Очень часто у входа высечено изображение руки — знак мастера. Закончив благополучно строительство, он обводил контур своей руки и ударами зубильца увековечивал ее изображение. Руки различны — они то узкие с длинными пальцами, то широкие и короткопалые, то с сильно оттопыренным большим пальцем. Очень часто это левые руки, так как правой было легче правильно обвести контур.

Каждая семья владела одной, а то и двумя-тремя такими башнями. Сейчас эти постройки превратились в руины, но раньше стены жилых башен были свидетелями бурных событий и кровавых сцен. Невесело жилось тогда. Старинные чеченские песни полны печали:

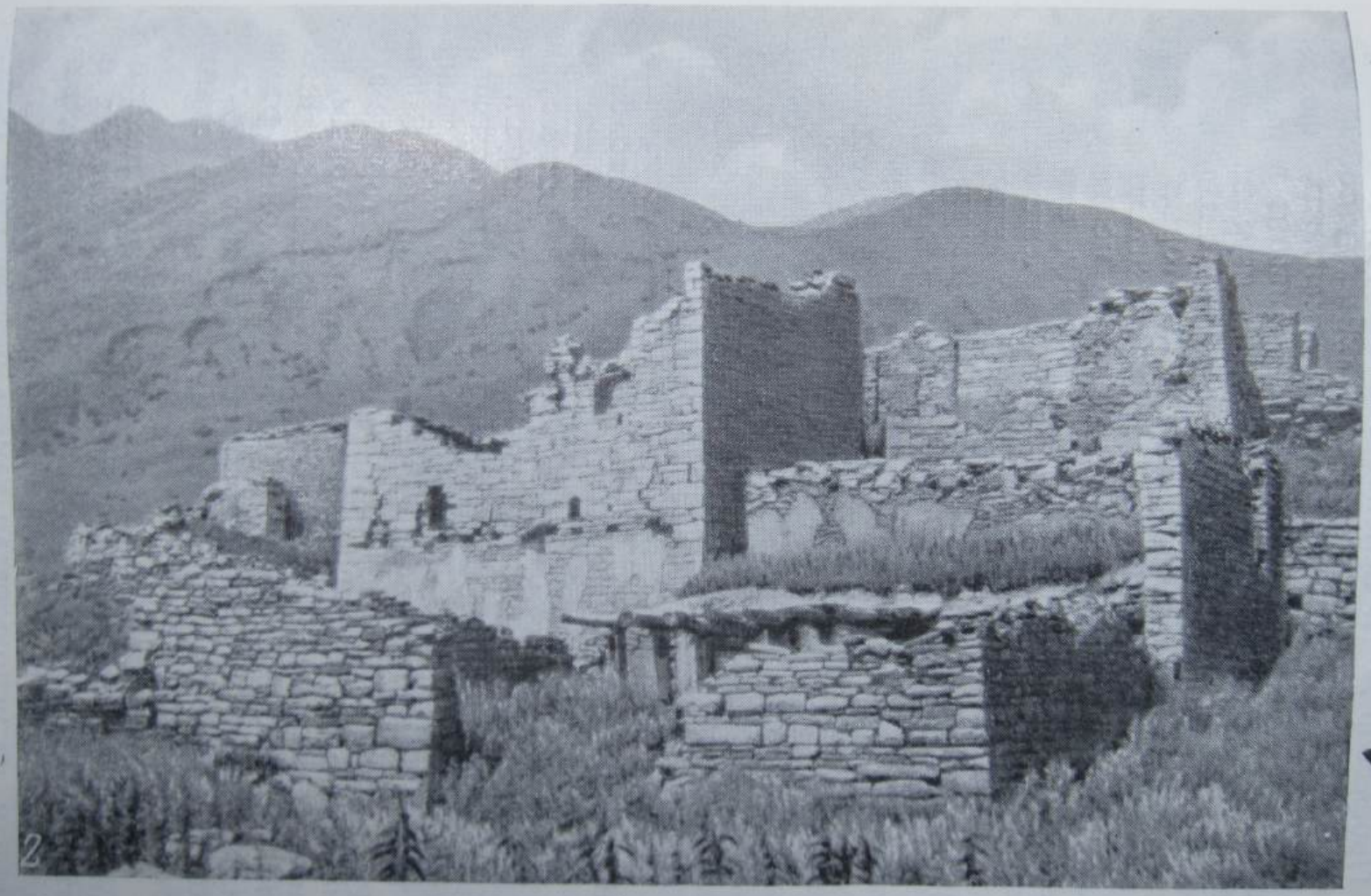
Если б из сердца я горе мог выплеснуть
В синее небо, то небо низверглось бы,
Рухнуло, землю покрыв необъятную,—
Так необъятно и горе мое!
Если б печаль я мог выплеснуть на землю,
Грудь бы земная великая треснула,—
Так безысходна печаль моя тяжкая!

Скалы Макажоя с руинами башен (*1*) и жилые башни в местечке Пакоч (район сел. Итум-Кале — *2*)

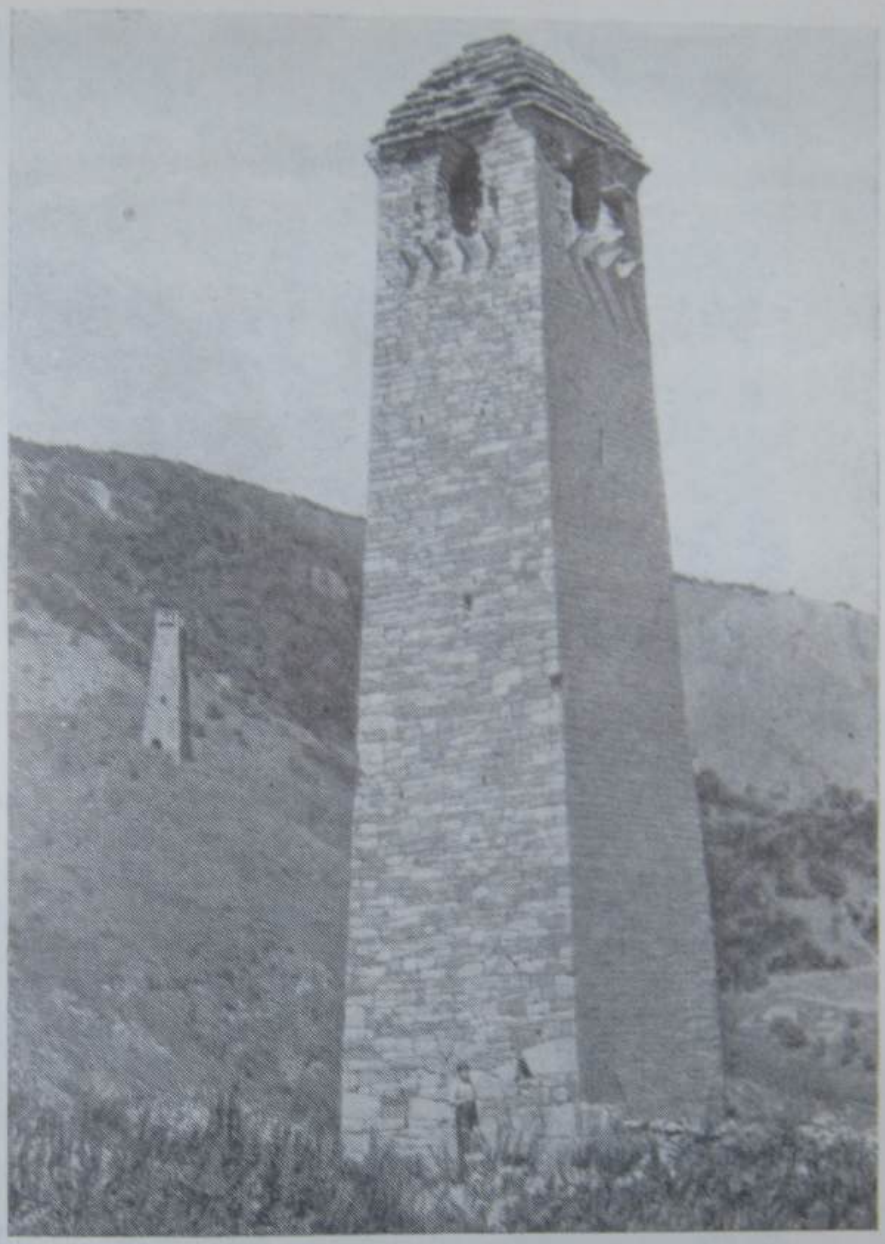

Скалы Макажоя с руинами башен (*1*) и жилые башни в местечке Пакоч (район сел. Итум-Кале — *2*)

Профессор Л. П. Семенов в своих трудах замечает, что в старину не было родов, равных между собой. Это подтверждается историческими документами, фольклорным материалом, фактами, еще живыми в памяти народа. Так, для Ингушетии, которая изучена лучше Чечни, известно, что старейшие фамилии селений Хамхи, Таргим, Эгикал брали дань с некоторых местных фамилий. Такие крупные «родовитые» жители строили замки. Конечно, чеченские замки — это не генуэзские крепости в Феодосии и Судаке, в Крыму, это не германские замки по Рейну и Эльбе и не чешские грады. Здесь не было подъемных мостов, закованных в латы стражей с арбалетами и с тяжелыми пиками в руках. В Чечне феодализм еще не сложился. Замки, руины которых мы находим, принадлежали не феодалам, а отдельным родам. Только «во второй половине XIX века,— пишет М. Мамакаев,— мы имеем в Чечне крупных землевладельцев — помещиков и довольно солидный слой неродовитых князей в своеобразном кумыкско-чеченском варианте...» У нас же речь идет о времени, достаточно отдаленном от XIX в.

Первым замковым (укрепленным) поселком, который мы посетили, было местечко Пакоч, расположенное в устье ущелья Тазбичи. С одной стороны поселок обращен к шумной каменистой речке Дёре-ахк, а с других сторон — склоны с сухим шелестящим сланцем. Все жилые башни узкими бойницами обращены во внешние стороны. Через поселок проходит только одна улица. В центре жилых башен возвышается боевая башня. Среди поселка стояло какое-то очень просторное здание. Потолок его поддерживали круглые колонны, некогда увенчанные пирамидально-усеченными капителями. Сейчас это здание разрушено, колонны развалились, среди травы валяются отдельные круглые блоки «капители». В одной из стен этого здания устроены тайнички.

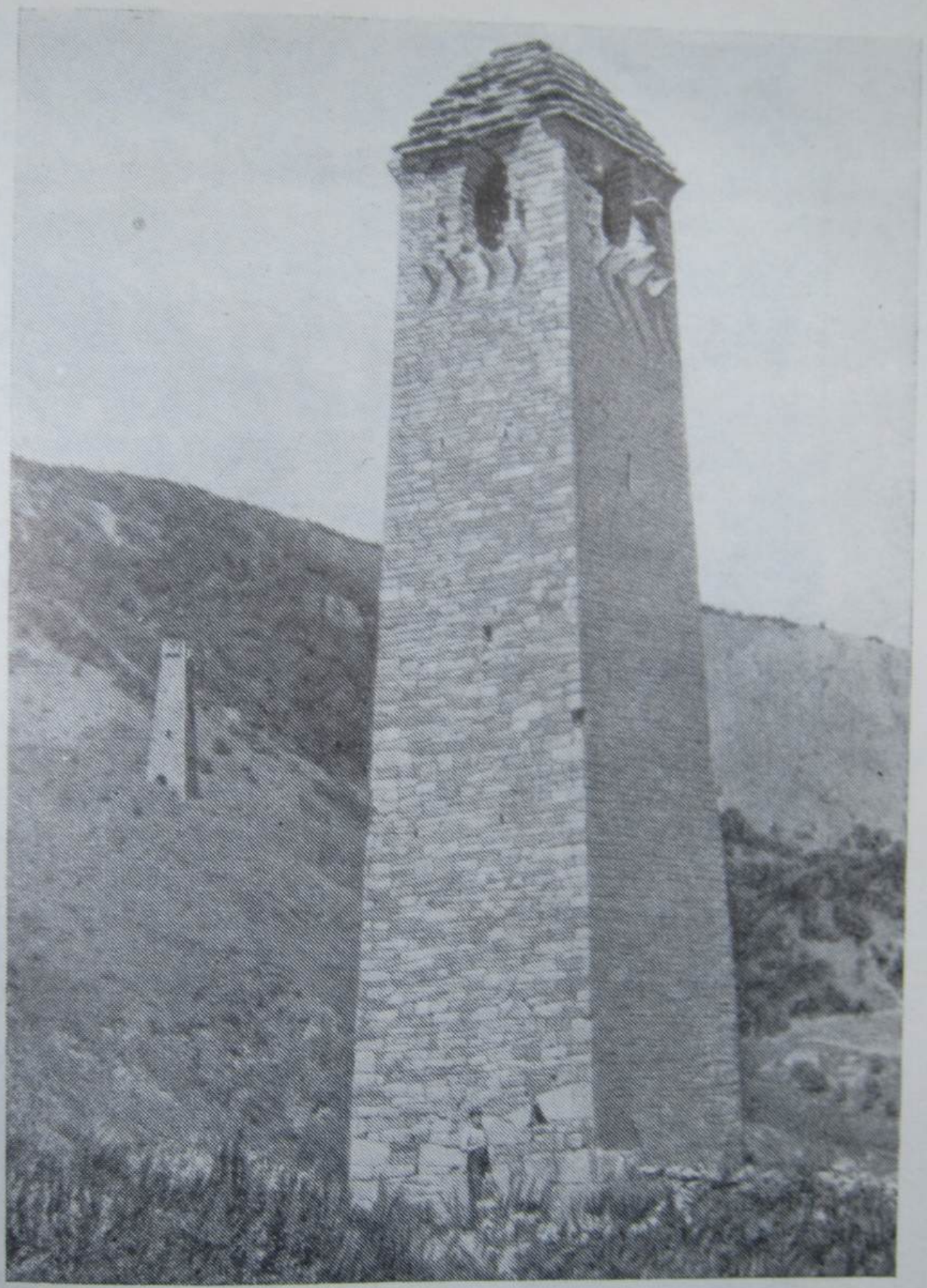
Напротив здания расположено кладбище с памятниками и полуподземными склепами. На некоторых памятниках высечены петроглифы. В XVIII—XIX вв. в западной части Пакоч была построена мечеть. Когда ее строили, то использовали камень разрушенных башен. Среди кладки мечети встречаются камни с петроглифами, некоторые рисунки вставлены в стены в перевернутом в

Боевые башни у хут. Дёре (район Итум-Кале)

том виде. Руины Пакоч прекрасно вписываются в охристо-серый пейзаж гор, покрытых во влажных местах сочной зеленью трав. И всегда среди руин очень тихо. Кажется, что и местные жители не хотят нарушать эту тишину.

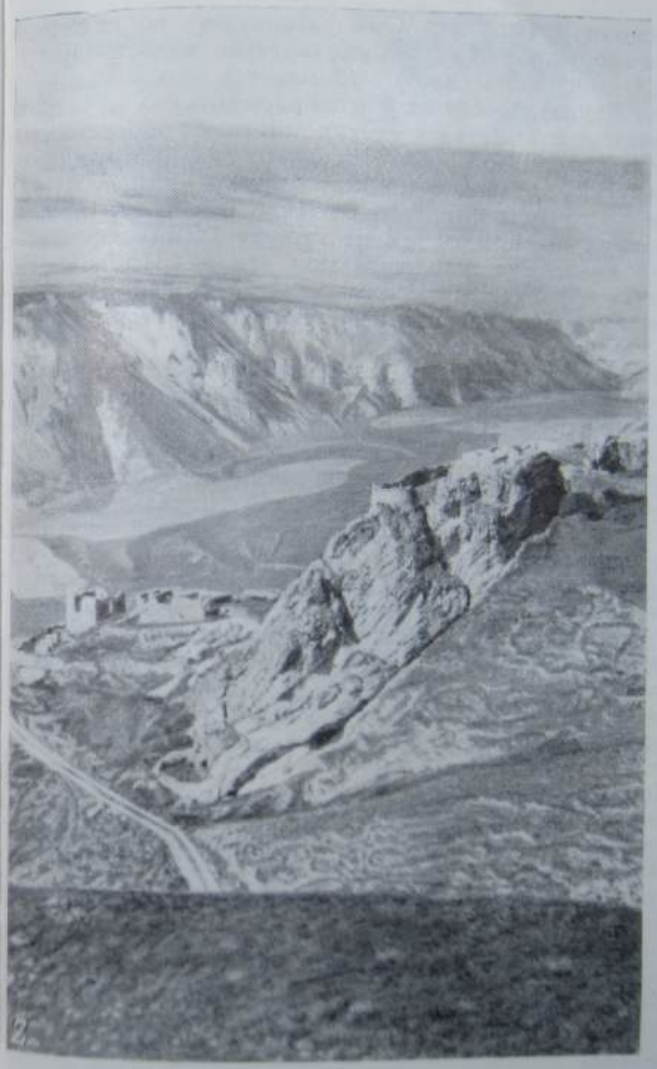
Но самый красивый и эффектный замок — это замок Алдам-Гези в сел. Кезеной. Уже издали поражаешься резкому сочетанию белесых осыпей мергеля, зелени горных склонов, облакам, парящим между горами, и над всем этим грандиозным пейзажем, вольно убегающим и вверх, к самому небу, и глубоко вниз,

Боевые башни у хут. Дёре (район Итум-Кале)

виде. Руины Пакоч прекрасно вписываются исто-серый пейзаж гор, покрытых во влажных мес-

Средневековая башня, использованная под жилье, в сел. Ушкалой (*1*) и замок Алдам-Гези в сел. Кезеной (*2*)

высятся постройки замка. Они раскинулись по склону горы и забрались на огромную, крутую, недоступную скалу. У подножия скалы возвышается жилая башня (башня Дауда). К югу от башни расположена мечеть. За мечетью сохранилась «двухкомнатная» постройка. По бокам дверного проема, ведущего из одной комнаты в другую, вделаны обломки чашечных камней. Это камни с углублениями. В них толкли ячмень для приготовления пива. В одной из комнат здания сделан тайничок — нишка, уходящая под землю. Подобные тайнички характерны для культовых построек. Перед зданием устроена возвышенная площадка, в стены вделаны камни с петроглифами.

Неподалеку высятся руины целой группы построек. Некоторые сохранили следы сводов, сделанных веерообразным напуском камней (по типу дарбази [1]). Вдоль руин проходит тропа. Она извивается по скале, местами приходится идти по крупным камням, положенным в виде ступеней. У поворота к верхней площадке скалы на ее поверхности мы обнаружили змеевидный узор и сцену охоты на оленя.

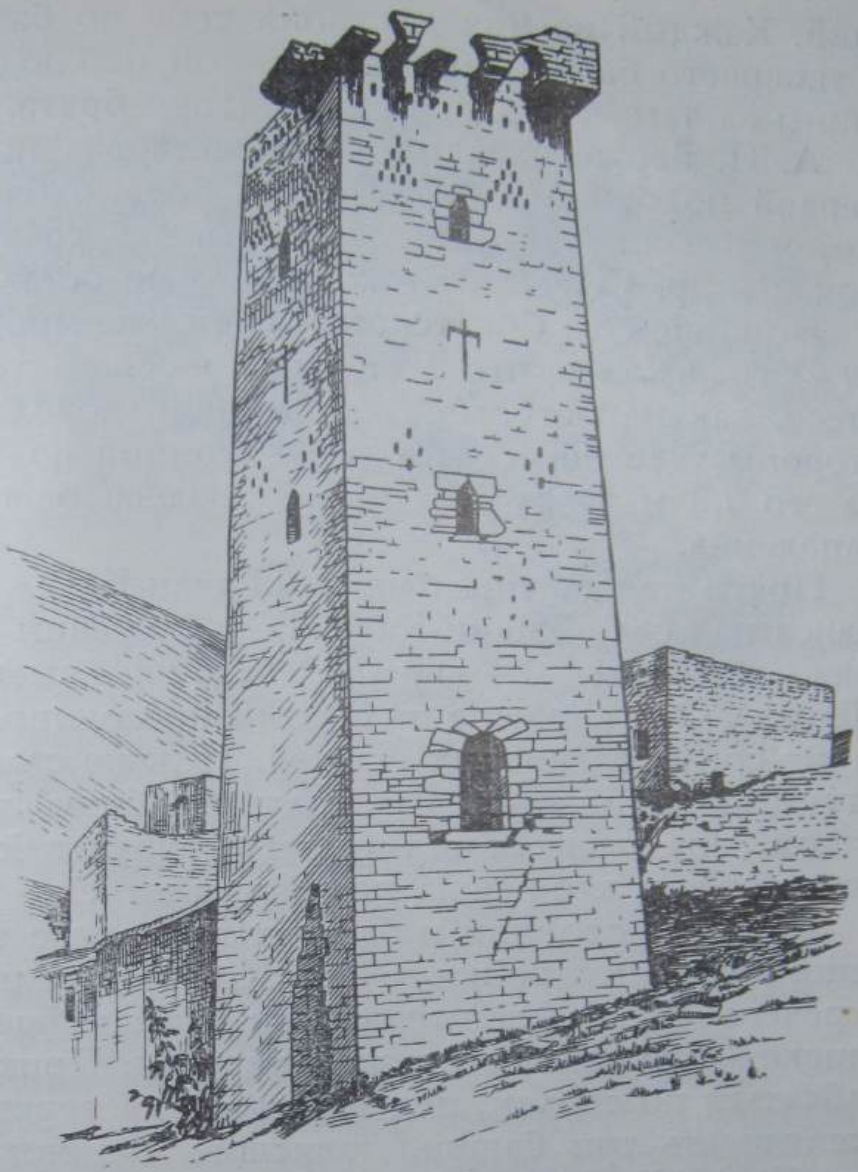
Плоская вершина скалы укреплена со всех сторон стенами, а там, где стена проходит над расщелиной, под нее подведена опорная арка. Это цитадель. Сюда во время осады загоняли скот. Здесь же, на скале, находилась и боевая башня. От нее сохранились только камни основания. От цитадели уходит дорога в горы. Неподалеку, на ближайшем склоне, расположены кладбище и остатки колодца.

По одному преданию, замок был заложен вдовой с детьми, которых пощадил бог, когда затопил сел. Эзеной, что некогда находилось на месте озера. Мы уже упоминали эту легенду. По другому преданию, замок заложен Кезеном — сыном легендарного чеченского богатыря.

Еще один укрепленный поселок представляет сел. Хой. Здесь среди руин высится прекрасно сохранившаяся боевая башня. Остатки аула-замка можно видеть и на восточной окраине сел. Макажой, где одна из жи-

---

[1] Дарбази — жилые постройки у народов Закавказья. Купольные потолки у них перекрывались описанным способом, сохраняя световое отверстие в центре.

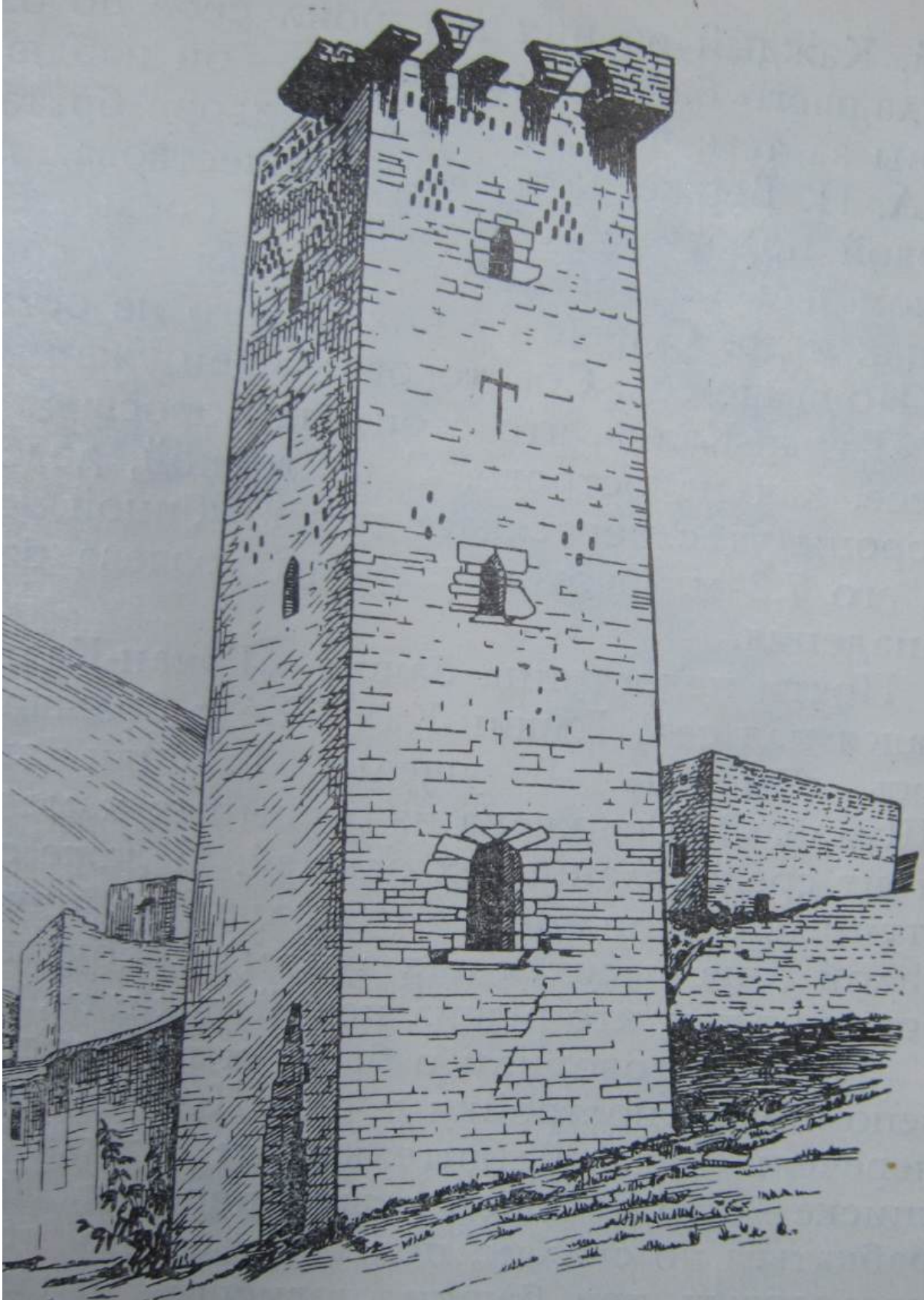
Боевая башня в сел. Хой

лых башен превращена в мечеть; замком было и сел. Хайбахой у озера Галанчож.

Сейчас это только руины, пыльные, заросшие бурьяном...

Боевые башни (по-чеченски «воу») более величественны и грандиозны, чем жилые.

Первую боевую башню мы увидели у въезда в сел. Советское (Шатой). Она высится на левом берегу р. Чанты-Аргун, прилепившись к крутым, обрывистым скалам. В XIX в. здесь стояли две покинутые башни. Горцы тогда рассказывали путешественникам, что обе башни были построены братьями — соперниками по любви. Старший женился на девушке, которую любил млад-

Боевая башня в сел. Хой

евращена в мечеть; замком было и сел.

ший. Каждый из них выстроил себе по башне, причем у младшего башня была выше — он наблюдал с ее вершины за тем, что делается во дворе брата.

А. П. Берже, который путешествовал по р. Аргун в первой половине XIX в., видел боевые башни даже в самом начале Аргунского ущелья — у селений Чишки, Зонах и др. Сейчас от них ничего не осталось.

Но выше сел. Советского башен уже много. Это башня «Гатын-Кале», что стоит на поросшем лесом крутом утесе, как на острове. С восточной, довольно покатой стороны утес пересекает ров глубиной до 1,6 м, ширина его 7,2 м. С этой стороны хозяева башни ожидали нападения.

Почти недоступна башня «Гучан-Кале», возвышающаяся над сел. Башин-Кале. Ее с большим трудом удалось обмерить. В ущелье Тазбичи высится башня «Шула». Она сложена из огромных каменных блоков и стоит среди сланцевых осыпей. И даже самые легкодоступные башни «Дёре» (ущелье Тазбичи) и в сел. Ушкалой (она высится над аулом) требуют большой сноровки от тех, кто решил подойти к ним.

Мы уже говорили о башнях по дороге в Малхиста, вспоминали постройки у сел. Хой. Но ведь это голый перечень! А в действительности каждая башня в нашем списке — это большой пеший переход. Приходилось карабкаться по скалам, подниматься по веревкам, чтобы исследовать три башни, повисшие над могильником у сел. Кокадой, пересекать огромные овраги и речки, чтобы осмотреть башню у сел. Хархарой (район Макажоя). И только к одной из башен мы не смогли пробраться. Тропинки размыло дождями, речка Кело широко разлилась, и пришлось только издали полюбоваться на одинокую башню у сел. Ачало. Эта башня стоит на границе бывших тухумов Чаберлой и Шарой.

В Чечне встречаются башни, пристроенные к карнизам скал, и тогда полом и потолком им служит эта же скала. Таковы башни у селений Нихалой и Ушкалой в ущелье Чанты-Аргуна, у сел. Чармахой близ Галанчож. Горцы рассказывают, что многие из башен выдержали осаду каких-то людей, которые ставили вокруг них юрты. Может быть, это были татаро-монголы. Во всяком случае на башенном мысе у сел. Хорочой мы нашли керамику XIII—XIV вв. Боевые башни возвы-

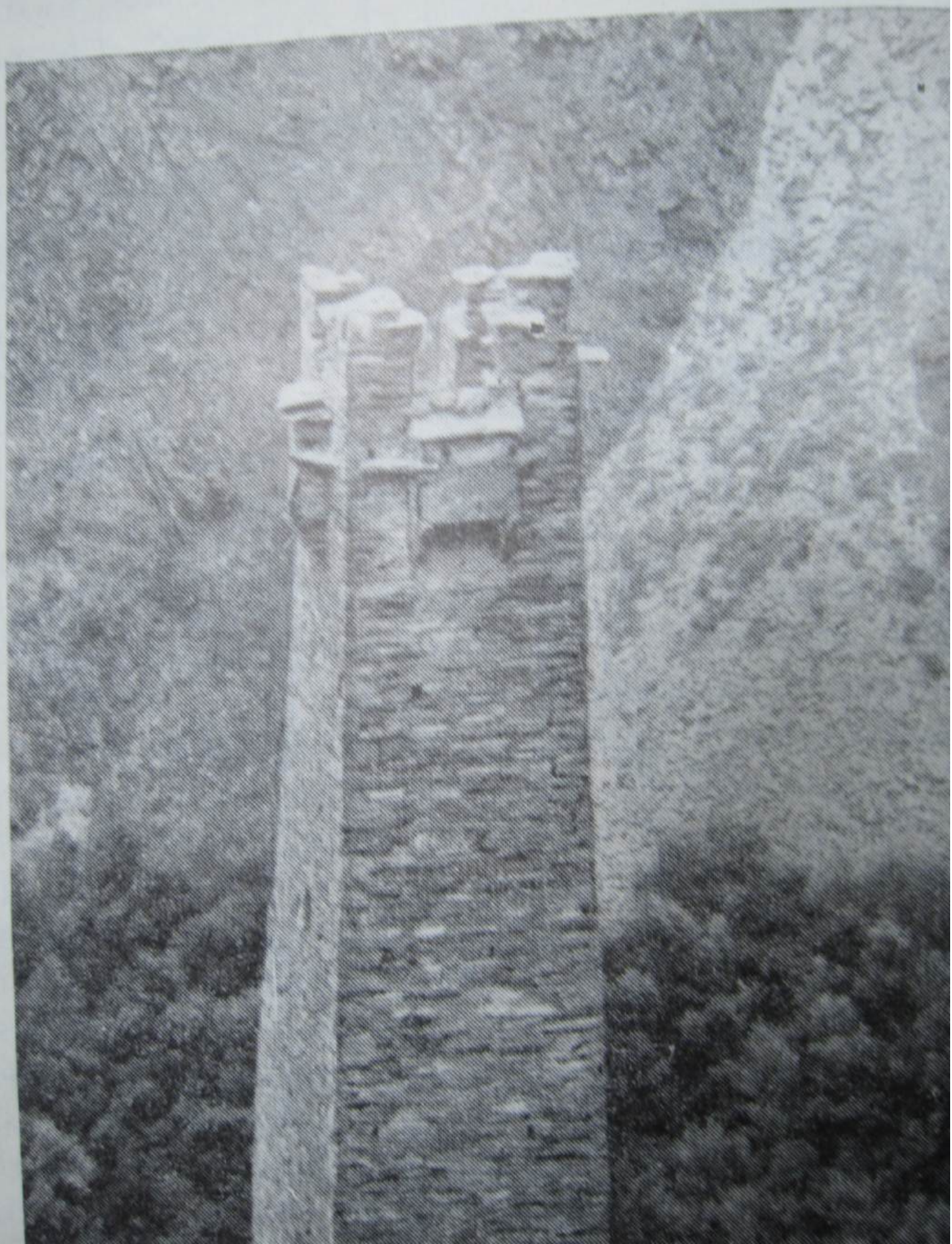
Башня в нише скалы у сел. Ушкалой

шаются над укрепленными поселками, охраняя их тишину и спокойствие, занимают стратегически важные точки — на стыке дорог и ущелий. Боевые башни, как и жилые, построены без фундамента, на скальном массиве. Камни кладки сложены на глинисто-известковом растворе и подобраны аккуратно. У основания положены более массивные плиты. Стены между собой скреплены отдельными плоскими камнями, которые внутри башни выступают в виде углов. Высота башен доходит до 20 м. Кверху они суживаются и часто

Боевая башня в Малхиста в верховьях Чанты-Аргуна (*1*)
и кладка стен боевой башни «Шула» в ущелье Тазбичи (*2*)

завершаются ступенчато-пирамидальным перекрытием с острым каменным шпилем на самой вершине. Иногда перекрытия бывают более плоскими с небольшим парапетом по углам. У ингушей существовал обычай при выборе места под башню поливать его молоком. Если молоко при этом не просачивалось в землю, то такой участок считался хорошим, и тогда начинали постройку. Первые ряды камней обагряли кровью жертвенного барана. Все строительство должно было продолжаться не более года. И еще деталь — если заказчик плохо кормил мастера-строителя и тот от головокружения падал вниз, крича, что он был голоден, а заказчик за время падения не успевал парировать этот упрек должным ответом, то заказчика башни изгоняли из аула.

Мастерство строительства передавалось от отца к сыну. До сих пор известна фамилия ингушей Беркинхоевых (из аула Беркин), которых приглашали осетины к себе для постройки башен. В хевсурском сел. Ахиели башня, стоящая до сих пор, была построена ингушем. Он получил за нее, по преданию, 50 коров.

Боевые башни чеченцев и ингушей ничем не отличаются друг от друга — те же пропорции, формы, приемы кладки. Но они более изящны, чем боевые башни сванов, хевсуров, дагестанцев, осетин и грузин.

Чечено-ингушские башни четырех- и пятиэтажные. Перекрытия между этажами делались из крупных сланцевых плит и досок. Они держались на уступах, специальных карнизах и балках. Переходы с этажа на этаж делались внутри башен и располагались зигзагообразно по углам.

Боевые башни всегда снабжены массой бойниц, а у самого верха — боевыми балкончиками — машикулями. Бойницы хорошо приспособлены для ведения огня из луков и кремневых ружей. Интересно, что у чеченцев из лука стреляли не только стрелами, но и мелкими камнями. Такие лучковые пращи употреблялись, как пишет Х. Д. Ошаев, очень долго. В журнале «Русский инвалид» за 1822 г. так сказано о назначении боевых башен: «Нижний ярус служит убежищем для жен и детей во время войны. Между тем с верхнего этажа храбрые супруги их защищают свою собственность». К этому можно добавить, что в самом нижнем этаже

находились запасы продовольствия, а за каменной перегородкой томились пленники.

Боевые башни горцы стремились делать наиболее прочными, учитывали все случайности. Вход в башню вел сразу на второй этаж, в первый спускались по внутренним лестницам. Как рассказывали горцы, к башням, возвышающимся над Кокадоем, была проведена вода по подземным желобкам. И осаждавшие эти башни сумели взять в плен защитников, только перекрыв воду. Башни были прочным убежищем. Ходит легенда, записанная Х. Д. Ошаевым, что башню в Малхиста смогли взять только после трехмесячной осады и то лишь тогда, когда девушка, находившаяся среди осажденных, дала понять своему возлюбленному, как проникнуть в крепость.

Снаружи боевые башни беднее, чем жилые, украшены петроглифами. На них чаще встречается узор, напоминающий вышивку крестом. Этот узор в виде ромбов, треугольников, крестов, поясков делался путем выборки из стены небольших камней. Часто на башнях можно видеть какие-то, пока еще неясные, крупные углубленные тамги в виде буквы Т. Одна из башен Кокадоя была украшена каменными головками животных, подобная голова овцы была обнаружена нами в Кезеное [1].

Одна из башен Малхиста (над городом мертвых «Цой-Педе») украшена фигурой человека. Она четко выделяется на сером фоне стены, так как выложена мозаикой из светлых камней. У фигуры расставлены руки и ноги, на круглой голове грубо изображено лицо. В целом фигура напоминает крест (голгофу).

Жилые башни, несомненно, возникли раньше боевых, а затем горцы вынуждены были строить и те, и другие. В начале XVIII в. Чечня и Ингушетия (Дзурдзукия и Кистетия), судя по запискам грузинского царевича Вахушти, уже были «башенными странами». Думаем, что основная масса башен появилась в XV—XVII вв., а наиболее ранние были построены перед приходом татаро-монгольских орд.

Интересны башни в селениях Хой и Хархарой (общество Чаберлой). Эти башни несколько отличаются от

---

[1] Здесь ее вмонтировали в позднейшую постройку.

обычных чеченских, особенно хойская. Она более приземиста, машикули опоясывают ее со всех сторон, а не выходят, как полагается, в виде балкончиков, по одному, на все четыре стороны. В архитектуре этих башен сказывается некоторое влияние строительных приемов дагестанцев. В районе Хоя, Макажоя, как и в Дагестане, много построек, перекрытых сводами. Такие помещения очень красивы. Постройки в районе Макажоя подтверждают известный тезис: культура любого народа создается в результате контактов с соседними народами.

Чеченская архитектура еще ждет своих исследователей и, думаем, работы нашего отряда СКАЭ заложили прочный фундамент для дальнейших поисков величественных памятников местного зодчества и их изучения.

Замки, башни с детства связаны для нас с феодализмом. Но в Чечне они возникли в иных условиях — в условиях родового общества, где есть богатые и бедные, где есть фактическое, но не правовое подчинение одних другим. Фольклорист Я. С. Вагапов, мой спутник по Чечне, кажется, прав, считая чеченские песни и предания, в которых говорится о князьях, привнесенными в чеченскую среду в результате общения с горцами соседних стран. Да и в документах начала XIX в. сказано: «Владельцев вообще чеченцы сии не имеют, а естьли и есть какие самыми или призванные, то остаются без всякого уважения, а управляются по делам своим духовными законами и обычаями». По чеченским адатам в функцию рода, пишет М. Мамакаев, входило также строительство башен. О жизни чеченцев в «башенный период» трудно говорить с полной определенностью. Р. Ф. Розен в «Описании Чечни и Дагестана» (1830 г.) дает следующую картину сельского быта горцев: «Промысел состоит в хлебопашестве, скотоводстве и пчеловодстве, но весьма в малом количестве не только у живущих в горах, но и у тех, кои заселяют весьма привольные места... Ежедневную пищу составляет хлеб, приготовляемый из просеянной муки, смешанной с частью пшеничной, пресный, вкуса весьма неприятного, и пшена, варенного в воде, обжариваемого изредка в бараньем сале, огородных растений: лука, черемши, чеснока и фруктов: яблок, груш,

дуль, которых часть сухими запасают впрок. Вообще в употреблении пищи чеченцы воздержаны и могут довольствоваться весьма умеренными средствами»[1].

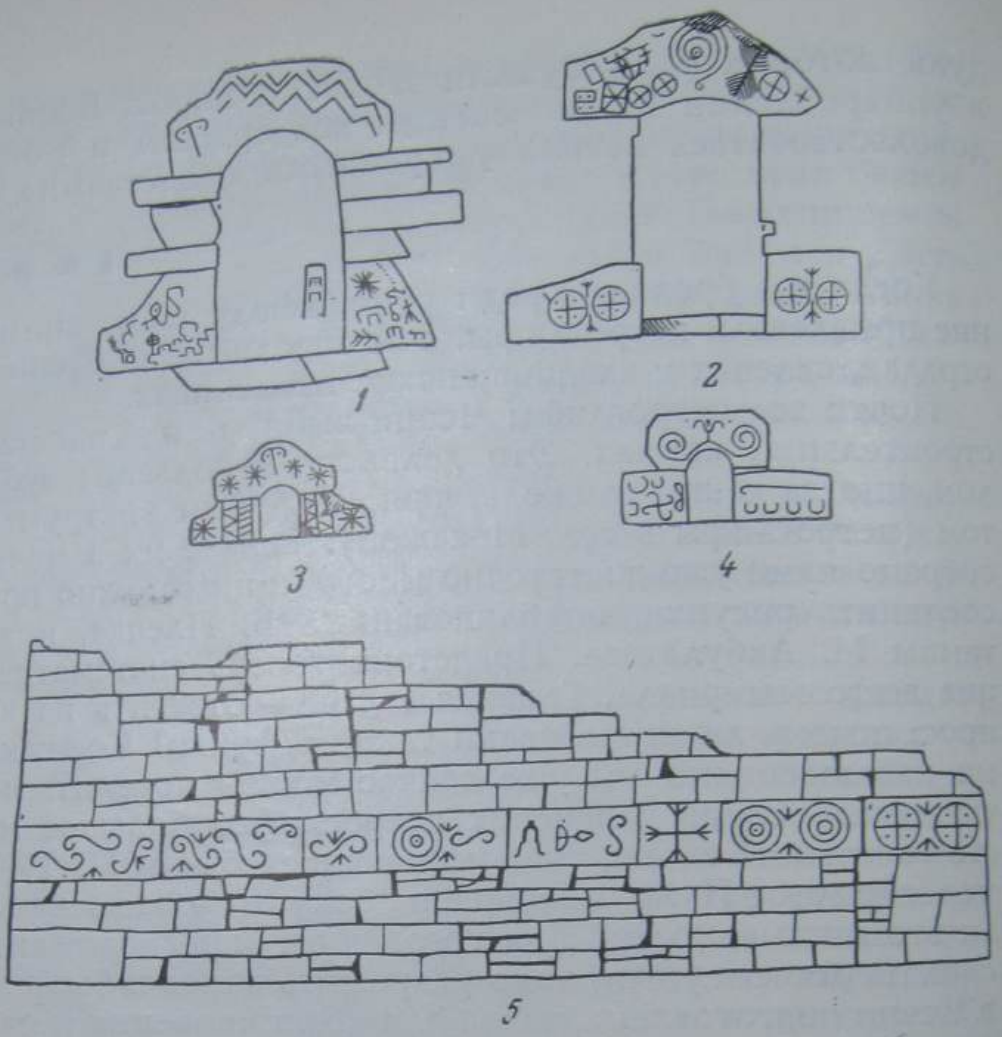
■ ■ ■ ■

Когда мы бродили среди руин, всюду наше внимание привлекали петроглифы. Мы видели их на башнях, оградах, склепах и кладбищенских памятниках.

Почти все петроглифы Чечни выбиты на плоских строительных камнях. Это делалось небольшим зубилом, иногда каким-то скользящим двузубым инструментом (петроглифы в сел. Макажой). Сейчас их в Чечне собрано нами уже достаточно много, к ним можно присоединить рисунки, опубликованные Б. Плечке, и эстампы М. Акбулатова. Предстоит теперь систематизация всего материала. Главная задача — ответить на вопрос: почему люди выбивали такие рисунки? Кое-какими наблюдениями мы уже сейчас можем поделиться с читателем. Среди чеченских петроглифов большое место занимают знаки, напоминающие буквы П, Т, Ф, перевернутое П, Ж, лежащее на боку, и др. Не зачатки ли это письменности? Для того чтобы предположение сделать достоверным, надо разрешить вопрос: была ли в Чечне подготовлена почва для возникновения и развития собственной письменности. Этот вопрос пока еще никем из местных лингвистов не разрешен. Для того чтобы возникла письменность, нужны широкие торговые связи между странами и народами, необходимы развитые классовые отношения.

Цыгане совсем еще недавно оставляли на деревьях и камнях условные знаки, оповещая своих сородичей о том, где сейчас находится их табор и что думает делать. Такие значки-пиктограммы не отражали звуковых и языковых форм речи. Это только условные знаки. Но такие знаки цыган очень похожи на чеченские. Возможно, они отражают условную мысль, понять которую мы пока не можем. У черкесов и кабардинцев существовал обычай, по которому, уезжая, гости вырезали на дверях хозяина свои родовые знаки — тамги. А почему бы не видеть в чеченских повторяющихся бук-

[1] «История, география и этнография Дагестана XVIII—XIX вв.», стр. 282, 283.

Петроглифы

1 — 4 — рисунки на каменных блоках дверных и оконных проемов в сел. Хой у оз. Кезеной-Ам; *5* — рисунки на стене в сел. Майсты (с рисунка Б. Плечке)

вообразных знаках подобные тамги кунаков (друзей)? О том, что чеченские фамилии имели свои тамги, рассказывает этнограф Н. Н. Харузин.

Как видим, и это предположение возможно. Итак, вопрос о зачаточном пиктографическом письме у чеченцев пока остается открытым.

Среди чеченских петроглифов довольно часто встречаются кресты. Особенно много их на башне в Макажое (позже эта башня была превращена в мечеть). Кресты имеют равные, слегка расширяющиеся концы (византийского типа) и часто вписаны в круг. Изображение креста появляется задолго до возникновения христианской символики. В Грузии они встречаются на посуде

эпохи бронзы, их можно видеть на различных памятниках урартского времени. Крестами очень часто украшались металлические зеркала. Среди символов древнегрузинской богини солнца Кал-Бабар встречается знак креста. К тому же, первые христианские кресты имели форму буквы Т (тау), а не перекрестия.

Чеченское население до сих пор осмысливает крест не как чисто христианский символ. В сел. Бачи-Юрт на мечети XIX в. среди декоративного фриза можно увидеть равноконечные кресты с написанными на них словами «Аллах» и «Мухаммад». В сел. Дарго над окнами жилищ высечены кресты византийского типа. Высеченные кресты видели мы и на могилах у селений Хорочой и Кулой.

В горном Дагестане христианство упрочилось в X—XII вв., когда средневековая Грузия достигла вершины своего политического развития и выполняла роль миссионера. Тогда-то из Грузии и Дагестана в Чечню могли проникнуть знаки креста. Но горцам, несомненно, крест в упрощенном виде уже был знаком задолго до появления миссионеров в долгополых сутанах. Ведь перекрестие — это «все четыре стороны», это — «верх и низ, вправо и влево», или, как сказано в одной чеченской легенде, это направления «на полдень и на полночь, на восход и на закат его». Отметим, что кресты с закруглениями на концах сваны называют «хорошим крестом», а кресты с точками между перекрестиями особенно распространены по всему Кавказу. Все эти типы крестов более всего встречаются на памятниках XI—XIV вв. Каменные кресты, найденные в аварских районах Дагестана, часто содержат просьбы о «помиловании» и помощи. Крестами в старину осеняли дороги. Кресты на петроглифах очень часто сочетаются с различными другими знаками, и ясно, что такие изображения уже не могут быть христианскими символами.

В Чечне среди петроглифов встречаются свастики. Из свастик с «завихрениями» возникают спирали. А свастики, как и кресты, являются очень древним и распространенным символом. В Ингушетии в могильниках у сел. Мужичи и станицы Нестеровской были найдены посуда и бронзовые налобные бляхи, украшенные свастиками, а это VI—V вв. до н. э. Свастика была

принята христианами, она получила название гаммированного креста (от соединения четырех гамм — Г). Хевсуры в своих вышивках часто сочетали крест и свастику. Древнейший знак свастики в далеком прошлом у многих народов символизировал движение солнца, огонь и тепло. Движение по кругу — одна из характерных черт многих ритуальных действий горцев Кавказа. Исследовательница грузинских культов В. В. Бардавелидзе пишет: «Круговое движение... генетически восходит к почитанию небесных светил»[1].

И последнее, на чем хочется остановиться, это петроглифы с изображением животных и людей. Среди изображений животных можно узнать изображения оленей, козлов, змей.

Такие рисунки животных найдены нами не только на строительных камнях, но и на скалах сел. Кезеной и у сел. Таузень на р. Бассе.

Олень является одним из самых почитаемых животных у народов Чечено-Ингушетии. Их позволяли убивать, но не злоупотребляя при этом охотничьим рвением. Профессор Л. П. Семенов передает поверье, по которому «семью того, кто убьет много оленей, будут преследовать несчастья». Чеченцы и ингуши, осетины и дагестанцы очень часто украшали свои святилища рогами оленей. К святилищам приносили рога горных козлов — туров. В чеченской сказке, посвященной страшной алмас (колдунье-великанше), говорится, что необходимо сохранять в целости все кости убитого животного, иначе оно не возродится. Это тоже отражение далеких верований.

Змеи сейчас преследуются очень рьяно. Но раньше, если в дом чеченца заползала змея, ее не убивали. Она пользовалась «правом гостеприимства»: ее надо было выбросить живой. Кожа змеи считалась целебной. У дагестанского народа — аварцев — змея считалась охранительницей дома, у грузин над входом в дом в старину высекали изображение змеи.

Не будем приводить многочисленных аналогий. Ясно одно, животные, которых изображали на петроглифах, почитались. И петроглифы, сочетающие дохри-

[1] В. В. Бардавелидзе. Древнейшие религиозные верования и обрядовое графическое искусство грузинских племен. Тбилиси, 1957, стр. 196.

стианские символы креста, свастики, спирали, фигуры животных и людей, часто с подчеркнутыми признаками пола, являлись символами, выражающими пожелание добра, счастья, удачи. И если рядом с такими рисунками стоит родовая тамга, то почему бы не видеть в таком петроглифе просьбу, чтобы этот род процветал?

Христианство было в Чечне. Но символика христианства, в первую очередь крест, быстро распространилась по Чечне не потому, что горец поверил в кроткого Христа, а только потому, что и до появления христианства крест, свастика и спираль для него символизировали четыре страны света.

Сказки и предания чеченцев сохранили магику цифр (это цифры 7 и 3), сохранили древние клятвы и проклятия.

Чеченцы и ингуши до сих пор еще помнят имена своих языческих богов, не христианских и не мусульманских святых, а именно языческих богов. Это богиня плодородия — Тушоли, бог молнии и грома — Сели, покровитель диких животных — Элта; кроме того, у чеченцев были свои родовые и фамильные боги — покровители. В честь их строили святилища. И сейчас еще у чеченцев существуют священные рощи и почитается лесная груша. Этого дерева не коснется топор дровосека. Ясно, что народ, который клялся: «Да не увижу предков своих, кровь нечистых животных да изольется на могилах предков моих и на мой собственный род», не мог жить с именем Христа «во все дни до скончания века».

Памятники мусульманства

Когда мы осматривали местечко Пакоч, нам прежде всего бросился в глаза один оригинальный памятник (чурт). На прямоугольной плите, врытой стоймя, были изображены двойная спираль, перекрещенный ромб, круг с радиусами, наконечник стрелы с тремя шипами и лежащая мужская фигура. Эту

Надгробная стела с петроглифами. Местечко Пакоч в районе сел. Итум-Кале

Крестообразная стела у сел. Нихалой

фигуру жители сбили, а сверху кто-то написал «Мухаммад». Сверху могила была перекрыта мощной плитой. Оказалось, что эта плита прикрывала каменную кладку, напоминающую небольшой склеп. Кладка в свою очередь покоилась на нескольких плитах, а под ними открылась могильная яма, ориентированная по линии восток — запад. В глубине ямы были поставлены две наклонные плиты (по-чеченски «упха»), которыми прикрывалось погребение мужчины. Он лежал на спине головой на запад. Грудная часть костяка была слегка повернута на бок. Покойник был погребен по мусульманскому обряду, но при этом были сохранены традиции старых доисламских верований: на плите были изображены обнаженный мужчина и языческие символы. А магометанам, как известно, вообще запрещается изображать людей и животных. Над могильной ямой, по старой традиции, было устроено подобие склепа. Даже на этом единичном примере видно, насколько сложны были пути внедрения мусульманской

обрядности в языческой чеченской среде. И почти до самого последнего времени чеченцы любили воздвигать своим покойникам памятники, которые в миниатюре подражают массивным склепам городов мертвых. В сел. Хорочой на кладбище высится несколько памятников, отдаленно напоминающих склепы. На территории Чаберлоя (район оз. Кезеной-Ам) такие памятники стоят почти на каждом сельском кладбище (селения Хой, Кезеной, Макажой, Хархарой и т. д.). В некоторые из них вставлены плиты с традиционными эпитафиями на арабском языке, но тут в склепик вделана и монолитная арочка с языческими петроглифами. В сел. Джалкх мы видели склеп-памятник, в котором имелась даже миниатюрная «погребальная» комнатка с лазом. Да, мусульманство непрочно вошло в плоть и кровь чеченского народа!

В. Ф. Миллер писал, что в Чечне, в том числе по Аргунскому ущелью, «немалое число крестов... служит до сих пор немыми свидетелями некогда процветавшего здесь христианства». Он опубликовал один такой каменный крест. До последних дней крест этот высился у сел. Нихалой вправо от дороги. Затем подобные кресты нашли мы у селений Памятой, Асланбек-Шерипово, Верды, Чармахой. Под их сенью оказались мусульманские захоронения, но уже без всяких склеповидных сооружений. Это были чисто мусульманские могилы. Так в чем же здесь дело?

Мы уже писали о крестах — петроглифах. К этому можно добавить, что на Северном Кавказе с древнейших времен принято в качестве надгробий ставить высокие плиты. Многим из них придавали форму человеческой фигуры (антропоморфную). Вот эти «кресты» и есть один из вариантов таких надгробных стел-чуртов. Чурты известны даже с изображениями лиц. Они были найдены возле ингушских селений Фуртоуг и Джерах. И вообще, каких только форм надгробий не бывает у горцев Северного Кавказа! С подобием «головы» — это похоронен мужчина; вокруг «головы» сделан каменный венок — это могила хаджи, человека, побывавшего в святой Мекке; покатые, без «головы» — под такой плитой лежит женщина. Плиты расписывают красками, заключают в футляры из камня, устраивают над ними крыши.

Склепообразные памятники

1 — в сел. Хой; *2* — в сел. Тундук в районе Макажоя

Чеченские памятники XIX в.

1 — мужская стела с изображением оружия, обуви, кувшина для омовения (сел. Макажой); *2* — женская стела с изображением серег, нагрудных украшений и застежек (сел. Хой)

Под крестами находились захоронения, произведенные по мусульманскому ритуалу, многократно описанному разными путешественниками и учеными. Вот, например, как А. П. Ипполитов описывает процедуру похорон у чеченцев-мусульман, жителей бывшего Аргунского округа: «Когда больной умирает..., все удаляются из комнаты умершего, и мулла со своими мутаалимами начинает приготовлять тело для погребения. Он кладет его на чистую дубовую доску или скамью [1], нарочно для этой цели оберегаемую в больших мечетях, берет кувшин воды и омывает тело. Потом берет кусок полотна или белой бумажной материи и завертывает в него труп; после этого он завертывает его в другой кусок такой же материи и потом в третий. Оторвав от этого савана две нешироких полосы, он ими завязывает саван над головой умершего и ниже ног его, ...в рот, глаза умершего кладется обыкновенно вата. Хоронят в день смерти. Тело кладут в арбу и везут на кладбище. На родовом кладбище, где могила уже готова..., два или три человека осторожно, вместе с одеялом, на которое положено тело, поднимают его и тихо опускают в могилу, где его принимает мулла; он развязывает тесьмы савана и кладет умершего на правый бок, обращая головою по направлению к западу. Тело покрывается дубовой доской, которая утверждается над ним наклонно к ногам мертвого. После этого, засыпав могилу землею, мулла и присутствующие молятся, и потом, за исключением муллы, все от нее удаляются..., так что около нее остается один только мулла. Тогда он берет приготовленный заранее кувшин с водою, снова читает молитву (заам) и три раза поливает из кувшина могилу в головах умершего. Исполнив это, он тотчас же быстро от нее отходит». В могилах, раскрытых нами, все выдержано в мусульманском «духе», кроме самих чуртов. И дело не в том, что они напоминают кресты. Законы ислама запрещают вообще такие торчащие надгробья (ансабы). Истинный мусульманин не должен лежать под такими столбами. И верно, ведь осетины-христиане тоже украшают свои могилы такими же плитами. И у чеченцев, и у осетин стоящие надгробья — пережитки язычества.

[1] В наше время такие скамьи и доски-носилки хранят горцы в кладбищенских сторожках

Здесь мы коснулись языческих пережитков только в одном — в обряде погребения. А сколько таких пережитков можно наблюдать во время празднеств, свадеб! Почему, например, у чеченцев и ингушей нельзя было устраивать свадьбу под среду, а только под четверг или понедельник? Почему раньше в чеченской свадебной обрядности такую большую роль играл очаг? Все это пережитки язычества. Даже мечеть в Чечне не всегда отвечает всем канонам ислама. Вот, например, мечеть в сел. Кезеной. Она расположена у башни Дауда. Фасад здания с выступающим михрабом (алтарной частью) выходит на тщательно вымощенную площадку. К этой площадке пристроен камень с чашечкой-выемкой. В дверной порог мечети вделана могильная плита, на которой арабской вязью высечено почитаемое в Чечне имя Адина Сурхо. Местный житель Хамид Арсакаев рассказал, что, переступая порог мечети, а заодно и через надгробье, люди тем самым поминали покойного — очень уважаемого человека. И хотя мечеть в сел. Кезеной, вероятно, не очень древняя, она представляет большой интерес. Моления, производившиеся в мечети, сочетали мусульманские религиозные действия с языческими. В чашечном камне по праздникам толкли ячмень и устраивали общественное пивоварение. Способ почитания умершего — переступание через плиту с его именем — тоже черты язычества.

Ислам, как и всякая другая религия, не существовал и не существует в чистом виде, тем более это касается такой страны, как Чечня. Даже имам Шамиль говорил: «скорее горец отступится от ислама, нежели от своего обычая».

В Чечне ислам утвердился поздно, и эта религия пришла сюда скорее всего из Дагестана. Так считают У. Лаудаев, П. П. Надеждин и другие ученые. С конца XVIII в. население Чечни постепенно стало принимать мусульманство. Появились новые законы и запреты, они наслоились на старые, но горец от этого ничего не выиграл. Женщина была окончательно подчинена мужчине. Коран завладел жизнью горца, отдав его во власть абстрактного Аллаха и новых законов — шариата. И только Советская власть принесла чеченцам и ингушам освобождение от гнета мусульманского духовенства, шариатского права и религиозной косности.

Литература

Абазатов М. А. О вреде пережитков шариата и адатов в Чечено-Ингушетии и путях их преодоления. Грозный, 1963.

Анучин Д. Н. Отчет о поездке в Дагестан летом 1882 г.— Известия Русского географического общества, т. XX. СПб., 1884.

Артамонова-Полтавцева О. А. Культура Северо-Восточного Кавказа в скифское время.— Советская археология, т. XIV. М.— Л., 1930.

Ахриев Ч. Ингуши (их предания, верования и поверья).— Сборник сведений о кавказских горцах, вып. VIII. Тифлис, 1875.

Базоркин М. М. Памятники средневековья в горной Чечено-Ингушетии. Грозный, 1963.

Берже А. П. Чечня и чеченцы. Тифлис, 1859.

Виноградов В. Б., Лосев И. К., Саламов А. А. Чечено-Ингушетия в советской исторической науке. Грозный, 1963.

Виноградов В. Б. Сарматы Северо-Восточного Кавказа. Грозный, 1963.

Головинский П. А. Чеченцы.— Сборник сведений о Терской области, вып. I. Владикавказ, 1878.

Гриценко Н. П. Социально-экономическое развитие Притеречных районов в XVIII — первой половине XIX в. Грозный, 1961.

Древности Чечено-Ингушетии (сборник статей). М., 1963.

Ипполитов А. П. Этнографические очерки Аргунского округа.— Сборник сведений о кавказских горцах, вып. I. Тифлис, 1868.

Исламов А. А. К вопросу о средневековых погребальных сооружениях в верховьях реки Чанты-Аргуна.— Известия Чечено-Ингушского научно-исследовательского института, т. III, вып. I. Грозный, 1963.

Калоев Б. А. Чеченцы.— В кн. «Народы Кавказа», т. I. М., 1960.

Краснов А. И. Физическая культура и спорт в Чечне и Ингушетии. Грозный, 1963.

Круглов А. П. Археологические раскопки в Чечено-Ингушетии летом 1936 г.— Записки Чечено-Ингушского научно-исследовательского института, т. I. Грозный, 1938.

Круглов А. П. Северо-Восточный Кавказ во II—I тысячелетиях до н. э.— Материалы и исследования по археологии СССР, № 68, М.— Л., 1958.

Крупнов Е. И. Древняя история Северного Кавказа. М., 1960.
Крупнов Е. И. К истории Ингушии.— Вестник древней истории, 1939, № 2.
Крупнов Е. И. Новые данные по археологии Северного Кавказа.— Советская археология, 1958, № 3.
Крупнов Е. И. О чем говорят памятники материальной культуры Чечено-Ингушской АССР. Грозный, 1961.
Кузнецов В. А. Аланские племена Северного Кавказа.— Материалы и исследования по археологии СССР, № 106. М., 1962.
Лаудаев У. Чеченское племя.— Сборник сведений о кавказских горцах, вып. VI. Тифлис, 1872.
Любин В. П., Бадер Н. О., Марковин В. И. Первые местонахождения орудий каменного века в Чечено-Ингушетии.— Краткие сообщения Института археологии АН СССР, вып. 92, М., 1962.
Мамакаев М. Чеченский тейп (род) и процесс его разложения. Грозный, 1962.
Марковин В. И. Исследование памятников средневековья в высокогорной Чечне.— Краткие сообщения Института археологии АН СССР, вып. 90, М., 1962.
Марковин В. И. Культура племен Северного Кавказа в эпоху бронзы.— Материалы и исследования по археологии СССР, № 93. М., 1960.
Марковин В. И., Кузнецов В. А. Археологические разведки в ущельях рек Ассы и Аргуна в 1956 г.— Известия Чечено-Ингушского республиканского краеведческого музея, вып. 10. Грозный, 1961.
Миллер В. Ф. Терская область.— Материалы по археологии Кавказа, т. I. М., 1888.
Милорадович О. В. Кабардинские курганы XIV—XVI вв.— Советская археология, т. XX. М., 1954.
Мунчаев Р. М. Древнейшая культура Северо-Восточного Кавказа.— Материалы и исследования по археологии СССР, № 100. М., 1961.
Мунчаев Р. М. Памятники майкопской культуры в Чечено-Ингушетии.— Советская археология, 1962, № 3.
Ошаев Х. В сердце Чечни. Грозный, 1928.
Ошаев Х. Малхиста.— Революция и горец, № 8. Ростов-на-Дону, 1930.
Пожидаев В. П. Горцы Северо-Восточного Кавказа. М.— Л., 1926.
Семенов Л. П. Археологические и этнографические разыскания в Ингушетии в 1925—1932 годах. Грозный, 1963.
Семенов Н. Туземцы Северо-Восточного Кавказа. СПб., 1895.
Харузин Н. Н. Заметки о юридическом быте чеченцев и ингушей.— Сборник материалов по этнографии, издаваемый при Дашковском этнографическом музее, вып. III. М., 1888.
Чурсин Г. Ф. Очерки по этнологии Кавказа. Тифлис, 1913.
Шамилев А. И. Религиозные культы чеченцев и ингушей и пути их преодоления. Грозный, 1963

Шиллинг Е. М. Ингуши и чеченцы.— В кн. «Религиозные верования народов СССР», т. II. М.— Л., 1931.
Щеблыкин И. П. Искусство Ингушетии в памятниках материальной культуры.— Известия Ингушского научно-исследовательского института краеведения, вып. 1. Владикавказ, 1928.
Щеблыкин И. П. Архитектура древних ингушских святилищ.— Известия Ингушского научно-исследовательского института краеведения, вып. II—III. Владикавказ, 1930.
Dolbescheff W. Archäologische Forschungen im Bezirk des Terek.— Zeitschrift für Ethnologie, Bd. XVI. Berlin, 1884.
Plaetschke B. Die Tschetschenen. Hamburg, 1929.

Содержание

О реках и ущельях ---- 3
Об исследователях ---- 9
Находки каменного века ---- 12
Тайны курганов у сел. Бамут ---- 17
Могильник Гатын-Кале ---- 30
Работы А. П. Круглова у р. Хулхулау ---- 42
Сарматы ---- 52
Древности аланского времени ---- 56
Пещеры-усыпальницы ---- 65
Склепы в котловине у сел. Итум-Кале ---- 72
Города мертвых ---- 79
Монеты Рудольфа II ---- 85
Кабардинские курганы ---- 90
Башни. Знаки на камнях ---- 92
Памятники мусульманства ---- 115
Литература ---- 124

Владимир Иванович Марковин

В ущельях Аргуна и Фортанги

Утверждено к печати
Институтом археологии
Академии наук СССР

Редактор издательства *Т. Г. Иванова*
Технический редактор *В. В. Волкова*

Сдано в набор 14/I 1965 г.
Подписано к печати 29/IV 1965 г. Формат 84 × 108$^{1}/_{32}$.
Печ. л. 4 = 6,56 усл. л.
Уч.-изд. л. 6,4. Тираж 2200 экз.
Т-06820. Изд. № 4330/04. Тип. зак. № 1691.
Темплан 1964 г. № 25.
Цена 38 к.

Издательство «Наука»
Москва, К-62, Подсосенский пер., 21

2-я типография Издательства «Наука»
Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

2015181993